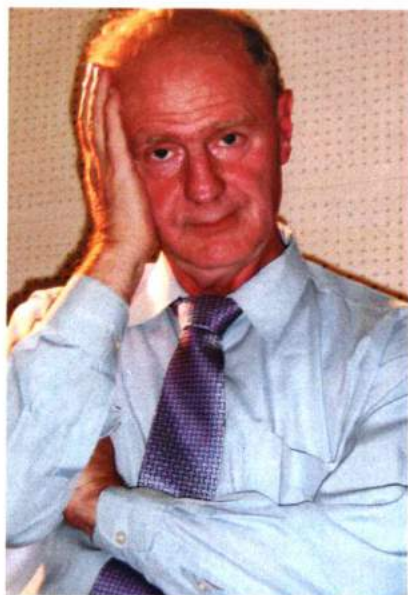

Академия культуры и искусств:
ведущие ученые, педагоги, творцы

ШЕТРОВ Виктор Дмитриевич

Творческий
портрет

*Академия культуры и искусств:
ведущие ученые, педагоги, творцы*

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЧЕЛЯБИНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ»

К 60-летию

Петров
Виктор Дмитриевич

Творческий портрет

ЧЕЛЯБИНСК 2009

ББК 791.43

УДК 85.37

П 30

Петров Виктор Дмитриевич: творч. портрет / ФГОУ ВПО «Челяб. гос. акад. культуры и искусств»; сост. Т. Д. Цидина. – Челябинск, 2009. – 173 с.: цв. фот. – (Академия культуры и искусств: ведущие ученые, педагоги, творцы).

ISBN 978-5-94839-156-4

Издание посвящено Виктору Дмитриевичу Петрову – лауреату Государственной премии в области кинематографии, заслуженному работнику культуры РФ, заведующему кафедрой режиссуры кино и телевидения Челябинской государственной академии культуры и искусств, члену художественного совета студии «Ленфильм» (г. Санкт-Петербург).

Сборник включает в себя наиболее интересные статьи и интервью драматурга, а также знакомит с творческой лабораторией автора, впервые публикуя отдельные кинозаявки, киносценарии и киноповести В. Д. Петрова.

Творческий портрет дополнен рецензиями студентов на фильмы, снятые по сценариям их педагога; кроме того, содержит ряд материалов, вышедших в разное время из-под пера профессиональных журналистов, культурологов и киноведов.

Печатается по решению редакционно-издательского совета ЧГАКИ

ISBN 978-5-94839-156-4

© Челябинская государственная академия культуры и искусств, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Цидина Т. Д. Кинодраматург, общественный деятель, педагог.....</i>	6
ЛАБОРАТОРИЯ ХУДОЖНИКА: КИНОЗАЯВКИ, КИНОСЦЕНАРИИ, КИНОПОВЕСТИ.....	10
Писатель местного значения.....	10
Пушки России.....	16
Недолго музыка звучала.....	44
Люди сумерек.....	59
Бог был с нами.....	86
Под небом голубым.....	97
Миссионер.....	106
ВИКТОР ПЕТРОВ. ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ.....	121
Власть и СМИ. Травля чиновников – самый легкий путь к журналистской славе.....	121
Кино как фактор влияния на приоритетные ценности общества.....	125
ИНТЕРВЬЮ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ	128
<i>Григорьева С.</i> Виктор Петров, кинодраматург, заведующий кафедрой режиссуры кино и телевидения ЧГАКИ: «Пафос убивает все настоящее».....	128
<i>Валеев А.</i> Все мы родом из «Барака».....	137
КОЛЛЕГИ О ТВОРЧЕСТВЕ ВИКТОРА ПЕТРОВА.....	141
<i>Ягодинцева Н. А.</i> Место силы.....	141
<i>Моргулес И. И.</i> Без шанса на вранье.....	148
<i>Еременко Е. Д.</i> Рисунки дыхания.....	155
ТВОРЧЕСТВО В. Д. ПЕТРОВА: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ.....	162
<i>Горбунова Ю.</i> «Человек со свалки» – кинороман эпохи крушения надежд.....	162
<i>Агафонова А.</i> Особенности кинодраматургии Виктора Петрова на примере киноповести «Красное небо».....	165
<i>Шилова Т.</i> Смысловая композиция персонажей в фильме «Барак».....	167
Биофильмографический очерк.....	171

Кинодраматург, общественный деятель, педагог

ЧТО БЫЛО...

Виктор Дмитриевич Петров родился в Челябинске в 1949 году. Сегодня он признает, что его главной чертой в детстве было стремление к лидерству. У него всегда было много идей, для осуществления которых нужна была компания. В детстве мечтал стать охотником, лесником или природоведом. Начиная с десятого класса, он – участник регулярных походов на полярный Урал, Алтай, Байкал и в другие уголки страны.

Его всегда тянуло к лесу, он его любит, считает, что там рождается другое мироощущение.

В школе учился хорошо. Как-то обмолвился о своих школьных учителях, что все они из блокадного Ленинграда. От них он унаследует особое отношение и слух на грамотную русскую речь. Через этих людей понятие «интеллигентность» наполнится для Виктора Дмитриевича конкретным содержанием. Они понимали свою социальную ответственность за молодое поколение.

Желая приобщить сына к культурной жизни, родители купили Виктору в пятом классе фотоаппарат и отправили в кружок. Он серьезно увлекся искусством фотографии. Через три года юноша был награжден медалью из США за снимок «Непрошенная подсказка».

Следом за фотографией начал снимать кино.

Когда наступило время выбора профессии, пошел учиться на инженера-строителя в ЧПИ, но душу это не грело. Однако само техническое образование Виктор Дмитриевич не считает лишним, более того, через математическую логику для него открылись законы равновесия, лежащие в основе человеческой жизни.

Оставив работу в проектном институте, стал заниматься с трудными подростками: водил их в лес, учил фотографировать. В это время многие его снимки публикуются в журналах «Советское фото», «Журналист», «Уральский сле-

допыт», в альбоме «Каменный пояс». В 1979 году на Международной выставке «Бифото» (ГДР) снимок Петрова «Вратарь» отмечен золотой медалью.

Начиная с 1981 года, выходят в свет первые литературные публикации: очерк «Качканарские встречи», рассказы «Рысь», «Запись для деда», чуть позже – «Ежли по совести», «Прощай, мой милый мент», «Генеральный прокурор».

1984 год – время «Ч» в судьбе Виктора Дмитриевича. Он поступает на Высшие курсы сценаристов и режиссеров художественного кино в мастерскую А. А. Тарковского и В. С. Фрида. Конкурс в тот год был 400 человек на место, из них отобрали 15. В это время для него важна не учеба сама по себе, а тот удивительный круг общения, в который он попал. Однажды на занятиях А. Тарковский обратился к нему со словами: «Ты по прежнему образованию строитель? Стоимость “хрущёвки” равна стоимости фильма? Тогда не играй в “элитарное” искусство! А пиши сценарии такие, чтобы люди не жалели, что с их дома сняли деньги и отдали на твой фильм».

С тех пор Петров следует в своей практике этому нравственному критерию.

Его дебют в качестве киносценариста был успешным. Первый фильм В. Д. Петрова «Рычаги» (режиссер В. Наумов) получил большой приз на международном фестивале в Германии.

В 1991 году совместно с режиссером Б. Горловым Виктор Петров снимает большой сериал «Человек со свалки». Фильм вышел на второй день после путча и был показан практически на всех континентах. И фильм, и сценарист получили множество гран-при.

В 1999 году журнал «Уральская новь» познакомил читателя с романом Петрова «Барак». Рукопись своего романа писатель принес будущему губернатору с единственной просьбой – прочитать и как можно строже оценить. Сумин просьбу выполнил, а потом и съемочную группу финансово поддержал. Фильм собрал 16 престижных кинематографических наград.

Как художник Виктор Дмитриевич глубоко демократичен, в оценке своих произведений ему важны мнения не только профессионалов, но и студентов, и педагогов, работающих с ним на кафедре. Он не боится услышать разночтения

по отношению к своим произведениям. Драматург обладает необходимым в творчестве качеством: не только слушать, но и слышать других.

Когда-то академик Гинзбург обратил внимание молодого киносценариста на наивность большинства людей, путающих интеллект с нравственностью. Петров навсегда запомнит слова ученого: «Юноша, интеллект обслуживает интересы ЭГО, а нравственность обслуживает других людей – по сути – противников нашего ЭГО!» С тех пор прошло много времени, но всё творчество Виктора Дмитриевича, будь это кино или литература, пронизано темами, ранее утраченными в нашем искусстве: нравственность, порядочность, совесть, социальная справедливость.

СЕГОДНЯ...

Виктор Дмитриевич один из самых востребованных кинодраматургов России, член Союза кинематографистов РФ, фотохудожник, общественный деятель, номинант высшей кинематографической награды РФ «Ника», лауреат Государственной премии РФ, член художественного совета киностудии «Ленфильм». Он участник многочисленных международных кинофорумов в Германии, Швеции, Швейцарии, Италии, Гатчине, Выборге. Активный участник семинаров по кинодраматургии в Санкт-Петербурге и Турции. Он бессменный организатор и руководитель областного скаутского лагеря на озере Тургояк, цель и смысл которого – повышение у детей уровня жизненных притязаний и воспитание патриотизма. За эту свою деятельность Виктор Дмитриевич награжден знаком «Серебряная лилия» (США). Сегодня у него в руках самая молодая кафедра ЧГАКИ – режиссуры кино и телевидения.

ВСЁ ЭТО НЕ ПОМЕШАЛО:

- быть в течение 6 лет в президентской комиссии по помилованию при губернаторе Челябинской области;
- выступить в поддержку русского населения Приднестровья и быть награжденным Всероссийским советом казаков крестом «За Приднестровье»;

- опубликовать более 13 литературных произведений (и сдать в печать еще несколько новых);
- подготовить 2-х фотохудожников с мировым именем (Ю. Ермолин и К. Юстус);
- победить на 4-х всероссийских и международных фотовыставках;
- стать автором 2-х проектов: «Ландшафты Южного Урала» и «Челябинская область» (фотоальбомы для презентации Челябинской области на международной арене);
- выпустить первых специалистов в области телевизионной режиссуры на кафедре РКТ в ЧГАКИ.

Его главный девиз в профессии – «Профессионализм есть способ реализации таланта».

Он не верит в цифровое обозначение своего возраста. Он, по-прежнему, молод душой, мыслями и деяниями. Его творческий потенциал не истончился, он лишь перешел в новое временное измерение. И значит впереди новый творческий взлет, как в искусстве и литературе, так и в педагогической деятельности.

Т. Д. Цидина,
старший преподаватель, заместитель заведующего
кафедрой режиссуры кино и телевидения

Цидина, Т. Д. Кинодраматург, общественный деятель, педагог: к юбилею заведующего кафедрой РКТ Виктора Дмитриевича Петрова / Т. Д. Цидина // Вестн. ЧГАКИ. – 2009. – Ноябрь.

ЛАБОРАТОРИЯ ХУДОЖНИКА: КИНОЗАЯВКИ, КИНОСЦЕНАРИИ, КИНОПОВЕСТИ

Писатель местного значения

*Литературная заявка на короткометражный
художественный фильм*

Сюжетная фабула проста. После марша по весенним хлябям стрелковый батальон вышел к месту дислокации в районе озера Балатон. Лёня снопом рухнул на талый снег, лицо бескровное – за сутки марша он искалечил ноги неподходящими по размеру сапогами. Рядом аккуратно опустился на корточки его взводный Долгушин, крепко скроенный мужик с насмешливыми глазами и синими от татуировок кистями рук.

– Ну, интеллигенция, придумал, что напишешь моим старикам?

– Придумал. Дай отдышусь...

Вскоре там и тут потянулись к небу думы полевых кухонь, завизжали в стылом воздухе пилы, затюкали, как дятлы, топоры. Пожилой усач с оспинами на лице отнял кувалду у слабосильного Лёни, мол, не майся дурью – дописывай письмо родителям сержанта. Бойцы из числа очередных на письма увели Лёню в укромное место, чтобы офицеры не взгрели ему холку за то, что уваливает от работы.

Здесь Лёня вызволил ноги из проклятых сапог, вынул из вещмешка источник своего дивного красноречия – толковый словарь Даля, удобно разложил листы чистой бумаги. Уже остыла каша в котелке, подsunутая ему заботливой рукой, а он всё пишет и пишет. Перечитает шедевр, скомкает лист и начинает письмо заново. Позже зрителю станет понятна причина мук Лёни. Ведь он не просто сочиняет красочные истории про однополчан, а щедро наделяет их теми добродетелями, которых им как раз и не хватает: трусоватого превращает в смельчака, злого в доброго. Кто-то из бойцов радёхонек вымышленному образу и хохочет над собой вместе с окружающими, а вот взводный Долгушин возьрится, когда узнает про себя, что он, оказывается, в порыве сострадания «подарил шикарную кожаную куртку раненому бойцу».

Но, странное дело, эти образы, эти мифы – плод чудаковатого ума, разосланные в тыл родственникам бойцов, отныне побуждают их действовать точно по написанному...

В армии, если ты понадобишься вышестоящему начальнику, тебя выкопают из-под земли.

– Ага, рота пашет, писатель пишет? Хорошо устроился. Бегом к начальнику штаба батальона. Ветром!!

– За что-о... – молвил похолодевший Лёня.

– Узнаешь! – сардонически улыбнулся посланец.

Блиндаж для начштаба батальона ещё не отрыли. В палатке накурено, всюду опечатанные чемоданы с документами, планшеты, карты, амуниция телефонистов. Сутуловатый, корректный, выделяющий интонацией каждое слово майор Герасимов вконец деморализовал Лёню обращением на «вы».

– Здравствуйте, боец Колужный. Вам знакомо чувство вины перед женщиной?

– Никак нет, – пролепетал Лёня.

– Гм, жаль. Говорят, вы мастер писать душевные письма. У меня к вам личная просьба. Жена болеет туберкулезом, обречена. И я ничем не могу ей помочь, кроме как утешить письмом. На такое письмо у меня уйдёт уйма времени, его нет. Берётесь до боёв накидать черновой вариант? Её биографические данные предоставлю.

– Спасибо за доверие, товарищ майор, – ответил Лёня после долгой паузы. – Анкета её мне без пользы. Узнать бы приятные случаи из семейной жизни, подробности...

– Подробностей не будет. Разрешаю любую лирику. Цель письма – создание ложной надежды. Просьба разглашению не подлежит.

– Разрешите идти? – Лёня козырнул, развернулся к выходу и... ойкнул от боли.

– Что с ногами? Разуйтесь. Разуйтесь, я сказал. Гм, немедленно ступайте в госпиталь.

Зная, что из госпиталя пехотинца отправят восвояси – к санитару роты, начштаба написал записку с размашистой росписью: «Рядовой Колложный – ценный кадр. Поставьте на ноги. Майор Герасимов».

Когда Лёня доковылял до госпиталя, огромная палатка с красным крестом была уже натянута и протоплена, хлопоты персонала по обустройству на новом месте закончились. Поэтому старший лейтенант медслужбы Ракицкая, стремительная фурия с языком острее бритвы, позволила усталым подчинённым развлечься: ноги Лёни, ангелочком затихшего на операционном столе, обрабатывали сразу, аж, три медсестры. Девушки ворковали с ним, не опасаясь ответной пошлости, ведь этот мальчик с цыплячьим тельцем, забавно вздрагивающий от их нежных касаний, разительно не похож на хамовитых ухажёров, которые напористо атакывали их с утра до вечера. У девушек и повод есть для расспросов, дескать, как, Лёня умудрился стать «ценным кадром» – взял в плен полковника, подорвал танк гранатой?

За чаепитием Лёня разомлел от женских чар, трофейного коньяка и признался, что мать его балерина, отец – полярник, а сам он всего-навсего писатель местного значения. Хуже того, он прозрачно намекнул, что майор Герасимов обращался к нему с личной просьбой как раз по линии его таланта... У девушек потускнели лица – каждый второй из ухажёров называл себя артистом или писателем и намекал об особых связях с начальством.

Ракицкая саркастично резюмировала услышанное, заставив Лёню покраснеть от ушей до пяток.

– Если старший по званию попросил тебя об услуге, нам-то, зачем знать об этом? Марш в роту! Трепло местного значения...

На улице Лёня разорвал в клочья записку майора. Однако уже вся рота знала, что начальник штаба вызывал на тайный разговор бойца Колложного. Повар силком затолкал ему в карманы банки с тушенкой, мол, что-то ты отощал, разве я тебе отказываю в добавке? Старшина Сударушкин вручил ему хромовые сапоги точь-в-точь по размеру, мол, откуда же мне знать, что ты брезгуешь снимать обувку с мертвяков? Бойцы перед сном пели, новобранцы

играли в карты с шулером Долгушиным. Лёня обменял банку тушенки на листы чистой бумаги, устроился поудобнее, приспособив под стол ящик из-под снарядов. К нему тотчас подсел очередной претендент на письмо. Тонем наставника Лёня долго втолковывал ему, почему необходимо помириться с двоюродными братьями и сестрами, пока... не уснул.

Чувство стыда оттого, что девушки из госпиталя сочли его болтуном с амбициями, не давало покоя совестливому Лёне, и вскоре каждая из трех медсестер получила по письму. Каждая узнала про себя, что она – уникальное творение природы и доказательства тому излагались на нескольких страницах. Письма были написаны разными стилями, но почерком одного человека. Можно представить, как окрылила романтическая интрига вчерашних десятиклассниц, жаждущих хотя бы игры в любовь. Девушки хором умоляли Ракицкую, чтобы она похлопотала о переводе Лёни из 3-й роты в штат госпиталя. Отметим тонкость, девушки еще ни разу не работали под огнем, они новобранцы, а бои, тревожилась Ракицкая, предстояли тяжелейшие.

Предзнаменование катастрофы, которая постигнет батальон, автор отражает фоновыми деталями через небывалую щедрость поваров, передвижение тяжёлых калибров, обрывки солдатских разговоров о тысяче «тигров» и «пантер». И только наш герой, всецело сконцентрировавший ум и душу на обдумывании писем, не замечает эту разлитую уже в самом воздухе тревогу.

Опытные бойцы загодя определяют исход предстоящего боя. Пожилой усач с оспинами на лице вдруг начал бриться, поменял нижнее белье. Взводный Долгушин вдруг проникся сочувствием к потеющему от страха новобранцу и предложил ему свою знаменитую куртку, но тот отпрянул от него, как от чумного, ведь сержант снял куртку с убитого летчика – плохая примета!

Глубокой ночью солдаты получали от старшины цинки с патронами, гранаты и выдвигались на передовую. Старшина Сударушкин буркнул Лёне, мол, не протягивай руки, ты уже не в штате. Какой-то весельчак съёрничал над старшиной, дескать, ну, и тупорылый ты, от Лёньки теперь зависит, эвакуируют

тебя первым из госпиталя или последним. Сударушкин тотчас вручил Лёне пару «лимонок», помедлил и вручил одну за другой три противотанковых гранаты. Лёня растерялся, не зная, куда деть этукую тяжесть, сложил гранаты в мешок с письмами. Прежде чем исчезнуть в темноте, каждый из бойцов отдавал Лёне на хранение письма родственников.

Вот и близится история к концу. Появляться в госпитальной палатке с мешком гранат нельзя, Лёня зарыл их в песок. Знакомые нам медсестры расцеловали Лёню, как родного, они панически боялись предстоящего боя.

И с первыми лучами солнца бой грянул – передовую затянула завеса грандиозных взрывов. Оттуда, из клубящейся багрово-черной пелены выползли чумазые люди – санитары и санитарки. Подобно бурлакам они тянули по хлябям поддоны с ранеными. Иногда санитары падали от случайной пули и тогда раненые сами – кто ползком, кто на карачках – ползли по грязевой жиже в сторону госпиталя. И эти бесконечные вереницы поддонов, тележек, тянущиеся по склону лощины из разных точек фронта батальона, создавали самое убедительное впечатление о трагедии русского народа в середине XX века.

Огромная палатка была уже переполнена. Ракицкая в забрызганном кровью халате сортировала раненых – кого сразу на стол, кого на эвакуацию, а безнадежных в отдельный угол, на безнадежных времени у персонала не было. Сквозь грохот разрывов, сквозь поднебесный ор десятков растерзанных людей слышался голос Лёни, он яростно кричал в телефонную трубку:

– Дед Пихто, вот я кто! Не подашь грузовики через пять минут – расстреляю!!!

Сцена в брезентовой преисподней ада станет итогом драматургических линий сценария. Вот исповедуется Лёне умирающий взводный Долгушин: он снял куртку с русского аса, когда тот еще дышал, снял и засыпал лётчика снегом. Пусть Лёня отправит его старикам первый вариант письма... Вот санитары приволокли начальника штаба Герасимова, он тоже успел рассказать правду о себе прежде, чем испустил дух. Майор Герасимов изменял жене, в последнюю ночь перед отправкой на фронт даже дома не ночевал. Жена заболела по его вине – от

обиды, останутся сиротами их двое детей. И батальон погубил именно он... «Пристрели меня, писатель, пристрели! Ей напишешь, что прощения просил...»

Поток раненых иссяк, заметно утихла и канонада. Лампочки в палатке погасли, госпиталь освещался всполохами пожаров за брезентовой стенкой. И в этой розовой полутьме исподволь зазвучал надсадный, пока ещё не близкий гул моторов. Ракицкая горячечно зашептала на ухо Лёне:

– Конец. Танки... Спасай девок! Быстрее, писатель, прячьтесь, мать твою...

Озверелый танк смял вздыбленное орудие, раздавил тела бездыханных артиллеристов, второй танк выстрелил вдогонку грузовику, увозившему раненых, грузовика не стало. Третий танк развернулся и на скорости пополз к видимому сквозь дымную пелену силуэту палатки с красным крестом.

– Отползайте! Отползайте! В воронку прячьтесь!! – кричал Лёня медсестрам, пока те не скрылись в воронке от бомбы.

Он лихорадочно рыл пальцами песок – искал спрятанный утром мешок с гранатами и письмами. Приближающийся танк расстреливал из пулемёта госпитальную палатку. Лёня заплакал от предсмертной тоски. И всё-таки ему повезло напоследок: он рывком проскочил мёртвую зону и с мешком в руках прыгнул точно под широкую гусеницу, как и рассчитывал. Взрыв подкинул железную громадину, из щелей танка повалили клубы чадного дыма. Из люка выпрыгивали на землю танкисты в горящих комбинезонах. Уцелевшая от пулемётных пуль Ракицкая выбежала из пылающей палатки и успела застрелить из пистолета двух танкистов, пока третий не застрелил её. Боец Ильшмухаметов, выползший из палатки, застрелил убегающего убийцу Ракицкой. На земле догорали размётанные письма.

Эпилог

Май. Кипень цветущих яблонь. Жители венгерского городка танцуют с победителями. В штабе дивизии тоже танцы до упаду, хохот, женские визги. Изрядно пьяный майор, начальник особого отдела, вошёл в кабинет и захлопнул за собой дверь.

– Ну, ты и настырная коза! Спала, что ли с ним?

– На подобные вопросы не отвечаю, – ответила сержант медслужбы Настя Козырева, единственная уцелевшая из трех медсестер.

Настя заметно изменилась с того страшного боя: в жестах уверенность, голос со злинкой, курит. Майор неверными руками приблизил к её лицу принесённую папку.

– Да нет у него ни адреса, ни родственников, ни друзей! Читай, если не веришь: «Леонид Ефимович Коложный в грудном возрасте найден случайным прохожим и передан на воспитание в детский дом города Одессы. Имя, фамилия и дата рождения присвоены директором детдома Остапчук С. И. по согласованию с горотделом НКВД города Одессы... За время прохождения службы писем из тыла не получал...»

– Вон оно что... – прошептала Настя.

– Забудь, сержант. Победа!!!

Вот и конец истории.

2004 г.

Пушки России

Заявка на многосерийный художественный фильм

Древо жизни нерасчленимо, сегодняшние побеги выросли из вчерашних корней...

Россия XIX века дала миру не только великих писателей, поэтов, художников, но и инженеров – кораблестроителей, оптиков, механиков, металлургов. Братья Ковалевские, Кибальнич, Аносов, Шухов, Обухов, директор ракетного завода Константинов, талантливые организаторы промышленности Кокорев, Путилов, Рябушинский..., ближе к концу века общество Леденцова, Гарин-Михайловский, Сабуров, Карпинский и др. Их судьбы поражают драматизмом и не их вина, что многим проектам суждено было остаться в чертежах или воплотиться за границей. По воле социальных обстоятельств некоторые из них

были угнетателями, но разве драма угнетателей менее поучительна и интересна, чем драма угнетенных?

Потомкам свойственно считать себя умнее предков, однако сегодняшние инженеры могли бы поучиться у предков готовности риску, профессиональной щепетильности, умению заглянуть на десятки лет вперед, пониманию не всегда уловимой, но прочной взаимосвязи между техникой и нравственностью, искусством, экологией – всей космогонии мира. Нам привычна мысль о преемственности традиций в искусстве. То же самое можно утверждать и о технике, ибо любая сфера деятельности человека через незримые кровеносные сосуды связана с прошлым, и перерезание этих сосудов не проходит для общества безнаказанно. Забота о будущем и чувство сопричастности к прошлому являются тем гормоном, который и питает веру народа в собственное бессмертие.

Вот уже более века возле стены Петропавловской крепости стоит, запрокинув жерло в небо, памятник – первая отечественная стальная пушка. На рассказ о судьбах её создателей...

Сто пятьдесят лет назад Горный институт, что в Ленинграде, назывался институтом Корпуса Горных инженеров и слыл уважаемым учебным заведением Европы. Студентам, казеннокоштным пансионерам, читали минералогию, химию, литейное дело, правила хорошего тона, азы дипломатии, фехтование и т.д. Духовную атмосферу института задавал ректор Евграф Ковалевский, человек энциклопедических познаний, ставший впоследствии министром просвещения. Именно Ковалевский убедил Николая I отменить сословные ограничения при приёме в институт. По всей стране посланцы Ковалевского отыскивали одаренных мальчиков и, выкупив их у помещиков, увозили на долгую учебу в Петербург.

Так попали в институт наши герои.

Павлик Обухов, сын обер-мастера уральского городка, сконструировал оригинальное колесо для водосливной плотины завода, через то прославился на весь Урал.

Ваня Штейман, сын дворянина, совладельца Охтинского порохового завода. Сплет из пенькового каната модель вантового моста через Неву. Мост выдерживал его сестренку Лену.

Алеша Путеев – сын крепостной пряжи. Сжигаемый зудом изобретательства, он «усовершенствовал» артельный станок для тонкой пряжи. Станок был привезен из Англии, стоил огромные деньги. Возможно, приказчик засек бы мальчика до смерти, не выбегил из флигеля с пистолетом отпускник-студент Малевич. Студент хотел припугнуть злодея, но прострелил на нем фуражку, сам перепугался до икоты. А в детскую память Алеши, в самую потайку души запала связь между выстрелом и избавлением от жгучей боли. Избавлением от унижения...

Малевич списался с Ковалевским и тем определил будущее мальчика, зато нажил себе злопамятного врага в лице приказчика. Итак, запомним какую роль сыграл Малевич в судьбе Алеши Путеева. (Голодный студент регулярно приезжал на лето в деревню с благородной целью написать труд о добродетельности тамошних женщин, то бишь подкормиться перед началом учебного года.)

Указание на сословие каждого из героев не случайно. Сословная промышленность с её возможностями и запретами, стилем мышления, предрассудками бросит сильный ответ на характеры героев, а значит, повлияет и на судьбы. Во избежание традиционных вульгаризаций – плохой дворянин, хороший крепостной – автор предоставит героям, казалось бы, равные начальные условия: они одного возраста, в одном институте, свободны от крепостной зависимости и т. д.

Большинство пансионеров было детьми дворян, что заставило сдружиться сыновей полярных Павлика Обухова и Алешу Путеева. Их объединило схожее прошлое, тоска по родителям, растерянность перед институтом, изумление перед огромным городом, в котором они впервые. Мальчики тянутся к Ване Штейману и неспроста: он охотно помогает им изучать языки, водит в свой дом, полный диковинок, он одалживает деньги, он превосходно знает Петербург. Он для друзей – мостик между сословиями. В свою очередь это позволяет Ване

держаться с превосходством покровителя. Чванство Вани исходит от семейного воспитания. Его отцу, предприимчивому купцу, звание дворянина пожаловано недавно, отсюда желание отца, кровь из носа, воспитать из любимого отпрыска «истинного дворянина». В будущем отец пожалеет, что баловал сына, неверно его ориентировал. Отец Штейман умен, внешне интеллигентен, отличный прогнозист на социальные перемены. Запомним его.

Доминанта характера Алеши Путеева – совестливость и обостренное чувство справедливости. Он частый виновник потасовок между пансионерами. Бывало, Алеша заступался за достоинство Павла, а тому и в голову не приходило, что его оскорбили. Техника, науки интересуют Павла куда сильнее, чем мелкие обиды. Он педантичен и добродушен, скрыто упрям и целеустремлен. Он прямая противоположность Ване, который минуты не живет без игры и актерства.

Однажды Алеша получил от матери горестное письмо: приказчик подло оклеветал его заступника, Малевича, и того сослали на каторгу. Подавив самолюбие, Алеша долго упрасивает Ваню, чтобы отец похлопотал за Малевича. Увы, Штейман сумел немногое: вместо Виллойска Малевича сослали в более обжитой и теплый край на Южный Урал.

Из стен института пансионеры выходили в звании инженер-поручиков. Ваня, благодаря протекции отца, распределился техническим консультантом по артиллерии на фрегат «Аврора». Ах, как завидовал ему Алеша Путеев: океаны, кругосветное плавание... (Офицеров на флот подбирали, как правило, из дворян, тем паче, что фрегат был любимым детищем Николая I.)

Павла Обухова по его просьбе распределили на оружейную фабрику в Златоуст, что на Южном Урале. Он много слышал о Златоусте, как о городке умельцев. В Златоусте инженер Аносов вернул миру утерянный рецепт булатной стали – к легендарному металлургу и рвался Павел...

На прощальной пирушке друзья по инициативе Вани клянутся всю жизнь помогать друг другу и совершить для страны что-нибудь этакое, грандиозное,

скажем, изобрести машину наподобие паровоза, который курсирует между Петербургом и Царским Селом.

В те годы Златоуст представлял собою затерянный в горах городок с населением в 16 тысяч и был центром округа. Каков же социальный базис, определявший атмосферу городка?

Железодельательный завод и крупная оружейная фабрика принадлежали государству, т. е. казенные, это лишало их возможности распоряжаться прибылью, лишало стимулов роста. Источником топлива служил древесный уголь, что также тормозило выпуск железа. (Англия, перешедшая после вырубки лесов на каменный уголь, выплавляла до 30 млн пудов чугуна и стали, причем сырцовою, а не литой.)

Рабочих набирали из окрестных деревень и приписывали к заводу – худший вид крепостного рабства. По своей психологии они оставались крепостными, отсюда цепочка: слабая преемственность профессий, низкое качество продукции и, как следствие, усиление гнета – змея, кусающая себя за хвост. Уже сам невероятный контраст между Петербургом и Златоустом обрекал на драму инженера из столицы, получившего сюда распределение. Инженеры спивались или превращались в самодуров, – страдали комплексами неполноценности из-за невозможности реализовать творческие потенции.

Представим картину: Сибирский тракт среди диких хребтов. Сверкнуло огромное зеркало пруда – на том берегу собор, завод, здание оружейной фабрики. Непрерывная канонада с полигона. Улицы, ручьями сбегаящие к пруду, непролазная грязь, почернелые избы, коровы, козы, верблюдицы возле постоянного двора (степняки приехали менять ткань на сабли), шум и гам в трактире немца Вагнера. По праздникам возле церкви обилие инвалидов, ибо почти в каждом доме имеется миниатюрная пушчонка на случай, если собаки раздерутся под окном, или прижмет нужда в полночный час бабахнуть по окну соседа-обидчика. Хороша пушчонка и против жены, если не дает на опохмелку последний пятак... (Автор не ёрничает, факты документальны. Личные пушчонки

отливали из «козла» – застуженного чугуна, они взрывались, калеча владельцев. Порох воровали на полигоне или выменивали.)

И в довершении картины – роскошный особняк управляющего округом Глинки. Он – царь в миниатюре, отец родной, обладатель сотни борзых и шестерки английских рысаков. Буян, повеса, птицелов, лют к доносчикам, по утрам предпочитает кислому вину Вагнера водку Смирнова, в кулачных боях участвует всегда на стороне голытьбы. Он – демократ, издал устав примерного поведения для рабочих, который начинается с поговорки: «Ешь мякину, а храпи овсом!»

В сим феодальном городке и собирался Павел Обухов, золотой медалист учебного заведения с мировым именем, приумножать вместе с инженером Аносовым могущество Отечества. Во и первое огорчение: пока Павел добирался до Златоуста, Аносова перевели управляющим округа Алтайских заводов...

Павел – выходец из семьи мастеровых и это сразу помогло ему найти общий язык с мастерами, ведь он знает их проблемы.

Мастер вроде и вольный человек, но за провинность его бьют батогами, как и крепостного рабочего, которым он командует, оттого мастеру вдвойне обидно. Обухов понимал, что искать рецепты сталей придется с мастерами, а не с рабочими. Он отменил мастерам палочные наказания (позже и рабочим) и вошел в конфликт с управляющим фабрикой (того прислали вместо Аносова).

Правда, Обухова поддерживал сам управляющий округом Глинка. Павел симпатичен ему широтой замахов, немногословной деловитостью и тем, что не строчит на него анонимных доносов. (Дальше почты доносы не уходили. Глинка читал их на досуге своим детям, потом вместе дискутировали: таков ли папа на самом деле?)

Первую схватку с трактирщиком Вагнером, спаивающим и рабочих и мастеров, Павел проиграл. Вагнер неуязвим, у него лицензия на откуп и продажу вина.

Инженеры фабрики приняли в штыки и самого Павла и его программу поиска рецептов сталей. Мол, знавали мы столичных птичек: испортит пудлинговые печи, а потом упорхнет в Петербург. Не получив разрешения

использовать для опытов рабочие печи, Павел решил плавить пробные порции стали в горшках – тиглях. Для материала, из которого делают тигли, необходимы огнеупоры – магнезит, графит.

Раскольники помогли Обухову найти в горах чистый графит, взяв с него слово, что завод не станет рубить леса на хребте Юрма вокруг их скитов. В ските Обухов встретил изможденного человека по фамилии Малевич, который бежал с каторги и кормился у раскольников тем, что переписывал драгоценные книги. Обухов уговорил Малевича переселиться под чужой фамилией в Златоуст: негоже образованному человеку гнить в тайге...

Тем временем лорд Пальмерстон в далекой Англии со вздохом оборонил фразу:

«Как тяжело живется на свете, когда с Россией никто не воюет...» Резидент III-го отделения (фамилия неизвестна, погиб) зафиксировал фразу дословно и вскоре документ лежал на столе у Николая I. А накануне император получил донесение от губернатора Восточной Сибири Н. Н.

Муравьева о том, что в устье Усури и Амура повадились английские и французские миссионеры. Не дожидаясь приказа из Петербурга, дальновидный губернатор на утлой посудине предпринял объезд морского побережья и рекогносцировку Авачинской губы. В Петропавловске находился единственный на Камчатке военный гарнизон – 231 человек, 6 пушчонок и 2 бомбических орудия, увы, без бомб.

«Случись бой, эскадра неприятеля парой залпов шутейно разнесет городок в щепки...», – писал губернатор и в дерзкой форме требовал от императора подкрепления. (На английских фрегатах было по 40-60 пушек, в эскадре 6-8 судов.)

Владычица морей, верная своим повадкам, для начала подтолкнула на войну с Турцией. Послушание чужой воле стоило Турции потери флота в Синопском сражении. Теперь повод стал солидным, и в мае 1853 года Англия и Франция разорвали с Россией дипломатические отношения. На европейском континенте запахло гарью большой войны...

Но еще раньше в обстановке полной секретности, которая позабавила Ваню Штеймана, фрегат «Аврора» и корвет «Наварин» вышли из Кронштадта в открытое море. Им предстояло обогнуть земной шар и прибыть в Авачинскую губу для защиты Петропавловска. В Северном море ураган вынес корвет на скалы и фрегат один продолжил переход, который продолжался почти полгода.

Треть команды умерла от цинги, в том числе боцман, врач. В портах, где свежая вода и провиант, фрегат подстерегали английские корабли. Эскадра гонялась за фрегатом по традиционным путям следования. Тогда капитан-лейтенант Изыльметьев отказался от проверенных лоций и решился на немислимый риск – обогнул мыс Горн во время штормов. Не раз фрегат попадал в засаду, но ускользал благодаря профессионализму Изыльметьева, хладнокровию и смекалке экипажа.

Предки недаром внесли фрегат в реестр кораблей, чьи названия должны переходить от поколения к поколению, пока существует флот. (Отсюда и крейсер «Аврора».) Фрегат выиграл бой с шестью кораблями англофранцузской эскадры, в числе которых были королевские «Президент» и «Пайк». (Контр-адмирал эскадры Дэвид Прайс, не вынес позора, пустил пулю в лоб, о чем английские газеты сообщили лишь после войны).

...Сквозь пелену дыма от объятых огнем Петропавловска вражеская эскадра тяжело уползала из Авачинской губы. Молчали семь погибших береговых батарей... Молчали сотни солдат на склонах Никольской сопки – они погибли в штыковой схватке, но не позволили 1000-му десанту завладеть пограничным знаком на вершине сопки. Молчал контуженый поручик Можайский, погребенный обломками скалы вместе с бомбическим орудием. Парящий ворон виделся Можайскому летательным аппаратом, который впоследствии назовут аэропланом... Оглушительно гудели горящие паруса полузатопленной «Авроры» и тушить их было некому. Ване казалось, что он бродит в аду, а не по палубе. Он проявил в этом бою преступную растерянность...

Перипетии плавания будут прописаны через восприятие Вани: он открывает для себя характеры матросов, мичманов, Изыльметьева. Собственный авторитет гаснет в глазах Вани, завышенная самооценка сменилась противоположностью – самоуничтожение, что и привело к трусости в бою.

Возвратившись домой, Ваня задаст отцу вопрос: знал ли Штейман, что из партии пороха, поставленного им «Авроре», добрая треть оказалась гнилой? Из-за этого погибла батарея Можайского, приятеля Вани. Отец обязан вернуть деньги за порох в казну – в пенсионный фонд семей погибших. Иначе Ваня не сможет смотреть в глаза даже слугам...

Итак, Павел в Златоусте лихорадочно ищет рецепты сталей. Иван, движимый чувством вины перед сослуживцами, безуспешно хлопочет, чтобы всех низших чинов «Авроры» наградили Георгиевскими крестами, а семьи погибших обеспечили пенсиями. В знак протеста сам отказывается от награды. (Из 86 матросов, представленных Изыльметьевым к наградам, только 17 наградили – пропорция между сословиями выдерживалась строго). Пора вспомнить и об Алексее Путееве. Едва в Крыму прозвучали первые залпы, он подал заявление об отправке на фронт – в Севастополь, куда и уехал в составе ремонтной артиллерийской бригады.

Возвратимся обратно в Златоуст и ближе познакомимся с беглым каторжником Малевичем, которого Обухов устроил на фабрику писарем.

Малевич считает себя ясновидцем будущего и посему сочиняет новую религию – для инженеров. По его мнению, пушки – инструмент сатаны, ибо сеют по свету семена зла. Стреляя даже за правое дело, пушки плодят сирот, у сирот же стойкая память на убийц своих отцов. Отсюда извечный круг зла, ведущий мир к апокалипсису: вчера – дубина, сегодня – пушка, а завтра, а через сотни лет? Прогресс техники неумолим и опережает прогресс души, вот и корень зла. Но в будущем именно Россия, достигнув высшей мудрости, первой в мире предложит навсегда отказаться от пушек. О, нет, Малевич не квасной патриот, он здравый логик. Душа копит мудрость через страдания, такова плата за

ценнейшую из добродетелей. А какая страна вынесла и ещё вынесет столько страданий, как Россия? Малевич давно простил тех, по чьему навету попал на каторгу, ведь им указал на него сам перст божий! России потребовались мучения неповинного человека, и он внес свой вклад гражданина в копилку мудрости страны. Языв российского каторжанина спасут мир от конца света! Эта мысль-факел помогла Малевичу выжить в руднике и жестоко со стороны Обухова подвергать его осмеянию... (Для подобного мировоззрения в те годы существовал базис. Мысль о неизбежности разоружения Малевич, историк по образованию, мог почерпнуть из трудов социал-утопистов, которые допускали появление оружия, делающего войну бессмысленной. Идей пацифизма придерживались многие секты раскольников, живших по Уралу. Отказ от ветхозаветной догмы «око за око, зуб за зуб...» в отношениях между странами проповедовали отдельные деятели церкви, в частности Тихон Воронежский. Застыжная реакция, потом война, недород и голод породили всплеск мистики. Кликушеством и всевозможными пророчествами кормились тысячи обездоленных. Утвердился канон вещать «истину» под видом посланца небес. Для Малевича уход в мистику – защитная реакция психики на ужасы каторги, ибо достойной причины, за которую пострадал, у него нет – оклеветан.)

Малевич навязчив, он истосковался в лесах по общению с людьми и Обухов понимает это. Лишь иногда Обухов упрекает его, мол, философы витаю в облаках, пусть другие за них разгребают навоз жизни, на тех и ляжет грех – так? Конечно, может, пушки и исчезнут через тысячу лет, а как сейчас быть, когда в Севастополе льется кровь? Или пусть будет больше русских сирот, нежели французских?

Однажды во время спора в дом постучали. На пороге стоял офицер – неузнаваемый, жесткий, со следами ранения на лице. Друг...

Путеев прибыл в Златоуст по командировке Артиллерийского Комитета. Пластины инструментальной и штуцерной стали, сваренные Павлом, вызвали сенсацию в Артиллерийском Комитете. Подобные стали, Россия закупала у Круппа по цене 5,5 рубля серебром за пуд. Путеев не раз наблюдал в Петербурге,

как грузят серебром немецкие корабли – тягостная картина, патриоты снимали шапки, как на похоронах... Павел же обещает, что его сталь обойдется всего в 1,5 рубля. Забрехала надежда, что удастся в кратчайшие сроки наладить выпуск в больших количествах нарезных штуцеров, инструментов (огромный дефицит!) и т. д. Горный департамент и Артиллерийский Комитет решили назначить Павла управляющим фабрикой. Почему он не рад – не справится? Должен справиться, обязан! Нынче страна поделилась на два лагеря: на тех, кто за Отечество и на тех, кто против – третьего не дано!

Обухову трудно понять яростную бескомпромиссность друга, ведь он не испытал горечи поражений. Это не он хоронил адмирала Истомина, и не он с графом Толстым стрелял по французу: наглец фотографировал оборонительные укрепления. Увы, пули, выпущенные из гладкоствольных ружей, не достигали наглеца... А из нарезного штуцера сразили бы наповал, а из стальной пушки, которую задумал Павел, разнесли бы в пух и прах, будь француз даже за несколько километров.

Нынешние чугунные пушки – горький смех, взрываются после двух-трех сотен выстрелов. Прицельность у них, словно камнем в небо, дальность стрельбы – верста от силы, чугун не терпит мощного заряда – хрупок. У англичан, французов бронзовые пушки, дорогие, но им далеко до остальной чудо-пушки с нарезным стволом – такую сотворил Крупп в Германии.

Осознает ли Павел свою значимость? Он же единственный в стране, кто ищет рецепт литой пушечной стали, разрабатывает технологию плавки. Так почему же он беспечен, как дитя: приютил беглого каторжанина, тот, чудак, публично несет околесицу о вреде пушек – в Севастополь бы умника! У Павла много завистников, случись, состряпают донос, где гарантия, что его не отстранят от опытов? Или он полагает, что тайные враги страны, окопавшиеся в департаментах, не в курсе его успехов и не используют против него малейший повод?

Путеев убеждал не столько Обухова, сколько себя, его самого мучил душевный разлад, ведь он обязан Малевичу многим.

Уличная встреча с инвалидом-однопольчанином, просящим подавание, придала Путееву решимости, и он пришел за советом к полицмейстеру: как быть? Оградит ли полицмейстер Обухова от возможных доносов?

Полицмейстер принял неожиданные для Путеева меры: тайно арестовал Малевича, принудил того написать записку Обухову, мол, ухожу по доброй воле, и отправил его в Екатеринбург, где уральское отделение жандармерии. Разберутся... На гневный протест Путеева полицмейстер вынул из комода похоронку: оба его сына, близнецы-добровольцы, погибли от пушечной картечи в первом же сражении – под Альмой. Так что он не меньше Путеева заинтересован в стальной пушке Обухова! И негоже боевому офицеру распускать нюни по пустякам, тем паче строить из себя наивного мальчишку: это кто же в России застрахован от доносов?

Пушки России, дорога за них плата...

В тот же день Путеев поспешно распрощался с Обуховым. По выезде из городка завернул в трактир Вагнера, напился в одиночку до беспамятства...

Утром в дороге обнаружил пропажу сумки с письмом Павла на Артиллерийский Комитет – в письме секретные рецепты сталей, чертежи. Впрочем, беда поправимая, рецепты сталей он помнит наизусть.

Сибирский тракт раскис от дождей. Из тумана обрисовалась «могила» – железный куб на колесах с гербом империи, в таких возили особо опасных преступников. Зачуханный попик яростно хлестал кляч, два жандарма и арестант в кандалах помогали клячам – выталкивали «могилу» из хляби. По их зову, ящик Путеева поспешил на помощь, так всем миром и толкали на вершину холма последнее достижение державы. Свистел кнут, эхо разносило жалобное ржание... Путеев не выдержал: отняв у попа кнут, сломал о колено, выстрелил из штуцера над ухом лошади. Пара рванула из последних сил – выкатила куб на твердое место. Каждый вымок до нитки, молчали, жандарм пустил по кругу бутылку, отхлебнул и арестант. Он первым побрел к угадывающемуся в тумане дереву с удобным суком, жандарм достал веревку...

Казнь, осенило Путеева, как просто и буднично! Выходит так же с лентой, без суда и следствия могут повесить и Малевича? Путеев ужаснулся возможным последствиям своего поступка, раскаяние вылилось в бешенство протеста. Он преградил висельникам путь, вскинул штуцер: не смейте! Жандарм испуганно возразил, мол, детоубийца арестован... Путеева скрючило, чувства выплеснулись наружу...

А Обухову и в голову не пришло сопоставить спешный отъезд друга с исчезновением Малевича. Война продолжалась, долг инженера-патриота побуждал его к крайнему напряжению сил. Днем Обухов руководит фабрикой, ночью с мастерами продолжает опыты по выплавке сталей. Война до драматизма обострила хронический конфликт его совести: ему, как и прежде, чуждо насилие над крепостными рабочими, увы, рост выпуска оружия возможен лишь при жесточайшей эксплуатации. Светское общество Златоуста изводит Обухова насмешками: став управляющим фабрикой, он отменил там немногие свободы для рабочих, которые сам и отвоевал для них. Тяжело сдавать позиции, а как быть, если демократия оборачивается расхлябанностью? Если даже мастер Лукич, чья спина помнит батоги, с палкой кинулся на нерадивого рабочего: тот уснул и загнал в брак плавку булата – это сотни клинков, кинжалов...

...В начале марта 1855 года в Златоуст прибыл фельдъегерь с приказом Артиллерийского Комитета. Он проскакал без передышки 2300 верст, сжег морозным воздухом легкие и к вечеру умер. То был Ваня Штейман.

Обухова поразило, что Ваня, баловень судьбы, добровольно решился на поступок, не суливший ему орденов и оваций зрителей. Они не виделись с момента окончания института, и Обухов не мог знать о душевных потрясениях Ивана. Одиссея на фрегате «Аврора», памятный бой в Авачинской губе лишили Ваню внутренней опоры: чувства превосходства дворянина над прочими сословиями. К восприятию идеи равенства Ваня оказался не готов, сие означало бы борьбу с существующим строем и прежде всего с родным отцом... Среди причин, толкнувших Ваню на поездку-подвиг, и открывшаяся ему вина перед своим народом, и отчаяние человека, не знающего, как жить дальше...

Приказ на имя начальника округа Глинки гласил: артиллерийские ядра, резерв фабрики на случай войны, немедленно транспортировать в Крым и во Владивосток, где также ожидалась высадка англичан. Жгучая потребность в ядрах заставила Петербург вспомнить слова Глинке о «хитром резерве». В свое время, оробев перед высоким инспектирующим чином, пьяный Глинка преподал многолетний брак фабрики, как сознательный резерв на случай войны. Чин не поверил ему, но взятку принял и запустил «утку» по инстанциям. (В мирное время военпреды принимали продукцию исключительно строго, браковали до 50% ядер, и брак этот годами копился на задворках фабрики, образуя горы поросшие травой.)

Второе письмо в пакете извещало о смерти императора Николая I...

И приказ об отправке мифического резерва и смерть императора в разгар войны ошеломили Глинку. Громовержец тотчас отправил слугу за Обуховым – единственным в городе человеком, к советам которого иногда прислушивался.

Обычно сдержанный с деспотичным Глинкой, Обухов на сей раз с неумолимой логикой, обосновал ему трагичные последствия чиновничества. Отправка на фронт огромной партии брака – преступление. Однако за невыполнение приказа в военное время Глинку, отца шестерых детей, могут сослать на каторгу. Конечно, мастера отсортируют из куч ядра годные для слепого навесного огня (для прицельного огня брак бесполезен), а где в кратчайшие сроки взять лошадей для отправки ядер на фронт? Фабричный изымать нельзя, фабрика прекратит выпуск оружия. Если, как предлагает слуга Глинки, отнять у крепостных рабочих личных лошадей, неизбежно вспыхнет бунт. Полыхнет в Златоусте – загорит на всех заводах округа. Рабочие истощены до крайности, из-за войны и недорода поставки хлеба в округ резко сократились. (Зарплату крепостным платили хлебом и овсом для личных лошадей.) Уж тогда Глинке точно не сдобровать!

Обухов видит единственный выход: предельно доверительной речью разбудить у крепостных чувство патриотизма, чтобы они сами отдали лошадей. Затем нужно добыть лошадей на стороне и вернуть их владельцам. Глинка не

верит в благородство простолкодинов, он просит Обухова взять на себя деликатную миссию. Дети Глинка окружили Обухова, словно судьба их отца зависла теперь только от него. Обухов переживал худшие минуты...

Он, который прослыл у крепостных защитником, должен теперь призывать их к неслыханному самопожертвованию! И отказаться нельзя: самодур Глинка в страхе наломает дров – отнимет лошадей силой, потом вызовет из Екатеринбурга роту жандармов. Обухов соглашается... (Обухов заранее думает о Глинке хуже, чем тот есть на деле. Глинка подобным образом думает об инженерах на фабрике, те в свою очередь об Обухове и т. д. Готовность поверить в худшие стороны характера и слепота на лучшее в человеке обусловлены социальными обстоятельствами времени.)

...Заиндевелый гроб с дворянином Иваном Штейманом стоял на всеобщем обозрении – красноречивая просьба к крепостным о помощи фронту. Обухов держал речь, коснулся и начальника округа, мол, сам Мефодий Глинка жертвует на обоз своих чистокровных английских рысаков! (У Глинка подкопились ноги ...) Людское море настороженно молчало. И тогда Обухов сообщил о смерти императора, не вынесшего горечи военных поражений. Эту весть он берет на конец речи, как игрок козырную карту...

...Трезвый Глинка смотрел в окно. В мгlistой дали проступали хребты, сеял редкий снежок. Возле пограничного обелиска «Азия-Европа» тракт делился на две дороги: одна уходила на запад – к Балтийскому и Черному морям, вторая на восток – к Тихому океану. И на запад и на восток тянулись бесконечные подводы с ядрами. В соборе погребально гудели колокола, выли собаки, предчувствуя беду: городок с населением в 16 тысяч отдал фронту 4 тысячи лошадей – каждая семья. Самопожертвование, граничащее с гибелью!

Глинка вспоминал, как прощались крепостные с лошадьми – страшные сцены... Чего-то он не понял в жизни, где-то промахнулся. Проклятая провинция: был в молодости гусаром, слыл вольнодумцем, воевал против Наполеона, а к старости скатился до преступника. Его сыну, артиллеристу, предстоит в Керчи отбивать атаки врага бракованными ядрами отца...

Скрипнула дверь, в комнату заглянул слуга. Глинка спросил, как вели себя породистые рысаки, когда их впрягали в подводды. Слуга всхлипнул, мол, не дотянут до Владивостока... Согбенный Глинка прошаркал к себе в кабинет, где и написал прошение об отставке с должности начальника округа. Отставка – потеря власти, оклада в 3000 рублей, роскошного особняка...

Гусар Мефодий Глинка был плохим промышленником, но понятие о чести сохранил, недаром любил поговорку: «Ешь мякину, а храпи овсом!»

В те роковые дни трактирщик Вагнер тоже проявил патриотизм: бесплатно выставил рабочим шеренгу бочек с вином. Дескать, пейте братцы, пока живы, лихо окопачил вас Обухов...

Бунт – звездный час разведчика Вагнера. Он надеется руками рабочих разгромить фабрику и убить талантливого Обухова – потенциального конкурента Круппа. (Агенты Круппа шпионили почти на всех оружейных заводах Европы. С 1853 по 1855 малые страны, опасаясь Англии и Франции, не продавали России стратегическое сырье и оружие. Лишь Германия продавала нам пушки, штуцеры, стали – по унизительным ценам. Остановка фабрики, крупнейшего арсенала страны, означала бы, что целые горы серебра уплыли бы в Германию.)

Преданные Обухову мастера сумели обратить пьяный бунт против самого Вагнера. Жены мастеров подожгли трактир, исчадие зла, и Вагнер был вынужден бежать из городка. (Авторитет мастера для крепостных рабочих превыше остальных, ибо мастер определяет рабочему зарплату в фунтах хлеба, выделяет участок под покос, крестит его детей, выписывает лес на избу, верховодит у рабочего на свадьбе, хлопочет об отсрочке для сына-рекрута и т. д.)

Вскоре после бунта степняки-киргизы пригнали в Златоуст табуны лошадей, их и раздали рабочим. Глинка с хитрецей признался Обухову, что казна округа пуста, и он добыл лошадей «дипломатией-с». То бишь, велел оружейникам вытравить на клинках из сырцово-стали узоры, какие возникают после закалки булата, и продал фальшивый булат киргизам – клинок за кобылу, легко и

просто! (Всякий кочевник мечтал о булатной сабле, но продажа булата в частные руки каралась законом – монополия государства.)

Этот последний на своей должности обман Глинка совершил ради Обухова, ведь Обухов – управляющий фабрикой, ему ладить с рабочими. Он же, Глинка, с завтрашнего дня выходит в отставку. Сегодня утром прибыл с домоладцами из Екатеринбурга новый начальник округа, свинья похоже...

Последние события на фабрике открыли Обухову горькую истину: он отлично разбирался в технике, но не в человеческих душах. Обухов приходит к выводу, что поведение рабочих, мастеров, инженеров, начальника округа зависит не столько от индивидуальности характера, сколько от социальной ступени каждого. Это заставляет его изменить отношение к инженерам, он понимает, что, не завоевав их души, не сумеет сделать из них соратников.

Тем временем Путеев в Петербурге рекламирует идею стальной артиллерии. Идея утопическая, ибо армии не хватает даже чугунных пушек. Генералы из прозорливых хвалят офицера за дерзость мысли, бюрократы добродушно жалеют его, а приверженцы немецкой партии чернят идею и его самого. Путеев часто слышит довод, мол, знаменитый Аносов, создатель булата, не сумел отлить стальную пушку – потерпел конфуз, где уж безвестному Обухову?!

Но Путеев неистов, он масштабно мыслит, ему уж снится сталепушечный завод. Частный завод – это свобода от департаментов, где засели иноземцы и русопятые чинуши, им плевать на судьбу страны. Собственный завод – это самый надежный путь к мечте жизни – выпуску лучших пушек мира. Над Путеевым откровенно смеются, ибо лицензию на владение оружейным заводом может получить или дворянин, или купец первой гильдии или почетный гражданин крупного города. Правда, император обещает отмену крепостного права, обещает снести сословные преграды с пути предпринимателей. Главное же, для строительства завода нужен личный капитал. Но и с большим капиталом не обойтись без субсидий государства, а для этого он, безвестный офицер, должен заработать авторитет в глазах правительства. На сегодня у него нет денег даже на поддержку опытов Павла. Как помочь Павлу?

И Путеев решается на брак с Еленой Штейман. Отец Елены несметно разбогател за годы войны на спекуляции порохом. (С 1853 года по 1855 Россия импортировала из-за границы 92 тысячи пудов пороха. Из-за официального эмбарго европейских стран продажа велась по частным каналам, отсюда возможности барыша).

Путееву и невдомек, что Штейман заинтересовался им и Обуховым много лет назад, с того дня, как Ваня впервые пригласил их в дом. В последующие годы Штейман зорко следил за деятельностью Обухова на Урале, способствовал дружбе Путеева с Ваней и Еленой. Стратег Штейман понимает: за стальной артиллерией будущее, рано или поздно начнется гонка за Крупном, правительство начнет раздавать заказы на заводы. Есть смысл рискнуть – помочь капиталом Обухову в далеком Златоусте, тем паче, что сын Ваня умер у него на руках. Пригодится и Алеша Путеев с его любовью к пушкам и неукротимой энергией...

Штейман выискал слабинку в характере Путеева – комплекс неполноценности выходца из крепостных – и ловко играет на ней. Он один из немногих, кто протезировал Алексею в унизительных хождениях по департаментам, он, в конце концов, и женил его на своей дочери Елене. Почему бы и не женить, если девочка с детства тянется к bravому Алеше?

Перед женитьбой Путеев рвет отношения с Ксенией Ламанской, сестрой милосердия, которая выходила его в Севастополе после ранения. Путеев любит Ксению, предельно искренен с ней и просит простить его за вынужденное предательство. Они вместе пережили трагедию Севастополя и Ксения должна, нет, она обязана понять его заботу о пушках России! Или она забыла позор, испытанный ими на церемонии подписании мира? (Французы регулярно фотографировали оборонительные сооружения Севастополя, а в час подписания акта о мире насмешливо преподнесли русским генералам альбом с фотографиями...)

Вот уже Путеева и Елену обвенчали в церкви, вот уже и спальня, кроткие глаза Елены... Путеев вышел из спальни, бегом на улицу, верхом на коня – погнал бешеным галопом обратно в церковь. Священник выслушал, успокоил, мол, любой грех простителен, если совершен во благо Отечества...

Выходка нелепая для свадебного дня, но в духе Путеева, он совестлив и соткан из противоречий. Он смыл с души прошлый грех, ибо предчувствовал следующий. Елена – нежный, беззащитный, добрейший человек, и он понимал, на что обрекает её, женись по расчету, оттого и мучился. Да, по расчету, себя не обманешь...

Пушки России, дорога за них плата...

А для Обухова радость молодоженов обернулась караваном барж с шведским оборудованием. Вскоре пришло письмо от Путеева: друзьям предстояла командировка в Германию, в город оружейников Геттинген, где изготавливали стальные пушки. Эту необходимую для Павла командировку выхлопотал и оплатил частично тесть Путеева – Штейман.

Велико же было изумление Обухова, когда вместо Круппа их радушно принял живой и невредимый Вагнер. Под видом трактирщика он много лет шпионил в Златоусте и сейчас не думал это скрывать. Обухов схватился за эфес клинка. Путеев воспрепятствовал дуэли. Смерть Вагнера вызовет скандал, немецкая партия при дворе исключительна сильна. Пострадают они – пострадает и заветное дело...

У рассудительного Вагнера гнев Обухова вызвал недоумение. Разве он, Вагнер, повинен в том, что русские позволяют шпионить у себя, позволяют спаивать рабочих, позволяют травить таланты в прямом и переносном смысле слова? Он лишь честно выполнял поручение своей страны, каждый служит своему Отечеству, не так ли? А раз так, то пусть господа не обижаются, но патриот Вагнер не откроет им секретов Геттингена. Другое дело, если инженер Обухов согласится остаться в Германии, здесь его таланту дадут широкий простор...

Путеев убеждает Павла пойти на обман Вагнера: ложное согласие и через то ввоз заводских секретов – достойная месть шпиону, раз нельзя сразиться с ним на дуэли.

Вагнер водил Павла по цехам и тот не мог сдержать слез, видя свои идеи, воплощенные в чужой стране, но не в России. Отличным психологом был Вагнер...

Самолюбивого Путеева задело за живое, что Вагнер не ему, а Обухову предложил остаться в Германии. Будучи с Вагнером наедине он дипломатично намекнул ему о том. Вагнер жестко ответил, мол, он и не сомневается, что Путеев станет служить германии. В противном случае Вагнер поведает Обухову, как Путеев сдал жандармам Малевича. Обухов – человек чести, союз друзей рухнет, а без таланта Обухова Путеев, как шея без головы. Вдобавок Вагнер скомпрометирует его в военных кругах – обнаружит письмо с сумкой. Герой Севастополя и вдруг шпион Круппа? Карьера загублена...

Путеев похвалил предусмотрительный ум Вагнера, а через минуту неприметно для окружающих заколол его через оконце кареты. Патриот Геттингена спроецировал свою логику на чужой характер и за то поплатился. Европейские логики часто ошибались в прогнозах.

Головокружительная погоня, кровь чужая и собственная, наконец – порт. Море штормило, палуба уходила из-под ног. Скупой на восторги Обухов пылко благодарил Путеева. Ведь это за него Алексей отомстил Вагнеру, ведь за него? У Путеева глаза цвета кипящей смолы. После пережитого он и лгать не в силах и молчать не в состоянии: зря Павел благодарит его, черный он, сатана, да-да! Одно ему прощение за все грехи, если Павлу чудо-пушку сотворит, – пушка спишет. В руках у Павла его судьба...

По возвращению в Петербург друзья пишут обстоятельный доклад на имя военного министра Милютина. Анализируя общественные факты, они делают предостерегающий вывод? Германия в будущем – возможный претендент на мировое господство. Во-первых, военно-технические умы одержимы агрессивной идеей переноса мощного заряда на дальнейшее расстояние. (В XX веке это привело к созданию Большой Берты и ФАУ – 1,2.) Правительство сознательно поощряет кровнородственные связи между промышленниками и прусскими генералами. Новые заводы закладываются по гибкой технологии, без разделения на гражданские и оборонные, поэтому Европа потеряет реальное представление о возможностях Круппа. При заводах многоступенчатые, эффективные школы по подготовке рабочих, обучение специальности начинают с семилетнего

возраста. Снилось ли кому в Европе такое? По уставу завода каждый рабочий владеет ещё двумя специальностями – на случай войны, и т. д. Политически важно свести на нет зависимость оборонной промышленности от поставок Германии. Особенно это касается бога войны – артиллерии.

Подобный доклад в те годы требовал мужества, друзья понимали, что рискуют не только репутацией. (Прусский король является дядюшкой Александру II. Последняя русская кровь в жилах императоров иссякла еще в XVIII веке.)

Милютин оценил прозорливость доклада и взял на себя ответственность за его продвижение. Милютин задумал широкую реформу армии по итогам войны и горячо поддерживал свежие идеи и тех, кто способен воплотить идеи на практике. Через месяц – молниеносный срок для российских темпов! – правительство утвердило проект стальной пушки и ассигновало Обухову 85 тыс. рублей. Впервые друзья обрели в лице Милютина умного и столь могущественного покровителя. (Милютин – феномен своего времени. За 20 лет стал из солдата военным министром. Преподавал в академии генштаба, оставил после себя множество теоретических разработок. Умирая 93-летним стариком в 1914 году, он, возможно, снова оценил прозорливость доклада наших героев.)

...И Обухов отлил по оригинальной технологии 4 первых в России стальных пушки. Эти опытные образцы заряжались через ствол, а не с казенника, как крупновские. Легко сказать – отлил, решил на практике уйму технических вопросов. Нарезной ствол потребовал снарядов со свинцовой оплеткой вместо круглых ядер – снова расчеты, поиск конструкции и т. д.

Как ни талантлив Обухов, он не достиг бы цели без помощи инженеров фабрики. От природы педант, «дитя машин», он научился видеть в каждом инженеру прежде человека – помог каждому обрести достоинство специалиста. Обухов сделал невозможное для тех времен: отказавшись от стереотипов в управлении фабрикой, вырастил в косной провинции круг единомышленников. Отсюда и успех, о котором помнят потомки.

По мере работы над пушкой Обухов растет как личность, тем и интересен. В свою очередь Путеев на пути к обладанию пушками разрушается, как

гуманист. Внешне оба стремятся к единой цели – благу Отечества, на деле как в параллельных лифтах: один через мучительные ошибки вверх – к постижению человека. Второй, через страдания, неумолимо вниз...

Последние недели перед отливкой пушек Обухов работал с легендарной энергией. Он не мог есть, таял на глазах, он превратился в героя Златоуста.

Полицмейстер взял под контроль местных колдунов, способных навести на Обухова порчу. Колдуны глубоко обиделись, разве они не патриоты? Или это не они с утра до ночи ворожат по белому на Обухова, сами исхудали? Тогда полицмейстер намекнул попу, чтобы число прихожан, ставящих свечи за успех дела Обухова, резко увеличилось. И вообще пора причислить Обухова к лику святых! После спора с врачом фабрики полицмейстер принял свои меры: назначил из добровольцев ответственных за здоровье Обухова. Опекуны изрядно досаждали Обухову: но не позволяли дышать ядовитыми газами в литейном цехе, поили молоком от самой удойной коровы Златоуста, кормили мясом рыси. (По уральским поверьям лечит сердце и добавляет ума.)

Тот же полицмейстер приказал мальчишкам вылепить из снега на склоне горы гигантский бюст Обухова. И желательно похожим на оригинал, и желательно с Владимиром 4-й степени на груди, иначе выпорет бездельников.

Пожалеет полицмейстера: после гибели сыновей на фронте он пристрастился к вину трактирщика Вагнера, которое, как выяснилось позже, оказалось шпионским. Над несчастным похохатывали даже мальчишки и грозились написать донос на него. Позор посеребрил виски полицмейстера, он затаил глубокую обиду на Круппа и подозревал теперь в шпионаже всех подряд. В его поведении появились забавные странности. Страх перед доносом и отменой крепостного права ускоряли болезнь. Три темы не сходили с уст несчастного: о пользе стальных пушек, о вреде доносов, о предстоящей реформе, то бишь, о демократии...

К Обухову обратилась делегация стариков – ветеранов войны с наполеоном. Они тщательно изучили кандидатуры рабочих, кои будут лить сталь из тиглей в формы пушек, и многих отклонили. Фомка Егишев, хоть и здоров бык,

а не достоин чести – детей не блюдет, жену лупцует смертным боем. Ванька Дериглазов тоже не годится – редко в церковь ходит, и Гошка Мокшанцев не тот – нечист на руку... Историческое событие чай, теперь молва поедет о Златоусте, надо бы к печам лучших из лучших...

Под звон колоколов и ликование тысячной толпы пушки грузили на подводы. Купцы низко кланялись кормильцам – щедрые заказы, матери садили на ствол младенцев – счастье на всю жизнь, калеки целовали лафет – здоровье возвратится. Разгулявшиеся патриоты ухнули в прорубь медный единорог, стоявший перед фабрикой в честь побед Румянцева. Эх-ма, братцы, зачем теперича нам медное старье, стальную учудили, мы теперича вровень с Европой, мать ее растуды!

Радость дня омрачил полицмейстер: подражая попу, окроплявшему пушки святой водой, он помочился в жерло. Сатана! Дьявол в пушке! – бился несчастный в руках мастеров, повторяя на свой лад слова Малевича. – Даешь реформу! Даешь демократию!

Под вопли душевнобольного обоз с пушками тронулся в Петербург...

...Столица встретила обоз безлюдными улицами и жерлами орудий – занималось утро 17-го февраля 1861 года. (Александр I панически боялся, что в день отмены крепостного права вспыхнет восстание, посему отдал приказ Великому князю Константину привести в готовность войска и артиллерию.)

Обухов оказался свидетелем тому, как Константин наставлял артиллеристов: картечи по смутьянам не жалеть! Еще более потрясло его, что среди пушек, предназначенных стрелять по своим, были и пушки его фабрики. Позже Обухов страдал оттого, что смалодушничал и не высказал князю Константину своего мнения о назначении пушек.

На Александровском арсенале стальным пушкам нарезали стволы и вскоре начались испытания на полигоне под Гатчиной.

Жена Путеева, будучи в положении, умоляла мужа отказаться от участия в опасных испытаниях. У любящей Елены обостренная интуиция на опасность, грозящую мужу. Ее страшит то возбуждение, кое охватывает Алексея при од-

ном виде пушек. Отец родной, Штейман, тоже как с ума сошел: мечтает опробовать на стальных пушках новый сорт морского пороха. Елена ненавидит войну: изранен под Севастополем муж Алексей, схоронен в Златоусте брат Ваня. С детства она только и слышала разговоры о порохах, мортирах и гаубицах.

Страх за жизнь мужа спровоцировал у Елены преждевременные роды. Заключительный этап испытаний продолжался три дня, и три дня Елена мучилась – не могла родить...

...Жерло пушки изрыгало языки пламени, ствол раскалился. Взмокшие артиллеристы зароптали, мол, разнесет пушку от двух картузов пороха, не хочется умирать по-глупому, благо бы в бою. И тогда Обухов и Путеев, несмотря на протесты членов комиссии, сами встали к орудию. Заряд в два картуза пороха, плюс ещё треть фунта, плюс еще треть фунта. Выстрел, выстрел, выстрел... Небывалая точность попадания, снаряды вместо обычных круглых ядер легко крушат гранитные стены. Четыре тысячи выстрелов, историческая минута, над полигоном тишина – массовый гипноз... (После полутора тысяч выстрелов крупновская пушка лежит вверх лафетом.)

Обухов зарядил пушку, мастер Лукич перекрестился, Путеев с бескровным лицом сел на ствол. Шеннул другу, мол, не дурачусь – рискую ради пользы дела... У генералов побелели скулы – безумие... Два ямщика заключили пари на червонцы: погибнет дуралей, аль нет?

Никто не остановил Путеева, в том числе и тесть Штейман. Россия соревновалась с Крупном, с Европой...

Пушка выстрелила, ствол треснул, но Путеев уцелел. Он пока не знает, что этот последний выстрел прозвучал салютом в честь появления на свет его сына и смерти жены, не вынесшей родов...

А потом Путеева и Обухова качали на руках и военный министр Милютин, ошеломленный отвагой Путеева, изрек, мол, быть смельчаку строителем и владельцем первого сталепушечного завода – выхлопочу у императора лицензию. Ямщик, чернь осмелевшая, растолкал толпу – вручил Путееву шапку с червонцем, дескать, капитал на строительство завода, не побрезгуйте для блага

России... Начальник Артиллерийского комитета, тонко усмехнувшись, кинул в шапку кольцо с руки. Министр финансов отпарировал выпад – посулил крупную дотацию из государственной казны. Прочие члены комиссии тоже не оплошали – наполнили шапку с верхом. Эйфория кружила головы...

Путеев знал, зачем смертельно рисковал: удаль в России всегда ценилась выше здравого смысла...

А потом возник Великий князь Константин с приятной вестью: Обухову присвоено звание полковника, он и Путеев удостоены воинских орденов. Путеев проявил должное подобострастие, а Обухов даже не встал с лафета, а Великий князь ждал...

Повисла зловещая пауза...

Положение спас Путеев: суетливо солгал князю, мол, у инженера Обухова ноги отнялись от нервного напряжения. Великий князь холодно кивнул кучеру, тот бешено стегнул лошадой... Обухов в свою очередь с трудом поднялся и похромал к шатру. Путеев сжался под взглядом присутствующих, ибо и без слов было ясно, кто из двоих проявил настоящее мужество... (В армейских кругах и в департаментах Великого князя боялись и презирали за некомпетентность. Он занимал пост министра флота, строил деревянные броненосцы.)

Милютин, седой мудрец, успокоил Путеева, дескать, правильно поступили, что отвели гнев князя от Обухова. Он – талант, у таланта есть право на каприз и гордыню, но не у вас с нами. Кто действительно радуется о благе Отечества и хочет дело делать, должен забыть о гордости. Такова юдоль России...

Пушки России, дорога за них плата...

На похоронах жены Путееву явился фантом Малевича, протянул лопату – закапывай её... Путеев отпрянул, зарычал невнятное. Присутствующие всполошились, подумали, что с горя лишился рассудка. Лишь Штейман, отец Елены, не успокаивал зятя...

Долго Путеев уговаривал Павла не уезжать обратно в Златоуст, а вместе строить завод в Петербурге. В столице министерства, лучшие умы, порт военных кораблей, в Олонце дешевая руда, рядом Швеция, где закажут оборудова-

ние и т. д. Но Павел непреклонен: он привязан к Златоусту, там мать, мастера. Он не имеет права оставить инженеров, которых разбудил от спячки. Да и чванлив Петербург, каждому нужно кланяться, а на Урале он сам себе хозяин...

Мучительно для Путеева одиночество в миру. Вот уж под медь оркестра вколочены первые сваи завода, развязался язык после шампанского, а душа молчит. Тоскливо душе без ласки жены и уважения единственного друга. Увы, Елены давно нет в живых, давно уехал Павел в Златоуст. Кто их заменит? Неужели Ксения Ламанская? Оказывается, любит до сих пор! Все годы разлуки готовилась к сегодняшней встрече: штудировала литейное ремесло, скупала картины у художников-баталистов – подарок ему. Единомышленница: с закрытыми глазами вычертит конструкцию любой пушки!

Встреча за встречей и былая страсть к Ламанской снова захлестнула Путеева.

Но сказавший однажды «а» неизбежно скажет «б» – его заставят...

Час назад Путеев и Ксения условились о помолвке. Домой Путеев летел, как на крыльях, и вдруг сюрприз: слуга не пускает к родному сыну! Взбешенный Путеев ворвался в кабинет тестя. Старик Штейман предложил зятю трубку, сие по ритуалу означало долгий разговор...

...Задумывался ли дорогой Алексей об истоках болезненного самолюбия, которое отравляет ему жизнь? Сам того не подозревая, он жаждет избавиться от клейма бывшего крепостного мальчика, пытается выдавить из себя холопа. Внешне это вылилось в стремление стать властелином пушек. Алеша верно понимает, что путь к свободе единственный – через капитал... Но отчего умный Алеша отказывается понимать известную истину: за любой капитал нужно платить, закон платы неизбежен. Алеша и впредь может рассчитывать на капитал семейства в строительстве завода, если сохранит верность памяти Елены – не женится вторично. В противном случае старик Штейман оставит его без денег, без протекций и... без сына. Сие не пустая угроза, нищий не имеет права на детей! С какой стати он, Штейман, должен оплачивать честолюбивую мечту человека, который не любил его дочь и косвенно повинен в ее смерти? Сам Штейман платил за капитал очень дорогой, часто унижительной ценой. Пусть и

Алеша оплатит ему хотя бы порядочно, ведь репутация семейства Штейман превыше всего. Кстати, зря Алеша изображает интерес к картам, глупо из подражания дворянам сорить тысячами. Пора бы научиться уважать себя, пора бы, как заводчик Кокорев Василий Андреевич, отлить золотой лапоть в знак уважения к своим потомкам-крепостным. Неужели Алеша не понимает, куда идет Россия?

Путеев провел с сыном бессонную ночь, к утру заметно постарел. За кофеом решительно объявил тестю: мачехи у сына не будет! Штейман поблагодарил зятя за уважение, подал ему ручку... Сам Штейман подписал завещание на зятя еще раньше, он и не сомневался в мудрости Алеши. Порох тестя, пушки зятя – русская буржуазия набирала силу...

Ксения Ламанская прокляла Путеева, да будет проклят тот, кто предал дважды – аминь! Нельзя сеять семена зла, Ксения еще сыграет свою роль в дальнейшей судьбе Путеева и его сына...

Итак, у Путеева две надежды в жизни – строящийся завод и сын, которого в честь брата жены назвал Ваней. Отец фанатично любит сына. Мальчик, как полагает Путеев, должен стать продолжателем дела. Иначе для кого он по крохам наработывал финансовый и общественно-политический капитал? Избавь господь сына от тех унижений и мук совести, что испытал он сам! Плох тот отец, сын которого начинает жизнь с нуля, а не с плеч отца! Путеев энергично пытается приобщить мальчика к своим делам и уже этим отдаляет его от себя...

Одно дело – построить завод, другое – запустить орудия на поток. Путеев опутан долгами, только серийный выпуск пушек спасает его от неминуемого банкротства. Путееву нужен Павел с его дотошным знанием сталелитейного производства. К тому же у Обухова лицензия на единоличное изготовление пушек его конструкции сроком на 15 лет. Путеев делает все, чтобы переманить Павла к себе. Подкупленный им машинист разбирает паровой молот – сердце фабрики, который Павел с невероятными трудностями доставил из Бельгии в Златоуст. Эта последняя капля переполнила чашу терпения и Обухов, оставив хиреющую фабрику в Златоусте, перебирается в Петербург к другу. (В сцена-

рии подробнее затронем причины разорения фабрики. Одна из них – отток специалистов после реформы 1861 года. Вторая – постройка в Перми сталепушечного завода. В Перми многоводная Кама, по ней пушки увозили пароходами. Из Златоуста же возили гужевым транспортом...)

...Лондон, международная ярмарка оружия. Снаряды из русской дальноточной пушки бьют по бронированной цели. После очередного попадания судно-мишень разломилось и пошло ко дну. Домой, сегодня же домой! К единственному сыну – продолжателю рода, к другу Павлу...

Дома тем временем произошли события. Раз под вечер слуга завел в гостиную ветхого старца. Это Малевич, он разыскал бывшего покровителя в надежде, что Обухов согласится издать на свои деньги труд его жизни, книгу под названием «Новейшая библия или извлечения из нравственных правил для инженеров». Малевич лелеет надежду разослать по экземпляру книги заводчикам, он хочет перед уходом в мир иной завершить миссию пророка.

Сын Путеева с радостью соглашается доработать рукопись книги. Ваня согласен с красной мыслью книги: совершенствование души должно опережать прогресс техники, иначе человечеству грозит беда! Ваня согласен с мыслью, что пушки ведут к накоплению зла в мире. Он в восторге от идеи, что рано или поздно именно Россия разорвет порочный круг – предложит человечеству навсегда отказаться от пушек. Ах, как не хватало ему до сих пор взрослого единомышленника в лице Малевича!

Отметим тонкость: Ваня слишком молод, чтобы всерьёз осознать изложенное в рукописи. Принятие им идей Малевича по сути не что иное, как протест против отца-диктатора.

В сценарии будет прописано, как Путеев, личность очень сильная, всю жизнь избавляющийся от комплекса раба, хочет воспитать сына подвластным только своей воле, т. е. нового раба.

После разговоров с каторжанином Обухов утвердился в давней догадке: да, это друг сдал Малевича жандармам. Догадка породила прозрение: Путеев с молодости поставил на него, как на скаковую лошадь, для того и в делах

поддерживал! Выманил из Златоуста, приютил больного и через то прибрал к рукам лицензию на изготовление пушек! Прикрылся святостью дружбы, заботой о благе Отечества, а думал, фарисей, лишь о себе, о капитале! Обухов измучен болезнями, и не в силах сейчас рассуждать объективно. Его хватил удар, он лишился речи, – прикован к постели...

Коляска катилась по Невскому. Путеев жадно ловил ртом струи дождя – родина, дом... Он еще не знает, что дома предстоит встреча с ожившим призраком – Малевичем, с глазами угасающего Павла. Встреча с сыном...

Как сложатся дальнейшие отношения Путеева с сыном? Теперь Ваня знает, что отец загнал обратно на каторгу человека, которому обязан многим. Из-за отца нем и неподвижен любимец Вани – Обухов. А тут ещё слуга, иезуит, ждавший своего часа, намекнул Ване о роли отца в смерти матери...

Возможно, Ваня поставит отцу жесткие условия: старец Малевич остается жить у них! Возможно, Путеев тайно от сына сдаст Малевича в психиатрическую лечебницу – как иначе избавиться от сумасшедшего?! Проклятый старик околдовал сына своими бреднями, он перечеркивает все, на что Путеев положил жизнь! Возможно, после этого Ваня уйдет на поиски истины к графу Толстому. Толстой, как и его отец, воевал в Севастополе артиллеристом, убивал, а ныне исповедует учение о непротивлении злу. Будь у Вани деньги, он съездил бы и к немецкому философу Марксу: тот утверждает, что всякие войны – и захватнические и освободительные – лишь первый этап в развитии истории человечества. У Вани к обоим множество вопросов...

От ответов на вопросы зависит, оправдает ли Ваня дело отца...

2005 г.

Недолго музыка звучала

*Заявка на полнометражный художественный фильм
(трагикомедия)*

В ресторане стильный интерьер, приглушенная музыка. Главная героиня сюжета Ольга Ильина беседовала с мэром города Полтавским. Мэр пришел сюда пообедать впервые, и не один, а с женой и детьми. Ему понравилась интел-

лигентная атмосфера ресторана, и он спросил Ольгу Борисовну, согласится ли она кормить именитых гостей, которые съедутся со всей страны на празднование 300-летия города. В этот момент, ах, некстати, официант с встревоженным лицом склонился к уху Ольги Борисовны. Она извинилась перед мэром и поспешно ушла в подсобное помещение, где пили водку электрик и её муж Андрей, он же грузчик, он же владелец ресторана по документам, он же известный в прошлом рок-музыкант. Ольга отняла у него бутылку.

– Марш домой! В зале не смей появляться, у меня переговоры. А ты, змей-искуситель, уволен!!!

Увы, слова жены возымели обратное действие. Пьянуший Андрей вывалился на сцену зала, как скелет из шкафа, в руках – банки и бутылки с пивом. Музыка, прокричал он, должна быть «живой», как и пиво! В доказательство он виртуозно исполнил мелодию, используя банки с бутылками вместо инструментов. Кто-то из посетителей возмущился выходке, кто-то наоборот зазывно махнул ему рукой – ресторан превратился в кабак.

Ольга закрыла ладонями пунцовое лицо. Семейство мэра чинно попрощалось с ней и покинуло зал. Андрей тем временем уже спорил с языкастыми ехиднами о роли «хэви-металл» в мировой культуре. Неизвестно, чем закончилась бы их колючая перепалка, но он вдруг согнулся от нестерпимой боли в правом боку.

А утром следующего дня Ольга смотрела на мужа сквозь стекло реанимационной палаты и вспоминала, при каких обстоятельствах она влюбилась в него сразу и навсегда...

...Ей десять лет, на голове огромный бант. Отец держит её на плечах и раскачивается в такт какофонии звуков – они слушают выступление группы «Атланты». Оля потрясена действием, в руках у неё свеча мира, как и у сотен остальных слушателей.

Руководитель группы Андрей Ильин, красавец с волосами до плеч, с трудом протискивался через толпу поклонниц, жаждущих автографа. Возле отца

Андрей остановился, дал ему автограф, а Олю взял на руки и вместе с ней долго позировал фотографам – помнится, она чуть не ослепла от вспышек.

Случилось это чудо в конце 80-х, а в середине 90-х годов она, совсем молоденькая «челночница» на контрасте с матёрými тётками, случайно встретила своего кумира на складах таможи в Бресте. Андрей в те времена перегонял джипы из-за границы, она же перебивалась мелочью, чтобы не умереть с голоду, ибо отца-кормильца уже не было в живых. Ольга набралась смелости и рассказала кумиру о том чарующем поцелуе, даже показала вырезку из газеты. Уже сам факт, что девушка хранит вырезку из газеты, как талисман, в подкладке кургузой турецкой куртчонки растрогал Андрея до слёз. Он «выкупил» Ольгу у бандитов, которым она отдавала половину выручки.

С тех пор они не расставались. Вскоре после их свадьбы Андрей арендовал пустовавшую столовую и сумел превратить её в доходный ресторан, а Ольгу сделал директором. О прошлой карьере рок-музыканта он вспоминал с иронией, с членами группы не виделся годами за исключением экс-барабанщика Сыча. А как он радовался рождению дочери Насти! И вот без видимых причин вдруг начал пить и за год спился до облика бомжа...

Медсестра непустила Ольгу в реанимационную палату, но Сыч вторгся туда силой и успел засунуть под одеяло Андрею плеер с наушниками. Лечащий врач ошеломил Ольгу диагнозом болезни мужа: начальная стадия цирроза печени. Если он не бросит пить, случится трагедия. Пьет он, скорее всего, из-за хронической депрессии. Причину депрессии может выявить только очень хороший специалист, из таковых в городе имеется всего один. Очередь к нему на месяцы вперед, сеанс стоит всего тысячу рублей. Могу устроить протекцию, загадочно улыбнулся врач.

– Депрессии, компрессии, – пробурчал Сыч. – Я за сто рублей скажу, почему он квасит! По музыке тоскует. Он же сочинял все вещи для «Атлантов». Знаешь, какой адреналин в крови, когда вещь получается?!

– Позвольте, разве господин Ильин не владелец ресторана? – спросил врач обескураженным голосом.

- Да он и бизнесом занялся только затем, чтобы потом вернуться на сцену...
- Странно, Андрюша никогда не говорил мне об этом, – возразила Ольга.
- А как расскажешь, глупенькая? Это же не дебит-кредит, не курсы бухгалтеров по ускоренной программе. Это туман в душе клубится...

Экс-барабанщик Сыч ныне зарабатывал хлеб насущный каторжным трудом – разводил кроликов и сдавал их в магазины, в том числе и в ресторан Ильиных. Ностальгию Сыча по концертной деятельности выдавала примечательная деталь: во время кормления кроликов он включал им запись с мелодиями родной рок-группы, отчего грызуны лучше прибавляли в весе.

Не зная, чем помочь Ольге в её беде, Сыч предложил первое, что пришло ему на ум – посоветовал ей добиться от властей разрешения на участие рок-группы «Атланты» в праздновании 300-летия города. Идея высшей пробы, распалялся Сыч, у мужа твоего появится железный повод бросить пить. Сама подумай: придется репетировать с утра до вечера – неделями! – разве полезет водка в рот? На праздник съедутся мэры, губернаторы из разных областей, в их силах пригласить понравившуюся группу на гастроли. Скажи честно, не криви душой, хочешь, чтобы Андрей вернулся в шоу-бизнес?!

Отметим тонкость, перед приходом в больницу Сыч выпил для храбрости целую «чекушку», потому и фантазировал очень убедительно. И деятельная Ольга ухватилась за идею концерта, как утопающий за соломинку. Немного проясним читателю характер нашей героини: она упорна в достижении цели, как танк в наступлении. Есть в ней обаятельное простодушие, след малой образованности, она не способна осознать всю непреодолимость препятствий, поэтому не рассуждает долго, а сразу действует, действует...

В тот же день Ольга побывала на приеме у мэра города Полтавского и реабилитировала в его глазах выходку мужа в ресторане. Мэр, выяснилось, будучи студентом, часто бывал на концертах легендарной рок-группы, он очень жалеет, что уникальный коллектив распался. В дни юбилея города «Атланты» могли бы заявить о воскрешении из небытия песнями на стихи местных авторов. Кстати, он, Полтавский сочиняет стихи про родной город, сущее наваждение – сами льются,

а куда их деть? Ольга в ответ молниеносно пообещала мэру, что к лучшим из его стихов муж сочинит музыку и «Атланты» непременно споют эти патриотические песни политикам, которые тоже съедутся на юбилей.

Теперь не только у любящей жены экс-музыканта, но и у мэра города появился личный мотив для возрождения «Атлантов».

Пора упомянуть и об остальных членах группы, их двое, Мытарь и Тихий. После развала группы бедолаги тоже сгнули в безвестность.

Тихий пробавлялся тем, что ремонтировал аппараты по продаже кофе, сигарет, а чтобы знакомые меломаны не узнавали его, отпустил бороду лопатой — неряшливую под стать хозяину.

Мытарь трудился руководителем оркестра в интернате детей с ослабленным интеллектом. Шутки в сторону, работал он добросовестно, но его талант явно превосходил творческие возможности питомцев. Хуже того, с годами произошло неизбежное: он стал походить на питомцев и ценностью мыслей и способом их выражения.

После визита к мэру окрылённая Ольга побывала в интернате у Мытаря. Вместе с ней прибыл и Сыч в качестве гипнотизера. Они изложили предложение к сотрудничеству, как песню на два голоса, так впечатляюще, что Мытарь возликовал. Действительно, он рожден летать, а вынужден ползать, он готов прямо сейчас написать заявление об увольнении и завтра же приступить к репетициям.

В отличие от Мытаря скептик Тихий не утратил ясности мышления. Конечно, он навестит заболевшего Андрея, но смешно и думать о выходе «Атлантов» на сцену. У членов группы давно уж нет здоровья, нет куража, пропиты голоса и музыкальный слух. Опять же, на чем играть? На тарактелках 80-х годов? Современная аппаратура стоит сотни тысяч долларов...

Сыч, улучив момент, подсказал Тихому, мол, не спорь с безумной женщиной, а соглашайся с радостью, вот выздоровеет муж, она и успокоится...

Итак, поступок за поступком Ольга собрала бывшую рок-группу вместе. Наша героиня горда собой. Она, дилетант с растущими амбициями, даже про-

чла экс-музыкантам лекцию о живучести брендов. Однажды раскрученный бренд не исчезает, а живет в сердцах поколения слушателей, как память о собственной юности. Словом, едва они выйдут на сцену перед горожанами их возраста, прежний успех им обеспечен.

– Уточните, пожалуйста, реакцию молодых слушательниц, – промямлил Тихий.

– На руках будут носить!!!

Для первой репетиции-спекти выбрали пустующий гараж. Блеск нетерпения в глазах экс-музыкантов Ольга истолковала за предвкушение акта творчества. Сыч заранее объяснил ей, что акт творчества всегда интимен, поэтому она с готовностью оставила их одних. Сыч тотчас промурлыкал, расстегивая сумку.

– Мой адрес не дом и не улица, мой адрес Советский Союз...

– За воссоединение народов согласен! – поддержал Тихий солидным голосом.

– Я только минералку... – предупредил Андрей.

– Поздно милый пить боржоми... – хихикнул Мытарь.

Напились чертяки до состояния риз. Ностальгический эффект потянул их к слушателям, вернее к слушательницам, ещё точнее, к девушкам трудной судьбы, которые всегда тусуются в казино, где Тихий обслуживает автоматы с сигаретами. И верно, есть счастье в жизни, они выиграли целых пятьсот рублей у «однорукого гангстера» и познакомились с девушками, готовыми ради «живой» музыки поехать с ними в гараж. Вот теперь явилось и вдохновение: Тихий извлекал волшебные рулады из саксофона, а остальные танцевали, млея в объятиях друг друга. Стояла душная июльская ночь, в такую ночь одежда лишь помеха. Жриц любви было трое, а дуриков четверо, вопиющая несправедливость. И тогда самая сердобольная из жриц позвонила по мобильнику подружке Валентине, чтобы та пулей мчалась к гаражу. И Валентин, бригоголовый атлет, прибыл ровно через пять минут, а с ним целая команда неандертальцев.

– Рассчитываться будем? Девчонки дорогие...

Опустим подробности схватки людей искусства с неандертальцами, важен итог: в качестве оплаты за услуги девушек грубияны забрали всю аппаратуру, дескать, пригодится старье на спонсорскую помощь талантливым детям...

Мытарь с воплями устремился за отъезжающей «Газелью», он хромал после схватки.

– Господа, окажите спонсорскую помощь моему интернату! У меня все дети особо одарённые!! Улица Чайковского, дом пять

Домой Ильин приплелся под утро, почти трезвый. Ольга ахнула. Предупреждая расспросы, он поведал ей историю о том, как бандюги явились ночью на звуки музыки, аки лютые звери на звуки волшебной флейты. И Ольга, радая тому, что муж остался жив, прильнула к нему в постели и между ними состоялась бы долгожданная близость, но её смутил исходящий от майки мужа аромат чужих духов. Ба, майка-то на супруге женская!!! Если бы не спящая дочь, Ольга возможно и устроила громогласный скандал. Однако сейчас она просто вышвырнула из шкафа ворох его маек и трусов, отдышалась и... села за швейную машинку. Ильин в панике наблюдал за ней из-под одеяла. Осмелел, приблизился к ней со спины.

– Оленька, ты что колдуешь, а?

– Помечаю инициалами. Сама я виновата, – всхлипнула Ольга. – Пометила бы раньше, так и не перепутал бы.

Потрясенный Ильин встал перед женой на колени, опустил голову ей на бедра. Плачущая Ольга погладила шевелюру мужа.

– Так и лысину протрешь на чужих подушках. Дочка вырастет, а ты лысый. Что ей скажу?

Посочувствуем нашей героине и оценим ее самоотверженность – Ольга не прекратила борьбы за спасение мужа.

Следующую встречу рок-группы она организовала в доме самодеятельного творчества. Экс-музыканты не хотели идти на встречу, мол, порезвились и достаточно, однако любопытство взяло верх: Ольга пообещала им суперсюрприз. Каждому!

Сюрпризом оказался комплект новехонькой аппаратуры музыкальной фирмы «Глейзер и сыновья», купленной Ольгой на беспроцентную бюджетную ссуду, узнав, что добрый мэр выхлопотал ссуду у казначейства под залог ресторана, Андрей рухнул на стул и замычал от горя. Тихий с Мытарем попятились к выходу – мужики сообразили, что авантюристка возложила на них невыносимую ответственность. У Ольги перехватило дыхание от обиды.

– Я вам шанс даю, вы в кусты... Испугался бедненький, ресторан у него заберут. Сам пропешь, ты им давно не занимаешься. Ссуда моя проблема. Не выплачу – пойду под суд! – голос Ольги дрогнул. – Я и в тюрьме не пропаду, буду шить, займусь английским. А вы деградируйте без меня, трепачи, алкоголики, бабники...

– Не обобщай, – сверкнул глазами Тихий.

– Голосуем, коллеги, – подал голос Сыч. – Кто за то, чтобы спасительница изучала английский язык в некомфортных условиях? Ага, маленько стыдно. А кто за то, чтобы продать свои квартиры и помочь ей выплатить ссуду? Гм, лес рук. Тогда у нас единственный выход, – в голосе Сыча зазвучал металл. – Мы должны сорвать на концерте грандиозный успех. Нет, триумф! Должны «сделать» всех залетных попрошаек, как... Город ахнет и уж тогда, поверьте мне, мэр найдет способ списать ссуду. Победителям закон не писан!!

Вторые сутки без сна и отдыха музыканты репетировали в малом зале дома самодеятельного творчества. На впалых щеках щетина, рубашки мокрые от пота – они едва держались на ногах. В Андрея словно бес вселился. Он в клочья рвал написанное, опять строчил ноты на обрывках газеты и заставлял музыкантов исполнить новосочиненную мелодию. Ура, наконец-то получилось! Все четверо в экстазе обнялись, по бороде Тихого текли слезы – они еще способны творить, рано себя похоронили! Внезапно Андрей начал собираться.

– Куда ты? – спросил Сыч.

– С понедельника «сухой», мочи нет. Сорвусь, не дай бог, подведу и вас и мэра. Поеду «зашьюсь» к знакомому наркологу.

– В час ночи?!

– Он и ночью зашивает. Дома. Кто со мной?

Иномарка с музыкантами мчалась по ночной безлюдной улице. В глазах четверки решимость и отвага.

– Денег-то хватит на всех? – поинтересовался Мыгтарь.

– Он альтруист, копейки не возьмет.

Из-за поворота вылетел «уазик» ГАИ, машины чудом не столкнулись. Лейтенант с перекошенным от злости лицом рявкнул.

– Жизнь надоела, мать вашу?

Все четверо скорбно закивали головами.

– Надоела этакая житуха, ох, надоела. Зашиваться едем...

– И дорого берет? – опешил лейтенант.

– Бесплатно.

– Ух, ты! Я с вами...

Ревела сирена, ослепительно сверкали «мигалки». Четверка отважных ехала теперь в сопровождении ГАИ. На коротких и длинных частотах эфира дикторы призывали россиян к трезвому образу жизни, приводя в пример рок-группу «Атланты». Над горизонтом заалела корона восходящего солнца. Туда, в сторону оптимистичного рассвета, тянулась за «уазиком» ГАИ бесконечная лента машин – горожане ехали «зашиваться»...

Утром Ольга принесла музыкантам завтрак. Они, измотанные многочасовой репетицией, спали кто на полу, кто прямо за инструментом. Сыч ворочался, жалобно стонал, лоб в испарине. Он с трудом различил заботливое лицо склонившейся над ним Ольги.

– Заболел?

– Отвернись, – попросил Сыч.

Он приспустил брюки и проверил, есть ли на бедре соответствующий разрез. Фу, приснилось...

Мечтам Сыча о трезвом образе жизни рок-группы пока еще не суждено сбыться. Оставим для сценария описание их срывов и курьёзные действия Оль-

ги по этому поводу. Скажем о главном: выздоровление души и тела героев шло по восходящей...

Музыканты вместе с мэром города Полтавским обедали за столиками летнего кафе, расположенного на опушке лесопарка. Обслуживала их сама Ольга, кафе принадлежало чете Ильиных. Обед сочетали с обсуждением стихов Полтавского. Сыч, Мытарь, Тихий безапелляционно советовали мэру изменить ту или иную строчку. Андрей же отмалчивался, хотя именно ему предстояло переключать стихи графомана на музыку. На каждом из музыкантов была подаренная Ольгой майка с броской надписью «Атланты».

Благостную тишину лесопарка нарушали крики юных футболистов. Андрей отбил кулаком мяч, летевший прямо на стол. Подбежавшего за мячом мальчишку заинтересовала компания взрослых в одинаковых майках.

– Дядя, можно задать вопрос?

– Можно. Один.

– Кто такие «Атланты»?

– Футбольная команда.

– А хотите мы вас обыграем на «сухую»? Порвем в клочья!

Мэр умолк на полуслове. Музыканты переглянулись. Андрей пальцем поманил мальчишку.

– У нас на лбу написано, что мы неудачники?

– А то нет?! Животы, как арбузы...

Пока команды строились, Ольга торговалась с дерзким мальчишкой.

– Дайте им забить пару голов. Хорошо, всего один гол! Для них это очень-очень важно. Плачу тебе и друзьям по сто рублей.

– По сто баксов, – уточнил мальчишка.

Ольга показала ему в ответ выразительный кукиш.

Мэр метался в воротах, а музыканты, Ольга и повар кафе бегали по полю, оскорбляя друг друга упреками – футбол субординации не признает. Горе-игроки ловили ртом воздух, как караси на суше, ноги отказывались им

повиноваться. Юркие мальчишки выделявали всевозможные фортели, явно потешаясь над ними. Матч века закончился полным разгромом «Атлантов».

Позор лечит, убеждал себя Андрей. Он цепко вглядывался в лица друзей – проснулась ли в них нужная реакция на унижение? Наиболее бурно переживала проигрыш его жена. Юбка на Ольге разорвана, локти и колени в синяках. Она грозно трясла туфель перед лицами игроков, выясняя, кто из них отдал ей каблук, кого наказывать? Андрею припомнилась иная картина, виденная им на таможене в Бресте: толпа матерых «челночниц» ругается с пограничниками, а среди них отстранение плачет девушка Оля, прижимая к груди туфель со сломанным каблуком. Боже, как же она изменилась за прошедшие годы... Душу Андрея пронзило острое чувство жалости к жене. Он притянул ее к себе, закинул туфель в кусты, прильнул губами к губам.

– Тс-с, успокойся. Купим новые.

– Сначала купи!

– Тише на пол-октавы. Смотри мне в глаза. Запоминай: ты – молодец, ты – умница, спасибо тебе ...

– За что «спасибо»? Денег на пиво не дам.

– Выздоровливаю я... Валера, сколько дней осталось до юбилея города?

– Сорок шесть суток, – отозвался мэр, он еще не пришел в себя после матча.

– Музыканты, гении, подошли ко мне! – весело скомандовал Андрей. –

Слушаем приказ. С завтрашнего дня бегаем каждое утро. Самоотводы не принимаются. За сорок шесть дней должны восстановить дыхалку. Ты тоже будешь бегать! – Андрей ткнул пальцем в толстый живот Полтавского:

– Стихи – дерьмо, водичка. Тебе надо разозлиться...

Ускорим ход сюжета. Во время утренних марафонов и адских тренировок на гибкость тела музыканты научили Полтавского отличать поэзию от графомании. Ольга забрала у него мобильник, чтобы он не отвлекался на рабочие звонки, и вот уже сама раздает указания коммунальным службам города. Увы, собственная некомпетентность её не смущает.

Эволюция музыкантов и Ольги идет в противоположных направлениях. По мере избавления от алкогольной депрессии мужики начинают заново ценить родственников, осознают, что их скромная жизнь, в общем-то, прекрасна, в том числе и ненавистная раньше работа. Зато мироощущение Ольги скукожилось до маниакальной идеи: она возомнила себя менеджером известной рок-группы, мечтает о гастролях и видит свое будущее только в шоу-бизнесе. Ах, как ей нужен успех мужа и его команды на концерте, тем паче, что мэр наделил её чрезвычайными полномочиями по организации празднования юбилея города. Она навязчиво опекает музыкантов, чтобы те в последний момент не напились. Она даже издала липовый приказ о запрете на продажу спиртного в эти дни, но тут вмешалось ФСБ, дескать, непродуманный запрет спровоцирует массовые беспорядки в городе.

Горе тому, чей уровень жизненных притязаний превышает его интеллектуальные возможности...

В сценарии будет прописана и личная жизнь Сыча, Мытаря, Тихого, ведь у каждого из них есть проблема, которая по закону жанра благополучно разрешится к финалу фильма. К слову, приемный сын Тихого станет называть его «папой», но не потому, что отчим прославился, а потому, что теперь его можно не стесняться – пить перестал. Все драматургические линии стянутся к выступлению «Атлантов» на празднике города. Эпизод концерта на разных площадках станет самым зрелищным в фильме.

Как и предполагает читатель, наши герои превзошли самих себя. Ветераны эстрады выгодно отличались от молодых конкурентов элегантностью костюмов, пластикой движений, смыслом песен. Рок-группа «Атланты» буквально загипнотизировала всех гостей и горожан – от малых до стариков. По инициативе Ольги сановные гости качали мэра Полтавского на руках, уж очень им понравились песни на его стихи. И бандюги, которые когда-то отняли у группы аппаратуру, готовы подарить её интернату, где работает Мытарь. И девушки трудной судьбы, они же студентки института культуры, извинились перед Мытарем, Сычем, Тихим и попросились к ним в ученицы – кто-то должен обучать

их настоящему искусству. И знакомые мальчишки-футболисты напросились перетаскивать аппаратуру с площадки в автобус, лишь бы «крутые» музыканты простили им тот позорный матч.

Ну, а как же Андрей? Почему его глаза не светятся восторгом? У него проблема с женой. Мало того, что Ольга не взяла дочку на концерт отца, а спланировала её к бабушке, она ещё и напилась на торжественном приёме в мэрии. С ужасом Андрей наблюдал за тем, как жена лихо чокается рюмками с депутатами, денежными тузами, актёрами. Зритель поймет Ольгу, ведь ей нужен контракт на гастроли, нужны деньги...

Полночь. За окнами салют. На кровати смеется во сне пьяненькая Ольга. Андрей успокоил испуганную поведением мамы дочку, уложил её спать. Потом долго сидел возле жены с понурым видом. Снял трубку телефона.

– Алло, Сыч, не спишь? Я решил. Не передумаю. В следующий понедельник? Понял. Встречаемся в десять утра у кабинета. Спасибо за труды. До понедельника.

Эпизод с пьяной героиней авторы считают пока версией, темный мазок способен и разрушить образ самоотверженной женщины. В сценарии логика её характера подскажет правильный ход.

Вот и близится история к концу...

Опушка лесопарка напоминала пейзаж с полотен Левитана – осень, золото, багрянец. Сорванные ветром листья клёнов падали на столики кафе, цеплялись за стильные шляпы и плащи мужчин. Четверо уважаемых мужчин пили минеральную воду из фужеров и сдержанно переговаривались. В них трудно узнать тех побитых жизнью мужиков, с которыми зритель познакомился в начале фильма.

Андрей не сводил глаз с далекого лимузина. Лимузин прокатил по траве опушки и замер возле столиков. Водитель, известный поэт-песенник Полтавский, он же мэр города по совместительству, галантно открыл заднюю дверцу и помог Ольге вылезти. На лице Ольги лукавая улыбка, в руке красная папка.

– Ой, ля-ля, ой ля-ля, погадай на короля! Пляшем мальчишки, иначе не покажу!

Андрей утихомирил жену поцелуем, она вынула из папки стопу документов.

– Контракт на турне! Шесть недель. Шесть городов – миллионеров. Передвижение самолетами. Накладные и реклама за счет приглашающей стороны. Дружно аплодируем Валерию Фомичу!!

Полтавский жестом прервал жидкие аплодисменты, выражение его лица было мечтательное.

– Отпуск взял. Тоже махну с вами... Возьмете пятым членом группы?

Музыканты переглядывались, не решаясь ответить, стыдно обижать хороших людей. Наконец заговорил Андрей:

– Турне не состоится. Мы «зашились».

– Я «закодировался», – уточнил Мытарь.

Отказ музыкантов от гастролей вызвал у Ольги взрыв негодования – мечту убили, эгоисты, лишили смысла жизни! Муж ответил ей тоном судьбы, выносящего приговор:

– Будешь воспитывать дочь. Родишь второго, третьего. Такая твоя участь.

– Не понимаю вас, мы же на гребне успеха... Извольте объясниться! – потребовал мэр.

Объяснение оказалось удивительно простым. Гастроли предполагают жизнь только для самих себя. Им это уже тошно, им пора жить для других, они сильные люди. Позволительно ли пьянствовать Тихому, раз приемный сын зовет его «папой». И Мытарю нельзя подавать дурной пример слабым на ум питомцам – пропадут, выйдя из интерната, ведь поддерживать их некому. Благородный Сыч согласился обучать их профессии кролиководы, значит, он тоже не имеет права пить. Конечно, в радость замахнуть рюмашку по праздникам, но они, увы, хроники – будь прокляты эти гастроли, банкеты, приёмы...

Они прощались. Грустный мэр с чувством пожимал им руки:

– Спасибо, братцы, за урок. Цель творчества самоотдача, а не шумиха, не успех... Ну, а как мне отыскать этот проклятый смысл жизни?

– Берите взятки, появится и смысл, – предложил Мытарь.

– Взятки берут посредственности... – вздохнул мэр.

Члены рок-группы «Атланты» в одинаковых шляпах и плащах уходили сквозь дождь золотых листьев по аллее, с ними удалялась и Ольга в красной шляпке. Красная точка идеально гармонировала с золотом пейзажа, готовый рекламный плакат. Сидящий за столиком Полтавский смотрел с тоской им вслед, он был в кафе один, не считая приبلудной собачонки.

Эпилог Девочка объявила в микрофон:

– Песня о родном городе. Слова и музыка народные!

В радиостудии шла запись хора детей с ослабленным интеллектом. Малышам подпевали низкими голосами добровольные шефы интерната, исправившиеся бандюги и девушки трудной судьбы. Хор исполнял ту самую песню на стихи Полтавского и музыку Ильина, которую некогда пели «Атланты». Счастливый Мытарь дирижировал.

В кабинете мэра запальчиво ругались строители – делили лакомый кусок земли в лесопарковой зоне. Полтавский стукнул кулаком по столу, призывая строителей к тишине, и включил на полную громкость радио. В кабинете раздался шепелявящий голос девочки.

– Слова и музыка народные!

Изумленные поведением мэра строители слушали песню. Бритоголовый президент компании молвил с чувством.

– А все-таки талантливый у нас народ...

Полтавский ткнул пальцем в его сторону.

– Твоя земля. Оформляй документы.

Кролики, сотни кроликов в клетках и на лужайке. Сыч обучал сирот нелегкой профессии кролиководы. К нему подбежал мальчик с транзистором в руке.

– Дядя Толя, наши поют! Наши!

Сыч включил транзистор на полную громкость, запел и сам, на лице выражение непокорности судьбе. Сироты обступили его с разных сторон и дружно запели с тем же выражением лиц.

Пели Тихий с приемным сыном, собиравшие модель самолета. Пела Ольга, заплетавшая дочери косу. Пел Андрей на кухне, варивший манную кашу для двух девочек в коляске.

Вот и конец истории.

2005 г.

Люди сумерек

Заявка на многосерийный художественный телефильм

Рустам Петрович Беклемишев, главный герой нашего повествования, по специальности путевой обходчик – он обслуживает один из перегонов Транссибирской магистрали. Его жену зовут Фаина, сына Афоней, мальчику семь лет. Дружное семейство, включая волкодава Трезора, живет в казенном доме, из окон которого видны заиндевевшие пути, стиснутые скалистым каньоном, бесконечные хребты Урала.

История драмы Рустама Петровича начнется с того злополучного дня, когда он обнаружит трещину в рельсе и тем самым предотвратит крушение экспресса «Сибирский – скорый», на котором спешил из Иркутска в Петербург личный врач императора Бадмаев (должен был освидетельствовать самочувствие забеременевшей императрицы Марии Федоровны). Отметим тонкость, наш герой мог вообще не выходить из дома в тот январский день, ведь термометр за окном показывал отметку минус 43 градуса, а после минус 30 градусов рабочее время активировалось обходчикам, ибо поезда не ходили. И уж никто не принуждал его бежать три версты по адскому морозу, что бы сообщить о ЧП по аппарату фонопору начальнику станции Миасс.

Поступком уральского обходчика заинтересовался сам министр путей сообщения империи Вышнеградский, в прошлом известный математик, заведующий кафедрой сопромата Петербургского университета. Вышнеградский понимает, что в предстоящей войне с Японией работа Транссиба будет зависеть не так от начальственных окриков из столицы, как от совестливости рядовых обходчиков, машинистов и пр. Перу математика Вышнеградского принадлежала

известная теория, по которой устойчивость общества зависит от золотого процента граждан, готовых ради общества на самопожертвование. Если процент ниже порогового числа, общество обречено на саморазрушение. Увы, когда Вышнеградский проанализировал сводки выхода рабочих на трассу в запредельные морозы января – февраля 1902 года, он скорбно задумался о будущем империи: на всем протяжении Транссиба лишь единицы обходчиков проверяли полотно днем и ночью – остальные же отсыпались, либо пьянствовали.

Вызов безымянного обходчика в министерство – с неизвестной целью! – переполошил руководство Самаро-Златоустовской железной дороги, а начальника станции Миасс едва не лишил рассудка – у каждого свои грехи перед империей. Рустам Петровичу тотчас удвоили жалование – на всякий случай, задним числом. Наш герой нигде не бывал кроме Миасса, а о поездке в Петербург и во сне не мечтал. На перроне его провожала целая толпа. Рустам Петрович соответственно поклялся: жене и сыну – на чужие юбки не заглядываться, волкодаву Трезору – беспородных шавок не подкармливать, начальнику станции Миасс – хвалить работу станции взахлеб, бородатым золотопромышленникам – выхлопотать лицензию на открытие нового прииска и т. д. и т. п. Оркестр грянул, пёс завыл, поезд тронулся...

В дороге Рустам Петрович многое узнал о царящих в столице нравах, в частности, о том, какие бесстыжие блудницы эти горничные в гостиницах. По мере того, как поезд приближался к столице империи, наш герой припоминал все новые и новые грехи из своей биографии и мрачнел час от часу.

Однако на перроне вокзала его встретил помощник министра в милой сердцу железнодорожной шинели, обнял его, как родного, и повез в магазин готовой одежды братьев Блюменталь, откуда Рустам Петрович вышел уже разодетым подобно манекену на витрине. Помощника министра звали Михаилом Михайловичем, а главное, он был столь же тщедушен и мал ростиком, как и Рустам Петрович.

По пути в гостиницу Михаил Михайлович с восторгом ребёнка рассказывал о чудесах технического прогресса. И Рустам Петрович плакал от потрясе-

ния увиденным, да, да, он размечтался о временах, когда и на его перегоне будут ярко полыхать электрические огни, а в городишке Миассе появятся замки сродни петербургским.

Гостиница ошеломила его великолепием не менее, чем улицы города. Он не посмел осквернить кровать красного дерева своим телом и лег спать на полу, причем возле самой двери, чтобы ночью распутная горничная не пришла его соблазнять, ведь он дал клятву жене и сыну.

Веселая, лукавая, пышногрудая горничная явилась утром, её звали Груней. Догадавшись, что постоялец спал на полу, Груня рассмеялась и таки вызнала у него причину, по коей он всю ночь подпирал дверь, после чего повалилась от хохота на кровать и дурашливо привлекла его к себе.

Итак, наш совестливый герой влюбился с первого взгляда, что, впрочем, не лишило его цепкой наблюдательности. От Рустама Петровича не ускользнула перестрелка взглядов между Груней и пришедшим за ним помощником министра.

Михаил Михайлович привез его на авто к зданию министерства путей сообщения. Пока они поднимались по широкой мраморной лестнице, Рустам Петрович готовил себя к встрече со строгим человеком, но Вышнеградский, отец семерых детей, обаял его простотой общения и лавиной страстных вопросов. Что такое совесть? Категория врожденная или приобретенная? Сумеет ли страна «проскочить» десяток лет без революции? Понимают ли рабочие роль Транссиба в предстоящей войне с Японией? Да, да, Рустам Петрович, война неизбежна, вопрос времени.

Потом Вышнеградский вручил ему на коллегии золотые часы с гравировкой «Обходчику Беклемишеву от министра Вышнеградского». Потом очередное чудо: в кассе министерства он получил целую пачку ассигнаций за отпуск, который проведет в Петербурге. Целый месяц он будет разговаривать с Груней, дышать запахом её духов!

Дальше чудеса посыпались, как из рога изобилия. Бадмаев рассказал историю своего спасения императору Николаю, и тот повелел растиражировать с

масштабом поступок обходчика в газетах – накануне войны стране нужны не только боевые, но и трудовые подвиги.

Монархическая газета «Глас Отечества» отвела подвигу русского патриота целый разворот, хотя Рустам Петрович был русским лишь по отцу, а значения слова «патриот» и вовсе не знал. В свою очередь, подпольно издаваемая Парвусом газета «Освобождение» обозвала его наймитом буржуазии, который продался за смехотворную подачку – часы с костюмом.

Драка газет набирала силу, все тумбы на улицах были оклеены его портретами. Теперь даже дородные господа в цилиндрах учтиво кивали ему, пожимали руку, зато швейцар гостиницы, едва завидев его, демонстративно отворачивался. Рустаму Петровичу было страшно, газеты отобрали у него право на неприметность, и он уехал бы домой, если бы не его чувство к Груне. Это чувство уже напоминало взрывоопасный пар в котле, но выхода не находило. Груня, талантливая актриса, позволяла ему только робкие поцелуи в щечку, гулять же по городу отказывалась, ссылаясь, то на занятость, то на безденежье. Груня представилась сиротой, и наш герой, в порыве нежности, хотел подарить ей золотые часы министра, но девушка расплакалась от избытка чувств и заявила, что уедет к тётке в Гатчину, и будет там жить, до тех пор, пока он не уедет домой – нищие не имеют права на любовь!

Итак, Груня исчезла и теперь досугом нашего героя занимается Михаил Михайлович. Впрочем, они и раньше каждый день гуляли по Петербургу. Михаил Михайлович раскрывает нашему герою глаза на мир техники и красоты архитектуры. Недоучка обходчик ловит каждое слово инженера, но по настоящему их сблизили разговоры о детях. Убедившись, что стал для обходчика непререкаемым авторитетом, Михаил Михайлович сделал попытку вербовки, ради чего и потратил на перспективного кадра столько драгоценных вечеров.

Помощник министра путей сообщения, он же член тайного общества социал-революционеров, соратник Парвуса, предложил нашему герою подписать от своего имени обращение к рабочим Транссиба с призывом к всероссийской стачке железнодорожников. Если Рустам Петрович подпишет обращение, то

его сыну Афоне обеспечена бесплатная учёба в гимназии, а потом в любом университете мира на выбор – Берлинском, Парижском, Лондонском. Рустам Петрович молчал и молчал, не в силах от стыда вымолвить слово. Наконец ответил тихим категоричным голосом: нет, конечно, нет!

Михаил Михайлович прореагировал на отказ спокойно, мол, я так и предполагал. Вот вам билет на завтрашний поезд – уедете домой. Но если всё же надумаете подписать, если судьба сына вам не безразлична, если не хотите, чтобы он всю жизнь махал кувалдой, как вы, звоните мне в любое время суток...

Рустам Петрович с горя купил штоф водки, вернулся в гостиницу и заперся в номере. Мозг осенила догадка: Груня тоже террористка, как и Михаил Михайлович! Место горничной в железнодорожной гостинице подобрали ей не случайно, из гостиницы очень удобно отправлять через нужных людей листовки и газеты по всем железнодорожным веткам. И его образ газеты раздули не случайно – сознательно сделали известным, чтобы подпись под обращением внушала уважение. От подписи безымянного обходчика, какой прок?

Рустам Петрович приходит к выводу, что его должны убить, ведь ему теперь известен огромный секрет социал-революционеров. Тут раздался вкрадчивый стук в дверь, наш захмелевший герой приготовился к обороне, но за дверью стояла... Груня. Лицо у неё бескровное от решимости, вместо строгого платья горничной на плечах спальный халат. Она приложила палец к губам, мол, тс-с! Потом нежным касанием рук уложила нашего героя в постель, легла и сама рядом, предварительно загасив свечу. Возможно, между ними и состоялась бы долгожданная близость, однако Рустам Петрович хрипло выдохнул в последнюю минуту.

– Я не подпишу воззвание, можешь не стараться...

Груня сглотнула ком в горле, потом накинула халат, исчезла из комнаты бесшумной тенью. Рустам Петрович закусил кулак в горьком прозрении, а может быть Груня приходила к нему не по заданию, а по зову души?! Он выскочил в коридор – нет её! Потом прямо в трусах и майке на улицу – нет её! Швейцар поймал его, безумного, и на руках унес обратно в номер, где они долго

рассуждали о превратностях любви. Любовь, как и война, требует безоглядности, а какой толк рвать сердце, если не намерен расстаться ради нее с семьей?

А утром швейцар с довольнехоньким лицом вручил ему записку от Груни. Девушка просила его провести вместе с ней оставшиеся до поезда часы. За ночь выпал обильный снег, красномордые рослые дворники хватко расчищали в сугробах дорожки. Рустам Петрович мечтал о том, чтобы поезд отменили из-за заносов хотя бы на сутки. Воображение рисовало ему продрогшую на морозе сироту в стареньком пальто, но он увидел в условленном месте молодую женщину в собольей дохе с надменным лицом, покрытым вуалью. Женщина нетерпеливым жестом приказала ему садиться в крытый возок, запряженный четверкой сытых нетерпеливых лошадей. Это была Груня.

Оказывается, она дочь известного заводчика Рябушинского. Оказывается, она не может быть счастливой, если остальные живут в нищете, потому и помогает социал-революционерам. И к нему она ночью пришла по заданию, пусть не мнит себе лишнего. Но расставаться нужно всегда по-хорошему, оттого и напросилась на встречу... Они сфотографировались на память в мастерской Оцупа, и Груня даже позволила ему опустить руку на свое плечо. Однако предупредила, что не вышлет ему фото по конспиративным соображениям. Потом Груня убедила его под благовидным предлогом поменять билет спального вагона класса «люкс» на билет в обычном купейном вагоне. Потом они обедали в ресторане с цыганами, наплясались там до упаду. А на перроне вокзала её вдруг прорвало, она заплакала, прильнув к нему, иступленно целуя его колючее лицо.

Доигралась, доигралась...

Она долго бежала за вагоном, крича что-то невнятное сквозь слезы. Он тоже неотступно смотрел на неё и тоска, смертная тоска заполняла все его существо.

А через несколько часов, ночью, в спальном вагоне класса «люкс», самом комфортабельном вагоне поезда, раздался взрыв. Обшивку вагона моментально объяло яркое пламя. Пока к огню бежали машинист и помощник, Рустам Петрович сумел отцепить горящий вагон от состава. Пассажиры из соседних ваго-

нов бестолково суетились вокруг гигантского костра, однако ни один из них не решался лезть в пламя – спасать гибнущих людей. Наш герой взял на себя руководство ситуацией, он же и полез первым в окно вагона, за ним последовал машинист, помощник. Увы, спасти всех гибнущих не удалось, жар набрал силу.

Рустам Петрович угорел, потерял сознание, а когда очнулся, услышал шепот зловредного соседа по купе, мол, вот-вот прибудет рота жандармов, уж они-то разберутся, кто герой, а кто поджигатель... Дальнейшее Рустам Петрович представил ясно, как наяву: жандармы опросят каждого из пассажиров состава, а уж его непременно спросят, отчего это он вдруг накануне поездки поменял билет в безопасный вагон? Или девушка надоумила его поменять билет? Кто такая?!

У страха глаза велики, и наш герой совершил грубейшую ошибку – сбежал с места происшествия. Пропустим описание его мытарств, как он без денег, без документов перемещался на товарных поездах до Урала. Сын Афоня даже не узнал в одичалом бродяге своего отца, и жена Фаина его не узнала, только волкодав Трезор с радостью облизал ему лицо. Сутки он отсыпался, сутки отмалчивался, а потом рассказал Фаине историю своей петербургской любви с такими подробностями, что ни одна женщина не поверила бы ему, что измены не произошло.

Фаина с той поры замкнулась в себе, спали они теперь отдельно, что ничуть не огорчало Рустама Петровича. Всю энергию души он направлял на воспитание сына, чего не делал раньше. С той октябрьской ночи, когда сгорел вагон, прошло уже почти три месяца, Рустам Петрович стал надеяться, что жандармы забыли про него. Но однажды, точнее 2-го февраля 1903 года, к полустанку прибыл заиндевелый локомотив, привезший гостя. Волкодав порвал бы опасного чужака в клочья, если бы домочадцы не выволокли его на улицу.

Оставшись наедине с хозяином дома, добродушный гость представился капитаном разведки генерального штаба Литвиновым (в те далекие годы функции армейской разведки и контрразведки были совмещены). Видя состояние

нашего героя, капитан Литвинов успокоил его, мол, не пугайтесь, разведка не имеет отношения к жандармерии, давайте просто побеседуем.

Беседа оказалась искусным допросом. Капитана интересовало, почему Рустам Петрович поменял билет на купейный вагон, почему сбежал с места происшествия. Дело в том, что во взорвавшемся вагоне ехал главный конструктор Мотовилихинского сталепушечного завода с экземпляром утверждённых чертежей скорострельной пушки. Конструктор погиб, исчезнувшие чертежи находятся в Японии, факт доказанный. Гражданин Беклемишев молчит, как бык, а зря, ведь несколько часов назад началась война Японии с Россией. Максимум через сутки император объявит военное положение и тогда капитан Литвинов силой увезет его в Петербург, а уже там господин молчун осознает в чем угодно!

Капитан Литвинов дал ему на раздумья несколько дней. Прежде чем уйти, он выложил на стол фотографию Рустама Петровича и Груни, сделанную в мастерской Оцуа.

— Помогите мне спасти ее. Она не причастна к японской агентуре, но нашим псам в погонах нужны срочные жертвы...

После ухода капитана у Рустама Петровича разыгрался сердечный приступ, ведь Литвинов обрек его на тяжелейший выбор: либо «сдать» Груню, либо стать государственным преступником. Вскоре и сам капитан окажется перед подобным выбором: либо написать рапорт на своего ближайшего друга, начальника отдела разведки штаба подполковника Целовальникова, который и есть искомый агент японцев, либо чувствовать себя изменником, либо сбежать от проблемы добровольцем на фронт. И капитан выбрал последнее...

Ускорим бег сюжета. Резидент русской военной разведки в Харбине капитан Серафим Иннокентьевич Литвинов погиб от яда, впрыснутого в стакан с вином его непосредственным шефом подполковником Целовальниковым. Перед смертью капитан успел написать письмо своему малолетнему сыну, чтобы тот, когда вырастет, разыскал на Урале нужный полустанок и извинился перед путевым обходчиком Беклемишевым за причиненные тому страдания. Забегая

вперед, скажем, что через десятки лет сын капитана Литвинова сыграет свою роль в судьбе Афанасия, сына Рустама Петровича.

Итак, капитан Литвинов погиб, а Рустам Петрович отныне живет с тяжелейшим чувством вины перед страной. Он не смеет показать даже в ближайшем поселке Сыростан, ведь там уже получают похоронки с фронта, а капитан намекнул ему, что жители Сыростана могут и узнать о том, что он своим дурацким молчанием препятствует изобличению японских агентов. После развала фронта под Мугденом у нашего героя поседела голова, он стал ещё ниже ростом.

Между тем закипала революция, обходчики и рихтовщиков путей отказывались выходить на работу. Воинские эшелоны часами простаивали на полустанках. Лишь Рустам Петрович почти круглосуточно работал, подменяя бастовавших. Он решил выиграть войну на своем перегоне, за который отвечал не император Николай и не главнокомандующий Куропаткин, а лично он, Рустам Петрович Беклемишев. По ночам он играл на гармошке песню о крейсере «Варяг» и с тоской провожал взглядом красные светлячки уходящих на восток эшелонов – его не брали на фронт из-за слабого здоровья. Рустаму Петровичу подпевал сын Афоня, а жена Фаина в такие минуты проклинала трещину в рельсе, из-за которой разладилась их жизнь.

Предсмертные минуты человека выявляют его суть.

Капитан Литвинов до последней секунды заботился о сыне, предпочел застрелиться, нежели чем через несколько минут скончаться от яда изменника. Тонкость тут в том, что семье застрелившегося офицера генштаб выплачивал пенсию погибшего на передовой, а быть отравленным считалось позором, за такую смерть пенсий родственникам не платили.

И Рустам Петрович совершил отцовский подвиг перед тем, как умереть. Фаина уехала в Миасс к колдунам за «живой водой», как раз для него. Зная, что вот-вот умрет от жесточайшей боли за грудиной, Рустам Петрович напоил Афонию брагой и отправил его ночью в лес, якобы за черникой для закуски. Нельзя маленькому мальчику смотреть на смерть отца, душа травмируется. Естественно, пьяный Афоня заблудился в сотне метров от дома, уснул, а утром,

когда вернулся домой, на щеках отца уже проступила предсмертная щетина. Рядом на полу лежала фотография его и Груни.

С тех пор Афанасий Рустамович Беклемишев никогда не пил, однако через сорок без малого лет подполковник медицинской службы Беклемишев напился второй раз в жизни и последний...

Вторая часть повествования будет происходить на железнодорожной станции под Москвой в декабре 1941 года. Главные действующие лица: подполковник Беклемишев, сын Рустама Петровича, начальник трибунала Яков Литвинов, сын капитана Литвинова, беженка Евгения, дочь Груни. Судьба даст возможность детям выполнить то, что не выполнили их родители. У Афанасия и Евгении состоится интимная близость, Евгения забеременеет от любимого человека, о чем мечтала её мать. Яков Литвинов спасет от расстрела по ложному обвинению Беклемишева. Вторая часть повествования будет прописана столь же тщательно, как и первая.

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

С каждой минутой Рустам Петрович всё более изумлял домочадцев.

За завтраком он то фамильярно подмигивал сыну, то интриговал жену наглым взглядом обольстителя. От пугающих вольностей отца у Афонии открылась икота. Мать, сама аккуратность, пролила кисель на подол расшитой юбки, которую надела впервые со дня свадьбы. Тут пёс Трезор, блюститель порядка, не выдержал – принялся к дыханию хозяина, однако повода к упреку не учуял и заходил в тяжёлых раздумьях по скрипучим половицам. А отец, бестия, явно наслаждается томлением родных: им, в том числе и псу Трезору, запрещено портить вопросами аппетит главы семейства, пока он не прожует тщательно три куска пирога подряд. Сей строгий обычай, отец ввёл по возвращению из столицы империи, где узнал от городского с острой саблей о влиянии пищеварительной системы на ум человека. Рустам Петрович очень надеялся, что сын, из подражания ему, научится правильно есть, а значит, скопит ум и силы для будущей должности министра путей сообщения.

Едва он отставил тарелку, мать спросила вроде как безучастным голосом:
– Или жалование повысили тебе, а, чудик? По императорскому займу выиграл?!

Боже милостивый, решил пол в бане утеплить?!

Отец лишь отрицательно мотал головой, усмехаясь мелкости женских мыслей. Жестом факира он изъял драгоценное письмо прямо из воздуха и для пущего куража стал читать через увесистую лупу. По мере того, как актёр-актёрище декламировал строку за строкой, мать развела сцепленные руки, доверчиво разомкнула колени – поверила, что муж не разыгрывает её, читает правду.

И Афоня весь вспотел, ожидая обещанного праздника, а пёс Трезор даже пукнул, мечтая услышать из письма покровителя патриотов словечко и про себя.

«Здравствуйте, сударь мой, Рустам Петрович!

Растекаться мыслью по древу не имею времени.

О знаменитом патриоте с полустанка наслышан из газет, есть грех, читаю после обеденного кофе всякую галиматью. А вот желание отца-рабочего дать сыну настоящее образование умно и полезно для страны. Предлагаю такую судьбу Афанасию: учёба в начальных классах гимназии, засим перевожу его в моё училище, по окончании училища с золотой медалью ему открыта бесплатная дорога в институт путей сообщения. Казённый пансион гарантирую на все годы обучения, связи есть пока, даёт Господь.

Ну а как выучится Афанасий вдали от родителей, да и забудет отца с матерью? Послушайте, сударь: переезжайте-ка в Сим всей семьёй! Приставлю вас нянькой к младшим мальчикам в общежитие, там и поживёте первый год. Мою супругу, Глафиру Алексеевну, до слез тронула ваша поэма о жене, хочется увидеть красавицу. По какому праву вы заперли её в лесную темницу? Молодой женщине общение необходимо, иначе превратится в сущую ведьму, уж поверьте. Я как раз приобрёл для училища двадцать «Зингеров». Выучится Фаина на белошвейку, так прокормит и себя, и детей, и вас!

С ответом о согласии на переезд советую не затягивать. Пока обустрои-тесь, пока сын привыкнет к городу, а там и в первый класс...

С наилучшими пожеланиями. Директор реального технического училища Иван Филаретович Балакин. Почетный гражданин города Сима Уфимской губернии».

Отец обвел родных запальчивым взглядом. Судьба обделила сироту и лаской ближних в детстве, и смелостью, и ростом, оттого он сегодня вдосталь упивался ролью победителя – громыхнул кулаком по столу, аж дзенькнула ложка.

– А и хватит! Пожили босяками... Заруби себе на носу, Афанасий Рустамович: с этой минуты ты – инженер путей сообщения и ни шагу назад! Фаина, я для кого строю жизнь – почему молчишь? Министру в доме не рада?

Лицо матери с вялой мимикой замороженной души разительно оживало: смягчились складки скорби вокруг рта, крылья носа подрагивали в такт всполохам тайных чувств, глаза налились глубоким цветом вишни – сверкали, как и в лучшие дни, до признания мужа в измене. Она молчала, не в силах ответить. Заплакала.

Рустам Петрович устыдился своего пафоса, пояснил сыну жестами глухонемого: мол, ну я и петух – распустил перья, ты не вздумай вырасти хвастуном. Он замер у жены за спиной и короткими касаниями стал ласкать её беззащитную шею.

– Ради тебя уедем, конечно, ради тебя. Думала, что бревно еловое: не понимаю твоей муки?

Дыханье матери участилось, она вся была во власти творящегося с ней чуда: от ласк мужа по телу пробегали божественные токи, сливаясь в единую лавину нестерпимой страсти. Рабыня с полустанка упала на колени перед исцелителем, прижалась к нему с благоговением, елозя набухшими сосками, ловя благодарным ртом его пахнущие железом и креозотом руки. Истрадавшееся тело уже не внимало окрикам стыда: взор её помутнел, ажурные оборки юбки на тугих ягодицах затрепетали, словно крылья бабочек, из тяжёлого узла волос на затылке вылетела шпилька. Наконец она судорожно выгнула спину, испус-

тив в потолок протяжный, а для ушей семилетнего мальчика душераздирающий стон-крик.

Пёс зарычал с угрозой, отец спохватился – заслонил ладонью распахнутые глаза сына. Мать на полу перед их ногами плакала уже навзрыд, шептала в исступлении:

– Спасибо, спасибо, спасибо – из петли вынул... Как вернулся из поездки, порассказывал о забавах с ней – я чувствительность враз и потеряла. Ночью подлаживаюсь под тебя, охаю, жена какая-никакая, а кровь у самой не кипит, рыбой стала. Ты насытишься и храпишь, за окном пурга, волки в дверь скребут – каково мне? А бросил бы ты меня – уехал к ней в столицу, тогда? Разве рыба ледяная нужна, какому мужчине, ещё с довеском? Спас, спас, храни тебя Христос! Афоня, сыночек, благодари кормильца! Один у нас кормилец, другого не будет...

Афоня моментально просиял, сделав вывод, что жутковатое поведение мамы – всего лишь особый способ благодарности к отцу и не более. Мальчик повис на шее отца, – осыпал его нос, щеки, лоб слюнявыми поцелуями.

Спасибо за то, что кормишь маму с Трезором! Благодарствую кормилец. И зайчикам сена давал...

Потрясенный отец отвернулся от домочадцев, ушёл охлынуть в сени и там подозрительно долго шмыгал носом.

Впервые Рустам Петрович почувствовал не умом, а сердцем, насколько зависимы от него жена и сын. Случись беда, Фаина даже расписаться не сумеет за его жалование, Афонька и вовсе слепой котенок – да он же поводырь для них по жизни, властелин значимее императора! Вспышки прозрения, как молнии в грозу, высвечивали больные тайны в душе отца. Он ещё ничегошеньки не сделал для жены и сына, и виной тому не злополучное сиротство, а лень и страхи, да-да, он не хочет нести ответственность за родных, предпочитает сам сосать из них соки – спрятался от жизни на полустанке и их хоронит заживо!

Вместе с новым очистительным мировоззрением к отцу приходила исключительная сила духа, которой ему так не хватало в прежние годы.

Он вернулся в комнату, вытянул мимоходом из кадки и кинул псу Трезору кус мяса немислимых размеров. Предостерегающе прижал палец к губам:

– Цыц! Сглазите. Счастье в семье должно быть для всех поровну...

Вместо упрека мать рассмеялась, совсем как девчонка, схватила с полки глиняную копилку и с маху разбила её о скамью – медяки дождем брызнули на пол.

– Собирай сыночек, твой банк! Сам купишь и билет в Сим, и шляпу министерскую. Или отец слову не хозяин?

Она потянулась с грацией кошки, запустив пальца в блестящие волосы, живот её чувственно подрагивал, бёдра под юбкой снова танцевали – глядела с насмешливым взором точно в зрачки мужа. Рустам Петрович, подыгрывая, озадаченно почесал затылок.

– Опять раньше графика? Ну, мам, ты и машина... Это почему же я не хозяин слову? Прямо здесь и сейчас – хозяин...

Он с гусарской лихостью оторвал непослушную пуговицу косоворотки, расстегнул ремень брюк. Довольная мать снова расхохоталась, стрельнула взглядом в сторону сына и с лукавым огорчением развела руками.

– Ночью, ночью обсудим! Станция должна подыскать замену тебе. Какой дурак согласится сюда?

Она смахнула слой пыли с футляра гармони, накинула ремень на плечо – увела кипяток страстей в безопасное русло. Супруги подмигнули друг другу, мать растянула меха, и оба дружно запели, адресуя песню ползающему по полу сыну:

– Когда б имел золотые горы и реки, полные вина...

На беленом известью потолке голубел отсвет бескрайних снегов за окном. Уютно потрескивали дрова в печи. На столе золотилась янтарём початая бутль с брагой. По измазанной вареньем ложке ползала невесть откуда возникшая божья коровка – покровительница всех бедных, сирых.

Отец и мать с раскрасневшимися лицами сидели на кровати и упоенно пели на разные голоса. Играл на гармони теперь отец, мать уложила голову ему на плечо, смежила веки. Афоня выуживал ножом копейку из щели между поло-

вицами и вторил родителям визгливо, как подсвинок, – в детстве счастье выражают силой голоса.

И пёс Трезор подпевал, как умел, радый переезду в город Сим; ему до коллик в печени опостылело холостячество на полустанке, где сучки являлись его взору только из окон пролетающих вагонов, да и те идеалистки-болонки с манифестными бантами на шеях. И дряхлый глухарь на крыше дома внимал доносящимся из печной трубы дивным звукам, птица спасалась от старости новыми впечатлениями.

А через десятки лет, в ожидании расстрела, военный хирург Афанасий Рустамович Беклемишев сделал вывод, что счастье есть не что иное, как полная безопасность души. В гранитном склепе подвала, сквозь стены которого не проник бы и грохот землетрясения, а не то, что слова поддержки, Афанасий Рустамович явственно услышал звуки гармони и голос поющего отца, забытый им давным-давно, как и черты родного лица. Сердце зачастило. Он ощутил разбитым затылком слюнявый жаркий язык Трезора, боль сразу исчезла... Потрясенный достоверностью происходящего, он увидел и голубоватый отсвет снегов на потолке, и запотевшую бутылку с янтарной брагой, и прилипшую к черничному варенью божью коровку. Он даже различил выкатившуюся от полноты чувств слезинку на щеке мамы и уже сам, не сдерживая слёз, стал просить у покойных родителей прощения за то, что оборвал их род – не обзавелся детьми...

И в этот слаженный семейный хор, в это большое чувство вплелся чужой нотой гудок пока ещё далекого паровоза. Звук гудка нарастал, ревел уже басом.

В скалистом каньоне рядом с полустанком загромыхало стократное эхо. Прильнувший носом к проталине окна Афоня разглядел, как локомотив с карбидной лампой-прожектором на носу остановился точно напротив дома. Из заиндевелой кабины локомотива вылез мужчина с саквояжем в руке, энергичным взмахом свободной руки он попрощался с машинистом и, утопая в снежной траншее, направился к дому.

Мальчик обернулся к родителям:

– Чёрт гостя несет! С подарками!

Отец и мать переглянулись. Вместо поцелуя, сулившего было продолжение их семейному счастью, после ухода чужака, Рустам Петрович бестактно отпрянул от жены, почему-то весь напрягся. Фаина закусил губу, вспылела на ликующего в ожидании подарков сына:

– Сколько раз говорено: бестолочь, не поминай черта – грех великий! В угол поставить тебя? На горох? Поставлю! Живо умойся и расчешись.

Она по-старушечьи обвязалась шалью – спрятала и чудные волосы, свою тайную гордость, и вызывающе пышную грудь, тем самым, дав понять отцу о полном безразличии к визиту постороннего мужчины. Но отец с тревогой следил за поведением пса; тело мохнатого увальня превратилось в слиток стальных мышц, когти скребли пол, в глазах искрила ярость кавказских предков – бдительный страж явно готовился к схватке со смертельным врагом семьи.

Однако у гостя оказалось хорошее русское лицо, а главное, что сразу ощутила впечатлительная Фаина, – от его богатырской фигуры в бекеше с погонями, простоватой улыбки, манеры чересчур усердно дуть на замёрзший мизинец исходило обаяние корневой силы, великодушия. Остро запахло цветочным одеколоном, табаком.

После шутливового приветствия гость попросил воды. Он выпил полный ковш, забавно придерживая пальцами роскошные усы, и аж крикнул от наслаждения.

– Фу, кажется, не умру сегодня. После преферанса горло сушит, ох, противная болезнь. А ты, бобик, чем страдаешь?

С дерзким любопытством офицер склонился к самой пасти разъяренного волкодава, который, нет сомнений, откусил бы ему нос, лопни сейчас натянутый поводок.

Ага! Воспаление верхнего неба считаю доказанным – укол костью. Густой налёт желчи на языке. Причина: злоупотребление служебным положением и жирной пищей. Лечение: на мороз самодура, на хлеб и воду! Вы, хозяйшка, тоже погуляйте с малым. Я за советом приехал к вашему супругу...

Рустам Петрович вздохнул с глубоким облегчением – чувство тяжести за грудиной таяло, потеплели и непослушные ноги, вернулась и ясность ума. Одной фразы оказалось достаточно, чтобы парализовавший волно страх исчез: «Я за советом приехал...» Тот гость, прихода которого он ожидал даже во сне – целых три месяца, – прямо с порога произнёс бы совсем другие слова...

Отец и мать с трудом выволокли осатаневшего Трезора на улицу, Афоня юркнул за ними, и офицер остался в доме один – всего на минуты. С поразительной для его комплекции сноровкой офицер удостоверился, что висящее на стене ружьё не заряжено, что запасного выхода из дома нет, спрятал в ящик кухонного стола нож из Златоустовской стали – тяжелый клинок может прилететь в спину – и даже заглянул в погреб.

Обеспечив, таким образом, возможную безопасность, капитан уже с прежним благодушием на лице снял бекешу, не забыв при этом переложить в карман бриджей миниатюрный браунинг. Табельный револьвер в кобуре он загодя убрал в саквояж, не желая пугать обходчика своим и без того боевым видом. Инструкция «о чести и достоинстве», плод ума великого князя, обязывала любого офицера армии выполнять служебное задание, пусть и секретное, непременно в форме с соответствующими званию и роду войск знаками отличия.

Три часа назад военпред оружейной фабрики в Златоусте срывающимся от волнения голосом зачитал капитану Литвинову шифровку из штаба округа о событиях в бухте Чепульмо. Трагичная новость не повлияла на способности Литвинова мыслить быстро и логично. Военпред ещё мял в руках шифровку, а Литвинов уже осознал, что оказался в ситуации выбора, никак не оговоренного с коллегами из Генштаба перед его командировкой на Урал...

Либо он должен отказаться от «разработки» обходчика, а первым же поездом уехать в штаб округа, как обязывал устав. Но тогда, получается, он не выполнит приказа командования и, что ещё хуже, не достигнет святой святых в его профессии – результата.

Либо в оставшиеся до отхода поезда часы должен действовать с прямолинейностью слона в посудной лавке...

– Извините, что не представился сразу. Серафим Викентьевич Литвинов. Капитан разведывательного управления Генерального штаба российской армии. В мои планы не входит причинить вам беспокойство, мы не жандармы. Просто побеседуем, как два защитника страны. Протоколировать разговор я не буду. В саквояже сюрпризов нет, там мои личные вещи. Присядем?

Отец послушно опустился на указанный ему табурет возле окна, улыбающийся капитан сел на скамейку под образами – в тенистый угол.

– О чем беседовать будем? – пожал плечами отец. – Не служил я в армии, стыдоба от людей. Лекарь браковкой признал. Фаина и Афонька о том не знают. Вы уж, господин хороший, им ни гу-гу. Богом молю...

Уши капитана густо покраснели, краска залила лицо и шею. По материалам дела он представлял обходчика дюжим здоровяком (хилый не пробежит три версты по сорокоградусному морозу), перед ним же ссутулился тщедушный человечек ниже его на целых две головы – подросток. Мышление стереотипами, коллега, двойка за профессию!

– Рустам Петрович, нам обоим сейчас скучно. Мы оба знаем про себя, что достойные люди – патриоты не на словах. Вы предотвратили катастрофу поезда, рисковали жизнью не меньше. Я привёз из Черногории пулевое ранение, из Германии – удар ножом в спину. Ответьте мне всего на один вопрос, и я сразу уйду – лучше полюбуюсь горами до прихода локомотива. Помните возвращение из Петербурга? Почему вы сдали билет из вагона первого класса и приобрели самый копеечный – в общий вагон? Билет оплачивала казна, разница от цен вам бы не досталась – зачем же по собственной воле обрекать себя на неудобства? Где логика? Объясните, пожалуйста.

У Рустама Петровича свело горло, кровь со всего тела разом переместилась в голову – он будто сорвался с обледенелой стены каньона и полетел вниз головой. Жгучая обида вышибла слёзы из глаз: гость поначалу разыграл рубаху-парня, обаял душу, а сам... Нельзя обманывать темных людей таким способом, подло это! – Ждал я, ждал... – прохрипел отец. – Узнали как, ведь три месяца прошло?

– Для нашей организации не существует сроков давности, – ответил Литвинов бесцветным голосом, испытывая неприязнь к самому себе за беспомощность.

Артистизм, с которым Литвинов предстал семье в роли гусара, иссяк, а без вдохновения, без настоящего творчества, знал он по опыту, не добиться результата. Но вызвать кураж усилием воли никак не удавалось.

– Очевидно, я недостаточно откровенен с вами, и это не позволяет вам понять причину моей настойчивости. Вагон первого класса, на котором вы не поехали, взорвался перед станцией Бологое. Помните? Среди погибших оказался и управляющий Мотовилихинского сталепушечного завода. Отто Франкович Бруссе – конструктор от Бога! Бруссе возвращался на завод с утверждённым комплектом чертежей скорострельного орудия для наших крейсеров. Чертежи исчезли.

– Сгорели, может? Полыхало будь здоров, – мрачно сказал отец. Он уже оправился от шока и с предельным вниманием слушал капитана.

– Нет. Чертежи попали к японским корабелям. Факт доказанный. В связи с этим хочу спросить; почему вы сбежали с места события? По словам очевидцев, вели себя геройски: первым полезли в огонь, угорели. И вдруг сиганули в лес, петляли по сугробам до утра, потом отсыпались на сеновале. Бабы опознали ваш рисованный портрет. Лично я на сто процентов уверен в вашей невиновности, но нашим псам в погонах нужна жертва – им отчитываться перед гсударем. Почему вы сдали билет и почему сбежали? А может быть, из благородных чувств покрываете кого-нибудь?

Рустам Петрович тупо молчал, страшась выдать Груню случайным словом, мимикой лица. Фразу о «псах в погонах», которым нужна жертва для заклания, он истолковал, как конечную цель допроса.

Литвинов тоже молчал, обдумывая линию поведения на случай, если малограмотный обходчик вдруг осознает свои юридические права, вообще откажется разговаривать и укажет ему на дверь. Или – совсем конфуз! – пригрозит пожаловаться в газету.

Журналиги всех мастей встанут на защиту любимца: по какому праву легендарного патриота, обласканного императором, допрашивал безвестный капитанишка? Возмутится шеф корпуса жандармов: армейская разведка белены объелась – расследует диверсию внутри страны? Ober-прокурор Сената назначит расследование, депутаты всех партий возбудятся, как коты от валерьянки, и потребуют крови начальника Генерального штаба... Точка. Дальше думать нельзя.

Как раз подобного поворота событий более всего опасались и капитан Литвинов, и начальник отдела Целовальников. Тонкость миссии Литвинова в том и состояла, чтобы обходчик добровольно дал письменные показания на дочь богатейшего заводчика Рябушинского, чтобы ему и мысль не закралась в голову, что его принудили к бесчестию или спровоцировали.

Молчание достигло ощущения физической неловкости. Интуиция подсказывала Литвинову: влюбленный в Груню бедолага не раскроет дальше рта и под дулом пистолета. Пора завершать разговор, пора выкладывать на стол последние козыри.

Капитан внутренне ужасался, сознавая, на какие разрушительные муки совести без поводов к тому обрекает он – русский офицер! – слабого здоровьем, крайне наивного и мнительного обходчика...

– Три часа назад в бухте Чепульмо японская эскадра атаковала крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец». В Порт-Артуре, Владивостоке японские агенты подожгли артиллерийские склады. Война, Рустам Петрович. Россия ещё не знает, газеты объявят вечером. Молчать – ваше право. Но запомните: брызги крови погибших будут и на вашей толстовке, господин молчун! Потому что я хочу выявить японского агента, а вы препятствуете мне...

А если по «Варягу» стреляют из орудий конструктора Бруссе? Сознаёте ли вы, какой грех берете на душу? Да вашим жене и сыну носа не показать в Сыростане, если там узнают...

Воображение отца не могло нарисовать бой «Варяга» с целой эскадрой, арсенал морских порохов представлялся ему похожим на погреб с корзинами

картошки. Но мысль, что государство разлюбит его, сироту, что отныне он не принадлежит к удивительнейшему, отлаженному, как механизм часов, сообществу миллионов людей, оказалась жуткой для Рустама Петровича. Зрачки его глаз расширились, он явственно ощутил грудью сначала холод могильной плиты, потом нарастающую тяжесть, боль...

В комнату заглянул и поспешно ретировался продрогший Афоня. Капитан снизил голос до деликатной громкости.

– Что ж, молчать – ваше законное право. Я погорячился. Извините. Хочу лишь добавить, что завтра государь непременно объявит войну Японии. И тогда по закону военного времени я увезу вас с собой в Петербург и сдам... особым людям, да-да. У них в руках вы разговоритесь, не было еще случая, чтобы агенты упорствовали больше недели. Докажут вину – расстреляют, не докажут – дадут пять лет каторги, чтобы не отвлекали силы Генштаба в горячее время...

Литвинову нестерпимо хотелось курить, однако будет полное свинство, если он сейчас позволит себе удовольствие, которого лишен обходчик.

Жажда табака уже туманила мозг. Капитан Литвинов тщился и никак не мог сформулировать словами ускользающую от него важную, очень важную догадку. Он был близок к разгадке опасной для его жизни истины ещё в поезде, когда ногами напролёт размышлял о том, зачем подполковник Целовальников угнал его в командировку – дорогостоящую, но явно бесполезную для их операции.

Вместо папиросы Литвинов вынул из планшета и положил на стол перед отцом свой последний козырь – фотографию Груни и смеющегося Рустама Петровича, сделанную ими на память в мастерской Оцуна.

– Помогите мне спасти её. Я вернусь из штаба округа через пять-шесть дней. Потом времени у вас уже не будет.

На крыльце дома Литвинов жадно дышал и никак не мог насытиться морозным вкусным воздухом. Он вглядывался в перспективу скалистого каньона, по дну которого змеились рельсы, переводил взор на сахарные ели, венчавшие пики утесов, крепко зажмурил глаза и на краткие секунды воссоздавал ландшафт в мельчайших подробностях – этому полезному для нервов упражнению

его научил известный путешественник Пржевальский, полковник разведки генерального штаба.

Очень сильный физически, способный в азарте сто раз поднять двухпудовую гирию, капитан почему-то устал, допрашивая Рустама Петровича, хуже того, просто вымотался и неизвестно по какой причине, а он предпочитал ясность в любом вопросе, особенно в понимании причин своего настроения. Привычку к жесткому самоанализу Литвинов воспитал, бывая в длительных командировках за пределами империи, риск быстро учит.

Пожалуй, цель первой встречи достигнута, размышлял Литвинов: совесть обходчика, подобно маятнику станет раскачиваться днём и ночью – от горячего стремления спасти Груню Рябушинскую, пусть и ценой самопожертвования, к подлому решению «сдать» её и тем избавиться от чувства вины перед воюющей Родиной. Чувство вины перед страной – худшая из пыток, плюс пытка страхом неизвестности... К их следующей встрече приятный голос обходчика станет глухим, у него начнут выпадать волосы, он похудеет, как овца перед убоем, – совестливые всегда дают результат!

Литвинова удивила кровожадность собственных помыслов, обычно он не питал таковых даже к избалованным им агентам, переадресовывая право на личную неприязнь судьям закрытых трибуналов. «Привычка к табаку, без табака зверею...». Он резким движением сунул папиросу в рот, надеясь, что ему сразу полегчает, едва дым наполнит легкие, и та смутная догадка, связанная с подполковником Целовальниковым, которая измучила, обессилела его вконец, оформится-таки в однозначную четкую истину, и далее он начнет действовать уже с учетом этой истины – в полном ладу со своей совестью.

И снова капитану не удалось накуриться. Прямо напротив него колот чурки мальчик обходчика, тоже неумеха, как и его сынок, и Литвинов скомкал папиросу, не желая подавать дурного примера, он никогда не курил при сыне.

Тонко и непривычно пахло для зимы сосновой смолой. На обледенелой колоде синицы в драку обклёвывали заячьи лапки. Капитан подумал: кто помогает семье заготавливать топливо на зиму? Станция снабжает углем или самим

приходится – вдвоем! – и валить, и распиливать, и доставлять к дому неподъемные лесины? И картошка на огороде требует пота, и сенокос, и скотина, и ответственная работа на путях всего за семь рублей в месяц – каторжане! И у мальчонки характер под стать: угрюмо насупил брови – делает вид, что не замечает дядю, а улыбнулся бы солнышком, задал вопрос поглупее, тогда он, Литвинов, приласкал бы его как родного и позволил выстрелить из браунинга по вороне – плевать боевому офицеру на запретительные инструкции! И мать сопливого упряма орудует вилами, не проявляя любопытства к постороннему мужчине: староверка, что ли? Ещё более странно ведет себя пёс с медвежьей мордой: зверюга не рвется с цепи к чужаку, как следовало бы, не исходит злобыным лаем, роняя пену с клыков на снег, а молчит и о чем-то умоляет его человеческим взглядом.

Литвинов бесстрашно взъерошил Трезору загривок. В ответ на непрощенную ласку пёс вдруг скорбно завыл. Резонирующие от мороза громады гор полустанка усиливали вой до погребального трубного гласа. Оглушенная ворона выронила из клюва заячью лапку.

Афоня присел перед псом на корточки, встревожилась и мать, они наперебой успокаивали Трезора умильными словечками, стыдили, словно непослушного ребёнка, а пёс выл и выл, явно отпевая чью-то душу. Афоня затараторил скороговоркой безучастно стоящему капитану.

– Дядя, а слезы у собак настоящие? От обжорства бывают слезы? Трезорка мяса слопал, во-от кусок! Без Трезорки моя жизнь сразу под откос, пропаду в сиротах...

От слов Афоня капитан замер изваянием с тем страдальчески напряжённым выражением лица, с каким человек прислушивается к пронзившей его тело боли непонятого происхождения. Не шевелясь так долгие секунды, он будто по команде на плацу сделал разворот «кругом». Снег громко захрустел под его удаляющимися шагами.

Удивленный мальчик вопросительно посмотрел на мать, сам не в силах понять причину поспешного ухода гостя.

И только в зените жизни, будучи замурованным в склепе подвала, где не было иных источников для чувств и мыслей, кроме как личной памяти о прошлом, Афанасий Рустамович разгадал причину столь необычной реакции гостя на бесхитростные детские вопросы. Лишь один из всех возможных вариантов, лишь воспалённая, криком кричащая совесть заставила бы повести себя так офицера могучего облика. Да, да, конечно же, гость сознавал, что своим визитом ломает жизнь отцу, а значит и матери, а значит и ему, тогда ещё мальчишке, формирует несчастливую взрослую будущность – все корни из детства! Но какая сила, кто именно заставил гостя взять на душу непосильный грех? Чувство долга офицера? Но разве его отец, тишайший трудяга, мог быть в чем-либо виновным перед империей? В чем?

Если случится чудо, решил Афанасий Рустамович, если завтра трибунал не приговорит его к расстрелу, он обязательно раскроет тайну больной совести гостя. Потратит остаток жизни на сидение в архивах, поиски очевидцев, но выявит истинного виновника смерти своего отца.

Едва гость вскарабкался по откосу на пути, и стало ясно, что он не возвратится, мать тотчас перекрестила во избежание сглаза сына, корову, воющего пса, дворовые постройку и устремилась в дом.

Отец с опущенной головой сидел на кровати, потирая правой ладонью грудь, левая рука безвольно висела, мать сразу обратила внимание на её белизну.

– Рустамушка, кормилец, что стряслось? Худо тебе? Или побил он тебя? А ну, покажи...

Рустам Петрович отстранил жену вялым жестом, лицо покрылось каплями холодного пота.

– Не наговаривай на человека, по делу приходил. Подай-ка пимы – ноги стынут.

Мать поднесла пимы, но не догадалась помочь надеть их, она не знавала катастрофически сильных болей, кроме болей во время быстрых родов. Высказала с легким осуждением в голосе:

– Застудил в тот раз легкие, вот и давит грудь. Заварю шалфею, чур, пей без капризов. Баню истоплю, пропаришься, чай с малиной ты любишь...

Простой диагноз избавил мать от панического страха за жизнь отца, а главное, она знала теперь, как ей поступить. Распахнула форточку окна, чтобы дух чужака выветрился поскорее и более не влиял на отца, вознамерилась подтереть слякотные следы у порога и только сейчас увидела оставленную капитаном фотографию, на которой смеющийся отец обнимал за талию Груню.

С недоумением мать впилась глазами в улику, до сознания не сразу дошло, что юная особа и есть петербургская любовь Рустама Петровича. Афоня, чуткий сын, заметил творящуюся с матерью перемену: она враз ссутулилась, лицо снова стало похожим на маску с безжизненными глазами и глубокими складками вокруг рта. Инстинкт защитника подсказал мальчику порвать фотографию, однако мать звонко шлепнула по руке.

– Он кто тебе? Родитель кровный или снег прошлогодний?

Мать помедлила в раздумье и пристроила фотографию на красное место под образами, где хранился пузырек со святой водой. Осторожно, как старуха, опустилась на лавку, долго смотрела с горьким любопытством на лежащего лицом к стене мужа.

Сил на сострадание не было, слишком внезапным оказалось падение с высот счастья в колодезь прежней безысходности.

«Родила, вот и прислала гонца – решила мать – в Симе узнают люди – стыда не оберешься, в тайге сыскала, так в город и сама припрётся с малым на руках...»

От страха, что её жадное до любви тело снова станет бесчувственным к мужским ласкам, а ночи на полустанке вместо единственной радости превратятся в мучение, и переезд в Сим сорвётся, и не бывать переменам в судьбе, сердце матери подскочило к горлу, в мозгу взорвалась бомба гнева. Она сдернула ружьё с гвоздя на стене и выбежала, в чем была, на улицу.

После дома обходчика стиснутая горами железная дорога делала петлю с узкой, всего саженой триста, горловиной. Мать помнила, что локомотив за

чужаком еще не приходил, и она успеет застрелить врага в упор, если бегом пересечет горловину по прямой. Тропинку в сугробах натоптали Афоня и Трезор: неразлучные друзья забавлялись тем, что, помахав рукой, вильнув хвостом мелькнувшему в окне вагона пассажиру, они стремглав бежали через горловину и приветствовали того же самого пассажира к его изумлению.

Палимая яростью мать прыжками одолела последние метры до путей, отдышалась и увидела уже удаляющуюся фигуру чужака; капитан обогнул петлю гораздо скорее, нежели она предполагала. Мать вскинула ружье, долго и хладнокровно целилась, понимая, что убить нужно с первого выстрела, и нажала спусковой крючок. Выстрел не громынул, в казённом не оказалось патрона.

Волоча ружье прикладом по снегу, бессильно передвигая ноги, рабыня с полустанка побрела домой. Она рухнула ничком возле продолжающего скорбеть пса и тоже завyla неузнаваемым голосом, точь-в-точь, как обреченная погибать в капкане волчица – игривая рослая самка, способная на воле дать не одно потомство.

А капитан Литвинов и не подозревал, что был на волосок от гибели, что провидение сохранило ему жизнь для исправления ошибки, казалось бы, незначительной, но трагичной по законам совести самого Литвинова...

Оставив за спиной полустанок, Литвинов предельно ускорил шаг, зная, чем энергичнее ходьба, тем скорее улучшится настроение. Война началась, а его гнетет эта пустяковая история с обходчиком, укорил себя капитан и усилием воли подавил, казалось навязчивые мысли. Он редко бывал в глухих лесах, на Урал попал впервые, власть диких хребтов с заиндевелою тайгой по склонам постепенно заморозила капитана, впечатляли даже лапы обыкновенного снега на кряжистых суках деревьев. Строители Транссиба валили лес на дальних делянах, оттого перевозанный вид ландшафтов нигде не нарушался; сразу по створам от аккуратной насыпи утягивались в небо сосны толщиной в три обхвата и ещё более высокие лиственницы с изогнутыми в сторону юго-запада верхушками. В просветах между стволами зияла подернутая морозной мглой пропасть, за ней круто уходил ввысь освещенный лимонными лучами солнца склон хреб-

та, по которому опоясывающей ниточкой цвета старинного серебра тянулась магистраль. Через каждую версту указатель на полосатом столбе извещал число верст, оставшихся до столицы империи Санкт-Петербурга.

Тишина давила на уши. Ни одной живой души вокруг, только в сугробах насыпи алела сбитая паровозом косуля, ещё тёплая. «Сколько ручейков горячего пота впитала магистраль на протяжении тысяч и тысяч верст, - подумал Литвинов, – великий подвиг народа, если задуматься!» Он соскочил иней с ножки рельса, прочитал тавро и даже крикнул от удовольствия: рельс был отечественного производства, из Нижнего Тагила.

Было дело, капитан Литвинов целый час обладал выборками плана германского Генштаба на случай большой войны в Европе: план предусматривал упреждающее разрушение через «пятую колонну» всех рельсопрокатных станов Англии, Франции, Бельгии – главных поставщиков российских железных дорог.

Литвинова заинтересовал склад заготовок шпал, он не поленился и подошел по сугробам ближе. Чьи-то руки явно по доброй воле соорудили над казённым имуществом навес из жердин, крытый надежным слоем веток, сена. Сами заготовки, ещё не просмоленные, рачительный хозяин сложил колодцами, чтобы дерево сохло, но не гнило. На других перегородках, припомнилось Литвинову, заготовки валялись небрежными кучами под открытым небом. А здесь даже прокладки, костыли, проволочные связки гаек хранятся в бочонках с крышами.

Умный порядок в бесплодном месте, где никто не похвалит исполнителя за усердие, а за разгильдяйство не накажет, глубоко тронул душу капитана Литвинова: в его тайной профессии совесть тоже была единственным гарантом выполнения задач особой сложности и риска. Капитан ещё не догадывался, что вместе с магистралью обогнул гору и снова оказался во владениях Рустама Петровича.

2005 г.

Бог был с нами

Заявка на полнометражный художественный фильм

Автор предлагает создать к 65-летию Победы художественный фильм о митрополите Ливанских гор Илии Караме, православном арабе. Опорной точкой сюжета послужит известный факт явления митрополиту Богоматери – она предсказала Илие исход войны, но и обозначила ряд условий, выполнив которые Россия победит Германию. Митрополит записал слова Богоматери и сумел переправить послание через все границы Сталину. Аргументом в пользу фильма представляется и умение Илие мирить между собой разные национальности, конфессии – в Ливане и по сей день существует, аж, 17 конфессий. За миротворческую деятельность между народами этот православный иерарх бал награжден орденами 43-х стран!

С начала 20-х годов Ливан находился под мандатом Франции. После падения Франции в 1940 году в Ливане наступил политический хаос: часть племен, народностей поддерживала Комитет «Свободная Франция», часть поддерживала правительство Виши, а большая часть жаждала свободы от всего и всех. В июне 1941 года страну оккупировали войска Британской империи и Комитета «Свободная Франция». Войска сразу начали подавлять гнезда вишистов, чем еще больше обострили межэтнические конфликты по всей стране. Митрополит Илия понимал, что смутное время пройдет, а злая обида народов друг на друга будет помниться веками, такова психология горцев. Поэтому он без колебаний брал на себя миссию примирителя, рискуя свободой, а иногда и жизнью...

На подопечной митрополиту территории взвод солдат арестовал без объявления причины юношу друга, водителя грузовика. Община друзов, ничтоже сумняшеся, обвинила в случившейся беде девушку из соседнего армянского селения – бесстыжая киликийка и раньше провоцировала паренька на разные глупости, все беды от армян! Слово за слово, оскорбление за оскорбление... Ситуацию усугубляло и то, что английский офицер не знал языков – изъяснялся через переводчика. Кровь предотвратил митрополит Илия. Сановитый облик митрополита, его густая борода, участливый голос успокоили офицера, кото-

рый готов был стрелять в агрессивную толпу. Илия заверил старейшину друзов, отца юноши, в том, что его сына сегодня же отпустят домой. Он, Илия, сейчас же поедет к военному коменданту Бейрута, генералу Томсону, и докажет тому невиновность юноши – произошла ошибка, раз причина ареста неизвестна даже офицеру. Причем же здесь армяне? Митрополит сел в додж рядом с понурым юношей и тоже протянул руки под наручники...

Взывая к прагматичным интересам генерала Томсона, митрополит убедил его отпустить юношу. После ухода Илии генерал вызвал к себе офицера, курировавшего деятельность конфессий Ливана.

– Что можете сказать об этом попе? Суть.

– Располагаю общеизвестными фактами, агентурных данных пока нет. Родился в Ливане. Семьи нет, монах. Равнодушен к деньгам. В сан митрополита рукоположен в 1934 году. Проголосовали за него единодушно, редкий случай. Потенциально опасен.

– Почему? – насторожился Томсон.

– Россию любит до фанатизма. Случись беда, схлестнемся мы с русскими, он обратит против нас всех православных страны – их здесь четверть населения.

Услышанное заставило генерала Томсона задуматься.

– Возьмите Караме под круглосуточный контроль. Друза тоже. Незамедлительно! Сегодня же сделайте запрос в МИ-5 на предмет связей Караме с агентами Коминтерна. И обязательно проверьте, сдал ли он радиоприемник. Пока всё.

Генерал заподозрил Илию в разведывательной деятельности, вынужден был заподозрить. С первого дня высадки армии, в горах Ливана работал передатчик, информируя о происходящем то ли Берлин, то ли Москву, разницы нет для Томсона. Передатчик выходил в эфир в самых недоступных местах гор, быстро перемещался. Контрразведчики пришли к выводу, что в составе разведгруппы есть водитель редкостного умения из местных горцев.

Отчаявшиеся контрразведчики арестовали в одночасье всех водителей севера страны, потому и юный друг попал за решетку. И вот православный поп,

обожатель Москвы, на территории которого и засеки передатчик, вдруг пылко защищает этого самого друга, антипода по вере...

Коллизии, связанные с поимкой разведгруппы, пройдут через фильм красным пунктиром, придавая сюжету напряжение детектива.

Вскоре генерал Томсон отменил распоряжение о слежке за митрополитом. Более того, он сделал шаг к примирению, сам, приехав в порт для встречи с уважаемым в стране иерархом...

В порту вездесущий Илия руководил приемом еврейских беженцев и греческих монахов из Афона. Ступив на сушу, евреи и монахи плакали навзрыд, жадно пили вино, в том числе и раввины, целовали руки помогавшим им местным жителям, медсестрам Красного Креста. Атмосферу всеобщего братания погасило появление высокого военного чина. Генерал Томсон пружинистым шагом подошел к митрополиту и долго буравил его взглядом, как боцман сухопутного новичка, с которым предстоит пуститься в опасное плавание. Илия смутился, опустил с рук на землю еврейского ребенка.

– День добрый, господин генерал. Мы делаем что-то неправильно?

– Верно ли, что православные арабы считают русских братьями по вере?

– Иначе и быть не может – княгиня Ольга приняла крещение от Антиохийской Церкви. Потом и Киев, потом и вся Русь.

– Тогда мужайтесь, Илия Караме. Германия напала на Советский Союз. С четырех утра по московскому времени все флоты Германии бомбят их города, особенно Киев. Можете обращаться ко мне с просьбами в любое время суток...

Известие о нападении на страну, в которой никогда не бывал, митрополит Илия воспринял, будто личное горе. Тревожно гудели колокола. Забыв про величие сана, Илия метался от дома к дому, как во время пожара, и кричал срывающимся, полным боли голосом. – Православные, выходите, выходите! Сатана Гитлер напал на русичей, ест живьем наших братьев и сестер...

На молебне он с пафосом зачитал обращение Патриарха Антиохийской Церкви к православным всего мира с просьбой оказать поддержку русскому народу. Огромный кафедральный собор не смог вместить и толику собравшихся

на молебен. Тысячи коленопреклоненных арабов молились за спасение России на улицах, дорогах, склонах гор и эта жгучая слитная молитва уходила в сумеречное небо столпом пульсирующего голубоватого света.

В ту же ночь с гор Ливана ушло в Берлин сообщение, в котором среди прочего говорилось о грандиозном молебне православных арабов. Работает дерзкий передатчик, а из транспортного самолета перебегают по трапу в крытые фургоны собаки, их много. Десятки злобных псов в намордниках и десятки проводников атлетического сложения, способных подстрелить воробья на лету – они прилетели из Англии на поиски неуловимой разведгруппы.

Теперь Илия с утра до вечера ездил по приходам, организовывая сбор продуктов питания в помощь русским. Сам носил на горбу мешки с грецкими орехами, тяжелые бутылки с вином, сознавая смехотворную малость этой помощи для нужд воюющей страны – но чем еще он может помочь России, чем?! Вопрос терзал Илию изо дня в день, пока не вогнал в болезнь.

Он лежал в постели, обложенной газетами, сводками с фронтов. Едва Илия брал в руки газету, как фотографии оживали, и он зрением провидца видел событие от начала и до конца и метался в бреду, став свидетелем неслыханных злодеяний гитлеровцев на оккупированной территории СССР. Доктор поставил ему диагноз – ситуативный невроз, чем вызвал улыбку митрополита. Прописал постельный режим и категорически запретил читать газеты, слушать радиоприемник. Предписания доктора Илия нарушил в тот же час. Узнав о взятии немцами Киева, он попросил монахиню приготовить для службы подземную церковь. Приносить ему пищу, Илия запретил, а только чистую воду и сводки с советско-германских фронтов.

Трое суток Илия молился в полной тишине, упрашивая Богоматерь подсказать ему, чем ещё он способен помочь России. Эпизод станет главным в сценарии, потребует тонкой инструментовки, оттого автор не готов рассказать его подробно. В конце эпизода Богоматерь явится в огненном столпе и раскроет Илию исход войны, но и обозначит условия, выполнив которые Россия победит Германию...

Митрополит еще находился в подземной церкви, а итогов его разговора с Богородицею ожидали тысячи и тысячи ливанцев, пришедших пешком, приехавших на мулах из разных мест страны. Атеист Томсон невольно задумался о природе власти Илии над душами людей. По ходу сюжета наступит момент, когда поседевший от горя Томсон обратится к митрополиту за помощью. После того, как его сыновья пропали без вести в полярных льдах под Мурманском, он, Томсон, научился командовать офицерами – в каждом из них видит сына, излишне жалеет, словом, развращает подчиненных. Не поможет ли Илия обрести ему былую решительность? Ну, а пока генерал Томсон приказал полевым кухням кормить всех желающих, а войскам гарнизона объявил повышенную боеготовность – неизвестно, чем закончится этот массовый психоз...

Представим кадр: митрополит тяжело шаркает опухшими ногами по бесконечному людскому коридору, губы тихо шепчут:

– Победят русские, русские... Пресвятая велела потерпеть, победят...

И снова с гор Ливана ушла в Берлин срочная шифровка. В ней сообщалось, что митрополит Караме записал слова Богородицы и намерен отправить письмо Сталину с колонной Красного Креста, которая проследует через Сирию, Турцию к транзитному окну на границе с СССР.

Работает передатчик, а на дорогах уже готовы засады, ползут по крутым склонам крытые фургоны с поисковиками и собаками...

Генерал Томсон предлагал более простой способ передачи письма – через советское посольство. Упорный Илия настоял на своем варианте: он решил собрать маленькую делегацию из людей разных вероисповеданий, которая доставила бы письмо прямо в Кремль. После войны, надеется Илия, факт совместного участия в передаче божьей вести народу победителю послужит укреплению мира между национальностями и конфессиями Ливана. Блажен, кто верует, вздохнул Томсон. Генерал с иронией относился и к факту явления Богородицы и к затее с письмом, но решил помочь иерарху, в могуществе которого успел убедиться – выделил для поездки надежный додж, грузовик, пообещал оформить членам экспедиции документы сотрудииков Красного Креста.

Состав членов экспедиции Илия сформировал быстро, от добровольцев не было отбоя. На роль водителя доджа он утвердил друга Тарифа. После того, как Илия спас юношу от тюрьмы, преданный друг ни разу не подвел его, выполняя самые трудные поручения. На роль медсестры Илия утвердил армянскую девушку Каринэ – ту, самую, которую община друзей считала бесстыжей колдуньей. Тариф и Каринэ влюблены друг в друга, пусть побудут вместе вдали от жестоких родственников. Третью кандидатуру, шейха Исмаэль Джаджа, предложил его отец, верховный шейх Ливана. Четвертую кандидатуру, раввина Шмуэль бен Авраама, выдвинуло собрание раввинов Ливана, как тут откажешь. Друг Тариф предложил на роль водителя грузовика пятую кандидатуру, пожилого француза Жака. Сей кандидат не понравился Илии, но аргументом в его пользу послужило знание разговорного русского языка, да и христианин опять же.

Уделим внимание загадочной персоне Жака. Тариф и годящийся ему в отцы Жак познакомились в тюремном подвале, когда контрразведчики арестовали всех водителей гор Ливана. Позже, когда Тариф уже работал личным водителем митрополита, они снова встретились, казалось бы, случайно, и с тех пор подружились.

Умелец на все руки Жак Шанье – резидент абвера по Ливану. Именно он возглавлял деятельность искомой разведгруппы, пока не получил из Берлина приказ внедриться любой ценой в состав экспедиции.

В отличие от самонадеянного Томсона аналитики абвера сочли письмо митрополита к Сталину стратегической информацией. По их мнению, Сталин, испытавший шок от катастроф начала войны, может решиться на реставрацию православия в СССР. Тогда население страны, Красная Армия, получит мощную духовную опору, а лично Сталин – спасительную индульгенцию от народа. Русские обязательно опубликуют пророчество Богородицы во всех газетах мира. Этого нельзя допустить, письмо должно лежать на столе у фюрера и как можно быстрее. Эфирный текст письма без подписи и печати митрополита фюрер расценит, как дезинформацию – необходимо добыть подлинник. Увы, территория Ливана и Сирии оккупирована англичанами, оттуда и мышь не прошьмгнет в

Германию. Аксию по захвату письма нужно организовать на территории нейтральной Турции, где легко высадить ночью десант со стороны Черного моря. Жак Шанье, он же майор Вебер, должен увести экспедицию из колонны Красного Креста, в горах это нетрудно, а потом сообщить десантникам её координаты...

В последний день сборов члены экспедиции не сдерживали своего ликования. Поездка в Россию мнилась этим хорошим и наивным людям, как увлекательное путешествие. Их родственники тоже пребывали в эйфории. Дедушка вручил Каринэ клетку с почтовой голубкой – пусть внучка выпустит голубку сразу, как увидит Арарат, иного пути через Турцию дедушка и не представлял.

И Жака Шанье жгло нетерпение покинуть территорию Ливана, ибо поисковики уже разгромили его разведгруппу, хуже того, сумели взять двух агентов живыми. Агенты пока молчат, иначе его сразу бы арестовали. После применения пыток они разговорятся, но почему их не пытаются до сих пор?

Применять к агентам бесчеловечные методы допросов запретил генерал Томсон, его душа заметно эволюционировала под влиянием митрополита Илии. Но мы с вами, читатель – зритель, задумаемся над беспощадной диалектикой: впервые генерал Томсон поступил не по закону войны, а по закону гуманизма и это позволило Жаку Шанье остаться безнаказанным за прежние преступления, чтобы сотворить в экспедиции ещё большее зло...

Итак, часть героев уехала в составе колонны Красного Креста, часть осталась в Ливане. Соответственно и сюжет продолжит развитие по двум направлениям. Детализировать на уровне заявки события в экспедиции преждевременно. Скажем о главном: интерес зрителя будет питать основная интрига, носителем которой является Жак Шанье, и развитие отношений между Каринэ – Тарифом, Шмуэль бен Авраамом – Исмаэлем Джджа.

Вектор развития отношений между Каринэ и Тарифом ясен зрителю с начала фильма – стремление влюбленных к близости. Загадка в том, состоится ли их близость, и как скоро. Придет минута, когда Каринэ стянет с головы неизменный платок в знак особого доверия к Тарифу.

– Не мучай меня...

Сложнее будут развиваться отношения между шейхом и раввином, ведь они изначально не приемлют друг друга. Даже необходимость сесть в дождь рядом друг с другом явилась для них психологической проблемой – с комичной вежливостью они долго уступали место друг другу. Но трудности сближают. Начав с мелких уступок, шейх и раввин стали оказывать друг другу взаимную поддержку. Однажды Исмаэль Джаджа обратил внимание на то, как небрежно молится христианин Жак – то слева направо, то справа налево. Странно, притворяется верующим? Шмуэль бен Авраам задал шейху встречный вопрос: какой умник рылся в его религиозных книгах, и с какой целью? А может быть, они оба перегрелись на солнце?

Страховки ради раввин предложил отныне хранить письмо Илии каждый день в новом месте, так в древности переписчики Торы хранили тексты...

Вспомним об агентах. Слабейший из них начал давать правдивые показания. Правда ужаснула генерала Томсона: резидент абвера в составе экспедиции, это означает, как минимум, срыв миссии. По его халатности истекающие кровью русские не получают божьего послания, а ведь его сыновья пропали во льдах, помогая русским – что они сказали бы о своем отце?

Движимый чувством вины перед союзниками Томсон решил срочно лететь в Дамаск, чтобы оттуда лично руководить поисками пропавшей экспедиции. Быстрее, быстрее, на любом самолете, годится биплан, нет пилота – полечу сам, к черту укладку парашюта, время дорого!!

И митрополит Илия в тот день переживал худшие минуты своей жизни, ибо одно дело – нести ответственность за судьбу прихожан в целом, и совсем другое – нести ответственность за жизнь конкретных людей, посланных тобой, оказывается на смертельный риск. Вечером митрополит напился. Не станем осуждать его за слабость, наш герой не супермен в клобуке, обычный человек и тем интересен зрителю.

Томсон летел над восхитительными горными ландшафтами. Стояла глуповатая осень. Внезапно стая птиц заслонила обзор, тушки птиц прилипли к стеклу кабины. Самолет с погнутым винтом, чихающим двигателем завальсировал в

воздухе, стремительно приближаясь к склону хребта. Генерал Томсон успел прокричать:

– Господи, я понял... Господи, прими меня!!!

Каждый приходит к вере своим путем...

С исключительным мужеством приняли мученическую смерть и наши обаятельные антагонисты – Шмуэль бен Авраам и Исмаэль Джаджа. Диверсанты долго истязали их, добиваясь ответа на вопросы – как звучит текст письма русским, где само письмо, куда скрылись Тариф и Каринэ. Им дали на раздумья ровно час. В этот последний час перед казнью раввин и шейх отнеслись друг к другу с такой заботой, теплотой, на какую и родные братья не всегда способны. Перевязывая шейху рану, Шмуэль бен Авраам с горечью исповедовался ему, мол, знаешь, как трудно раввину ладить с евреями, каждый из них считает себя умным, о, горе горькое. Исмаэль Джаджа рассказал о неизлечимой обиде на старших братьев: они спровоцировали его нарушить Коран – выпить глоток вина, а потом донесли отцу, и тот выпорол его, а сами братья и по сей день тайком выпивают...

– Эй, жид обрезанный, выходи! – раздался на французском голос Жака Шанье.

Раввин прощально улыбнулся шейху, с трудом вылез из палатки. Прозвучал вопрос, потом сухой щелчок выстрела. Исмаэль Джаджа прервал молитву и тоже вышел из палатки, его покачивало от боли.

– Последний раз спрашиваю, где письмо?

Исмаэль Джаджа взглянул на тело раввина, ответил с достоинством.

– Я тоже обрезанный...

Вот и близится история к концу. Раненная Каринэ бредила. В минуту просветления она спросила Тарифа, что за гора перед ними с белым снегом на вершине, не Арарат ли? И милосердный юноша солгал любимой: да, да, радость моя, конечно Арарат. Лицо девушки озарила улыбка блаженства.

– Тогда отпусти голубку. Дедушка Саркис ждет...

А через месяц, о, чудо, исхудалая голубка с привязанной к лапке запиской опустилась на сук яблони во дворе дома деда Каринэ. Записка была на двух языках, армянском и друзов. «Арарат на расстоянии вытянутой руки. Я счастлива. Люблю вас всех. Каринэ». «Отец, клянусь честью, завтра рука твоего сына Тарифа передаст русским послание от святой Марии. Каждую ночь вижу во сне дом. Твой сын Тариф».

В сопровождении свиты торжественных родственников, отец Каринэ понес записку на расписном подносе в селение друзов – отцу Тарифа. Впервые, пожалуй, армяне и друзы устроили совместное праздничное застолье. Отцы договорились хранить драгоценную записку поочередно то в одной семье, то в другой – чтобы не было обидно. На волне эйфории отцы призвали гостей разрушить пограничный забор между селениями...

Эпизод примирения армян и друзов станет тем паче трогательным, что Каринэ и Тарифа уже не было в живых, о чем не знают отцы, но будет знать зритель.

Диверсанты гнали за Тарифом, аки лютые звери за добычей. Как и у остальных погибших героев, у Тарифа был выбор: диверсанты предлагали ему оставить письмо на камне и уйти, им не нужна его жизнь. Тариф нырял от пуль в снежные карманы, карабкался по льдистому лезвию скал, прыгнул с большой высоты на руководителя группы и задушил его голыми руками. Звуки выстрелов услышали на советской заставе.

– Застава, к бою! – крикнул лейтенант.

Пуля настигла Тарифа возле самого пограничного столба, вторая, третья. С разных сторон к неподвижному телу бежали пограничники и диверсанты – они сошлись в яростной драке за право обладания телом перебежчика.

В помещении заставы пограничники раздели Тарифа, увы, он был мертв. Найденное за пазухой письмо ничуть не пострадало. У лейтенанта волосы встали дыбом, когда он прочитал на конверте фамилию получателя, которому адресовано письмо...

В сентябре 1943 года в Советском Союзе была восстановлена должность Патриарха всея Руси, отпущены из тюрем и с фронтов священники, открыты для службы 20 тысяч церквей, храмов. В честь эпохального события в храмах Ливана трое суток безостановочно звонили колокола. Ликованию православных арабов способствовали и победные сводки с советско-германских фронтов.

Приехавший на велосипеде сотрудник посольства с невзрачной внешностью улучил момент, когда Илия остался один, и вручил ему записку. В записке на гербовой бумаге было всего две фразы: «Мы помним тех, кто молился за нас, когда немцы были под Москвой. Кажется, Бог действительно с нами. Иосиф Сталин».

У Илии перехватило дыхание, он размашисто налил в глиняные кружки вина из бутылки.

– Значит, дошли?

– Пограничники обнаружили письмо на теле Тарифа. Остальные погибли раньше. Ещё раз поздравляю Вас и... прощайте.

Православные арабы пели русские песни, братались с мусульманами, греками-католиками, маранами, армянами. Звуки народного гуляния не проникали в поземную церковь. Здесь, в полной тишине, митрополит Илия молился за упокой всех погибших членов экспедиции, генерала Томсона, его сыновей.

– Всемиловитый Господи Иисусе Христе, прими и успокой душу рабыни твоей Каринэ Вердиян, раба твоего Тарифа Асада, раба твоего Исмаэля Джаджа, раба твоего Шмуэль бен Авраама, раба твоего Эндрюса Томсона, его сыновей...

Эпизод

Светила полная луна. Отец Каринэ подшивал обувь, сидя на полене возле костра. Из-за стволов платанов показался отец Тарифа со шкатулкой в руках.

– Возьми, Арсен. Твоя очередь хранить письмо детей.

– Каринэ так хотелось выйти замуж... А я гонялся за ней с плеткой – дру- за привела в дом! Нет мне прощения.

Отец Тарифа скупым жестом успокоил всхлипывающего Вердияна, сел напротив него.

– А разве я был справедлив к Тарифу? – голос старейшины дрогнул. – Почему-то аллах добавляет ума после горя, а не раньше. Наверное, потому, что не заслуживаем. Мы же не пророки. Простые люди.

Потом они пили чай и до утра разговаривали о совместных планах их селений. Совсем исчезла вода в речке, нужно построить к весне плотину, иначе люди останутся без поливной воды. Обязательно нужно организовать совместный кооператив по продаже скота, чтобы англичане не манкировали ценами. Нужно построить одну на всех, зато хорошую больницу.

Конец истории.

2006 г.

Под небом голубым

Заявка на полнометражный художественный фильм

Вертолет летел над горной страной. За окном возникали в опасной близости скальные стены, танцевали по атласным снегам гибкие жгуты смерчей. С первых же кадров зритель ощутит дыхание угрозы, исходящей от гор.

В кабине вертолета главные герои повествования, их трое. Пилот, офицер МЧС, Андрей Качалов и пассажир, студент 4-го курса Сергей Завацкий. У Андрея лицо умницы с угасшими почему-то глазами. У Сергея смешливое выражение лица, наивный взгляд и порывистые жесты, выдающие в нем обаятельного милягу, но никак не личность, способную ради высшей цели на самый отчаянный риск.

Андрею изменила жена, и он, гордый человек, сразу ушел из семьи. Андрей, сознаёт, что его уход искалечит характеры детей, двух мальчиков, которых очень любит, но он не в состоянии простить жену и в том его проблема. Отсюда и тяжёлая депрессия, отсюда и скоропалительное согласие на авантюру, которую предложил ему за большие деньги Сергей Завацкий. На эти деньги, щедрый дар простака, он надеется купить себе комнату, ему негде жить. Итак, вспомним мотив, толкнувший Андрея на участие в рискованном предприятии, деньги, деньги любой ценой!

Иной мотив для полёта в горы у Сергея Завацкого: он надеется разыскать там тело отца, чтобы доставить на родину и похоронить рядом с матерью.

Сергею было двенадцать лет, когда отец ушел с коллегами по институту в категоричный поход на Алтай и не вернулся оттуда. На высоте вечных снегов у него внезапно наступила остановка сердца. Как утверждали члены группы, мела сумасшедшая пурга, они сами едва не погибли и потому не смогли спустить тело до перевала – спрятали в пещере, оставив на скале приметный знак. На следующий год экспедиция не состоялась из-за финансового кризиса в стране. И на следующий год не состоялась. Помнится, солидные мужи прятались от Серёжи, когда он приходил к ним и в институт, и домой, чтобы задать им мучивший его вопрос: почему же вы, дяденьки, не едете за папой, ведь он считал вас друзьями?!

Отец, теперь уже в форме мифа, прочно поселился в сердце Сергея, сформировал его характер – упорный до маниакальности. Сергей приобрел шенка ньюфаундленда и научил того разыскивать вещи под снегом, сам же записался в секцию скалолазов и начал тайно от матери прикупать карабины, веревки, прочее снаряжение. Мать не позволила бы ему отправиться на поиски отца, хотя её до самого дня кончины угнетала мысль, что тот не погребён. Вскоре после смерти матери Сергей решился. Для экспедиции требовались большие деньги, и он заложил банку квартиру родителей, в которой жил, чем вызвал взрыв негодования у ближайших родственников. Реакция алчных родственников так озлобила Сергея, что перед вылетом на Алтай он даже не попрощался со старшим братом и сестрой.

Вертолет приземлился на галечной лакуне среди ледяного поля. Ширина поля не превышала двухсот метров. Левая сторона поля обрывалась в ущелье, откуда они прилетели, а правая упиралась в отроги, переходящие в белоснежный кряж Белухи. Военный вертолет с герметизированной кабиной мог бы подняться и на вершину Белухи, но командование регионального МЧС не позволило бы воспользоваться штатной машиной и поэтому Андрей договорился с геологами об аренде их допотопного вертолета, причем, без разрешительных

документов – для денег нет преград, а в небе нет ГАИ. Ему даже не пришлось отпрашиваться со службы, благо был в отпуске.

Место их приземления Андрей считал опасным по нескольким причинам: игрушечный вертолёт могла смести лавина с отрогов – поле в двести метров ей не преграда, могло случиться резкое похолодание, а значит, обледенение машины, могла, в конце концов, изменится плотность воздуха, что случается в горах, и тогда бы их малосильная стрекоза верещала от натуги, а взлететь бы не смогла. Впрочем, они пробудут здесь не более 2-3-х часов, ведь студент убедил его, что бывал здесь раньше и досконально знает, где находится тело отца. А на случай изменения погоды в кармане Андрея спутниковый телефон, по которому метеоролог с ближней станции будет регулярно извещать его о сводке погоды в их квадрате.

Выйдя из вертолета, наши герои даже позабыли, с какой целью прилетели сюда, так заворожила их поднебесная тишина, ручьи на льду, впаянные в голубое стекло воздуха грандиозные крики. И тем страшнее оказалась для Андрея новость: заказчик раньше здесь не бывал и лишь с чужих слов представляет маршрут, по которому следует искать тело отца. Хуже того, молодой фанат настроен на длительный поиск, у него кипа подробнейших карт, продуктов на неделю, он утверждает, что раз сто смотрел видеозапись, сделанную в том походе спутниками его отца.

Перед Андреем выбор: либо улететь, либо остаться вместе с заказчиком, который в первый же день их знакомства перевел деньги на его счет. Если он улетит, самонадеянный паренёк может сгинуть в горах, как отец, и тогда он, Андрей, станет уголовным преступником. Если останется, то переполошит геологов, засим последуют проверки, а в результате тоже уголовное дело по факту угона вертолета. Ах, пройдоха с наивными глазами, поймал его, похмельного, на деньги, как на живца!

Исчерпав все доводы, Андрей вознамерился силой заставить фаната улететь с ним обратно. Увы, ньюфауленд Верный легким толчком головы сбил его с ног, а хозяин зверя ещё и обидно рассмеялся. И Андрей был вынужден

согласиться на чужой вариант: он улетит, а Сергей, как разыщет отца, сразу сообщит ему по своему спутниковому телефону и тогда строгий старший товарищ возвратится за ним. Договорились?!

Андрей долго провожал взглядом удаляющихся по льду путника и собаку...

Возможно, он бы улетел, он уже продувал двигатель, когда в кабину запрыгнул ньюфауленд и буквально сдёрнул его зубами с сиденья. Андрей тотчас сообразил, что произошло, схватил веревку, ледоруб и побежал за Верным. Действительно, Сергей провалился в запорошенную снегом трещину во льду, благо еще не переломал руки-ноги. Андрей изрядно намаялся, вытаскивая его. Точка сомнениям! Этот дуралей погибнет без него, тем паче, что и зрение у него сомнительное – линзы носит, о чём тоже умолчал.

И сразу, как он принял решение, у него изменилась осанка, жесты, выражение глаз, интонация голоса. Соответственно и зритель убедится, наконец, что перед ним офицер МЧС, горный спасатель, а не рефлексирующий деляга.

– Слушай и запоминай. Пойдём вместе. Будешь беспрекословно подчиняться моим приказам. Если позволишь собаке ещё раз открыть на меня пасть – застрелю её!

– Пушку взял? Настоящую? Гений! – отпарировал Сергей. – За пушку у тебя, конечно, отдельный тариф?

У Сергея нет оснований, уважать, тем более подчинятся человеку, который вынудил его переплатить за услугу в несколько раз, проще говоря, раздел до трусиков. Скрытая неприязнь к спутнику побуждает его осмеивать, оспаривать любой совет или приказ опытного Андрея.

Пылкие возражения героя против раннего ночлега потонули в грохоте камнепада, от гибели его спасла лишь реакция Андрея.

– Согласен, – выдохнул Сергей. – Ночуем здесь.

Закат в горах сравним по красоте разве что с полярным сиянием. Ночное небо с бахромой звезд вызовет на откровенность даже немого. И Андрей сумел разговорить спутника, ибо понимает, что в отношениях антагонизма идти дальше нельзя. Оказывается, Сергей рванул в горы наобум – без должного опы-

та, без снаряжения, без друзей, потому что жизнь после смерти матери стала ему совсем неважною. Старшие брат и сестра не любят его, работодатели его обманывают, настоящих друзей у него нет. А вот побудет с отцом и, наверное, жизнь наладится...

– Ну, а деньги-то откуда? Огромные деньги, – хрипло спросил Андрей.

– Квартиру свою заложил. Десять тысяч баксов разве же можно заработать...

– Как заложил? – лицо Андрея залила краска жгучего стыда. – Ты представляешь, каково мотаться по чужим углам?

– Отец научит... – молвил, засыпая, Сергей.

Ускорим бег сюжета, наши герои разыскали тело отца Сергея...

Эпизод

Верный – крался шагками первопроходца по уступу, опоясывающему скальную стену. Шерсть у него была сплошь в сосульках, как у полярного медведя. Сергей полз за ним на четвереньках, ноги не держали его. Верный беспокойно оглядывался на хозяина, косил взглядом в сторону бездны и погребально завывал. Сергею виделось вместо собаки размытое пятно – сильнейшее переутомление повлияло на нездоровые глаза, к тому же он раздавил по нелепости свои солнцезащитные очки.

– Только без глупостей, пёсик, без глупостей, – шептал Сергей. – Сейчас я, сейчас...

Сиреневая тень от нависающей стены посветлела, впереди распахнулся нестерпимо яркий простор – там, всего в десятке метров, начиналось безопасное для ходьбы плато. Верный ликующе взвизгнул, исчез за скалой. А Сергей упал лицом в снег, его покинули последние силы.

Согбенный под тяжестью рюкзака Андрей обогнул выступ скалы и ... увидел неподвижного спутника.

– Лежи, не шевелись! – крикнул он и стремглав устремился к Сергею. Тут рюкзак мотнул его в сторону, он ухнул было в пропасть, но успел в последний миг схватиться руками за бугристый камень. Едва не лопнув от напряжения, он

таким сумел вылезти обратно на тропу. Сердце молотом заухало в груди, порождая эхо. Армейская привычка к действию вернула ему самообладание. Он подполз к Сергею, перевернул его на спину, расстегнул ему ворот, влил в рот глоток коньяку. Сергей глубоко задышал, раскрыл глаза. Андрей же померил пульс на его вялой руке и окончательно помрачнел.

- Возвращаемся. Это приказ. Дальше твой мотор не выдержит.
- Музыка играет, – Сергей блаженно улыбнулся. – Рядом жильё?
- Это у тебя глюки начались от гипоксии.
- Да нет же, полонез Огинского исполняют по радио. Разве не слышишь?
- Слышу. Собака на кого-то лает...
- Лает? На кого он здесь может лаять? -- у Сергея изменилось лицо.

Показавшийся из-за скалы Верный выпалил оглушительную тираду и юркнул обратно, явно приглашая людей последовать за ним.

- Помоги мне встать! – властно приказал Сергей.

Андрей помог спутнику подняться, водрузил на его воспалённые глаза свои «хамелеоны» и повел его, держа за руку, как поводырь.

Теперь неистовый лай доносился из расщелины, которая оказалась входом в просторную пещеру. Отсвет от снегов с улицы феерически освещал хрустальный лес сталактитов и сталагмитов, покрытые изморозью стены. Андрей снял «хамелеоны» с глаз спутника.

- Видишь отца?
- Да...

Верный умолк. Часто дыща раскрытой пастью, он сидел возле укутанного брезентом трупа и не сводил агатовых глаз с приближающегося хозяина, похожего сейчас на сомнамбулу. Андрей обошёл труп вокруг, на лице – растерянность, боль.

- Маленький совсем, ниже меня. А тогда казался высоким...

Он опустился на колени перед трупом, медлительно прижался головой к его груди.

Сергей издали наблюдал за таинством встречи сына с отцом. И этот накал чужих чувств, способный расплавить камень, прожёт броню в его душе, откуда хлынули запретные ранее воспоминания ...

...Он жил в захлавленной комнатёнке, которую снял сразу после ухода из семьи. На пороге стояли его сыновья шестилетний Толик и десятилетний Слава.

– У-у, радость-то, какая, сыночки пришли! А почему без шапок?

– Теплынь на улице.

– Прямо мысли мои читаете. С утра вас жду. Моем руки и за стол!

– Нет, папка, мы по делу...

– Та-ак. Выкладывайте.

– Папочка, вернись к нам. Ну, пожалуйста!

– Нам без тебя очень-очень плохо. И Славка меня лупит, и мама не выпускает одного на улицу.

– Папка, да, ты его не слушай. У, заноза! Я помирю вас с мамой. Она плачет и плачет, даже краситься перестала.

– Нет. Нет, сынок, – ответил Андрей надсадным голосом. Толик заглянул в его тоскливые глаза на депрессивном лице.

– Папка, ты – предатель. Лучше бы ты умер...

Мудрый пёс переводил сострадательный взгляд то на одного, то на другого. Андрей массировал оголённые ступни ног и беззвучно плакал. Рядом на горелке кипела вода в котелке. Сергей же сидел в молчании перед отцом, тело отца уже было прикреплено к дюралевым полозьям, которые он привёз из дома в разобранном виде.

Пёс подошёл к Андрею и утешительно облизал ему лицо. Потом подбежал к хозяину и лизнул того в ухо, мол, пора, пора...

И снова Верный шажками первопроходца пробирался по уступу, опоясывающему скальную стену. За ним полз Андрей, волоча дюралевые салазки с привязанным трупом и рюкзаком. Ползший замыкающим Сергей страховал ход салазок, чтобы они не увлекли всю экспедицию в пропасть. Преодолеть иным способом участок с нависающим карнизом было нельзя.

– Не смотри вниз. Разговаривай со мной! – сказал Андрей спутнику, заметив, что того сковывает страх.

– О чем? – буркнул Сергей.

– Что отец такого сделал для тебя, что ты вот...

– На рыбалку брал.

– А еще?

– Сразу не вспомнишь.

– Как они жили с матерью?

– Обычно. Поругивались из-за денег.

– На баб чужих он заглядывался?

– Для него чужих не было, все свои. Соседку по подъезду тискал, аж пуговицы летели!

– Ну, а мать на мужиков? Посматривала?

– Но, но, полегче.

– Я к тому, что любая мать ещё и женщина, которой хочется разнообразия. Или я не прав?

– У тебя, похоже, тоже глюки начались?

– Начались. Давно уже...

Спуск в горах неизмеримо сложнее подъема, а если еще и с собакой, которую часто приходится транспортировать на себе, если еще и с «холодным грузом» помимо рюкзака, то спуск превращается в адский труд, сравнимый по напряжению сил лишь с фронтовыми стрессами. И если бы у Андрея и Сергея не произошло единение душ, они бы не дошли до вертолета, тем паче, что судьба приготовила им напоследок самое тяжелое испытание.

Эпизод

– Ну, понял теперь, почему даже одного «подснежника» ищут и снимают большой группой?

– Прости меня, – глухо отозвался Сергей.

– Глаза сильно болят?

– Разве имею я право стонать, когда ты и меня ведешь и батю тащишь...
Мне брат родной не помогает, а ты...

– Зато я второй твой брат! Клянемся кровью? Улыбнись, Серега. Дойдем!
Красотища-то какая... Споем? Батя твой простит нас. Какую он песню любил?

– Изгиб гитары желтой...

– Изгиб гитары желтой ты обнимаешь нежно... – запел Андрей.

Он притянул Сергея к себе, и тот сразу уснул в объятиях друга. Андрей пел с глубоким чувством, как бы подводя итог переменам в самом себе, и не сразу расслышал зуммер спутникового телефона.

– Понял!! Спасибо за дружбу. До связи! Он затормошил мертвецки спящего Сергея.

– Аврал, Серега! Очнись! Штормовое предупреждение!!!

Невзирая на бешенный ветер, снежную мглу, Верный подобно бурлаку тянул салазки с телом отца по нужному азимуту. Андрей вел за руку ослепшего Сергея, они пригибались, чтобы не упасть.

– Заблудились... – прокричал Андрей.

– Иди за Верным, он выведет... – крикнул в ответ Сергей.

И действительно, в мутной пелене обозначился силуэт вертолета. Наши герои уже ползли к машине, не в силах продвигаться пешком. После героических усилий все трое вместе с грузом оказались в кабине вертолета.

– Летим? – Сергей близоруко мигал глазами.

– Куда? В молоко?

– Вроде светлеет. И ветер тише стал.

Андрей, открыв люк, вслушивался в нарастающий со стороны отрогов подозрительный гул. Метель утихла, прозрачность воздуха возросла, но грозное ворчание в отрогах не прекратилось – мелкие лавины по нарастающей рождали грандиозную лавину.

– Уходим! У нас минуты!! – воскликнул Андрей.

Лопасты вращались на пределе мощности двигателя, кабину трясло, однако вертолет никак не взлетал!

– Все вещи – за борт!!

Сергей безжалостно выкидывал на снег рюкзаки, снаряжение и прочие вещи, увы, вертолет не мог подняться.

– Выбирай, кого оставим: отца или собаку?!

Предложенный выбор парализовал Сергея, время будто остановилось для него.

– Нет. Лучше я сам останусь...

– Не дури!! – рявкнул Андрей.

Расстояние между вертолетом и лавиной быстро сокращалось, Андрей не сводил глаз с Сергея. Потом он захлопнул люк и обмяк на сидении.

– Ладно. Вместе так вместе...

Язык лавины иссяк всего в полусотне метров от вертолета, машину скрыли клубы снега.

Вот и близится история к концу. Нашим героям удалось взлететь и удачно приземлиться. Через несколько дней, во время прощания в аэропорту, Андрей вернул Сергею все деньги, ведь они назвались братьями. Сергей похоронил отца рядом с матерью, как и мечтал. Андрей же вернулся в семью. Он пришел утром, когда дети еще спали. Прижал к груди простоволосую жену, сказал.

– Знаешь, там же в горах я боялся каждую минуту, что мои дети останутся без отца.

Вот и конец истории.

Миссионер

Сценарий трехсерийного художественного фильма

«Благими намерениями вымощена дорога в ад...»

Стены уютного зала облицованы дубовыми панелями, пилястры богато украшены поделочным камнем. На сцене, где когда-то располагался алтарь, мерцают оловянные трубы органа. Публика, приглашенные чиновники города, рассаживалась в мягких креслах. В делегации американцев выделялся моложа-

вый старик с завидной выправкой офицера. Губернатор области, улыбчивый шаркун, повел рукой, призывая старика к восхищению.

– Зал – наша гордость, один из лучших в стране. Думаем провести всемирный фестиваль органистов. Сюда, пожалуйста...

Губернатор усадил американцев на первый ряд. Старик пригласил его сесть рядом. Шум в зале утих. На сцену вышла женщина-органистка. С достоинством поклонилась. Села за инструмент. Конферансье дождалась абсолютной тишины, объявила ломким от волнения голосом.

– Мария Беклемишева. Импровизации на тему Баха...

Полились первые аккорды. Акустика зала, собора в прошлом, была изумительной. Звук резонировал от купола, полифонично расслаивался на подголоски, вызывая мурашки по коже. Музыка властно завладела стариком, потянула его против воли в глубокий омут воспоминаний...

...Штурмовики каруселью вились над отставшим от каравана транспортным судном, океан кипел разрывами. Корабль чадно пылал, но огрызался стволами всех калибров – к самолетам с крестами на крыльях тянулись разноцветный трассеры. Атакующий, самолет задымил, развалился на куски. Корма корабля стала погружаться, танки поползли к бортам, сминая палубные надстройки. Корабль встал на попу и в считанные секунды исчез с поверхности океана. Самолеты расстреливали тонущих среди льдин моряков...

Оказывается, война шла на большом экране, растянутом между пальмами. Американцы смотрели на ужасы войны из легковых машин, коих множество скопилось возле бензоколонки. Миловидная девушка лавировала между машин с подносом в руках.

– Патриоты, поможем семьям погибших...

Потрясенные гибелью соотечественников зрители щедро пополняли воров банкнот на подносе...

Пожилой Джеймс Стрит глядел на экран с непроницаемым лицом. Зато на лице двадцатидвухлетнего Эдварда вся гамма сострадательных чувств. Девушка тронула его за ладонь.

— Простите, разве вы не патриот?

То ли от упрёка, то ли от касания девичьих пальцев Эдвард сильно смутился. Отыскал увесистый бумажник в кармане макинтоша — дяди! — и, даже не открыв, положил на поднос. У девушки округлились глаза. Джеймс Стрит забрал бумажник, вынул из него ключ, права водителя. Часть денег с извинительной улыбкой отдал девушке, а бумажник убрал в карман. Сухо заметил.

— Ты излишне впечатлителен. Это портмоне подарил мне твой братик Майкл.

— А-а, кажется на рождество Христово, мы были мальчишками, да? — просял Эдвард, не вникая в интонацию дяди. — Как раз вчера Майкл приснился мне, он очень просил передать маме сто-то секретное, какую-то тайну...

— Ты передал?

— Военных тайн не выдаю даже маме!

Джеймс Стрит удовлетворенно кивнул, включил зажигание...

Автострада стелилась по холмам ночной пустыни. Шорох шин и стрекотание саранчи лишь оттеняли бархатную тишину. Вдали переливались россыпью огни городка. Эдвард наслаждался напором ветра, на лице потусторонняя улыбка. Во всех странах про таких принято говорить «дитя малое, не знавал труда и горя, блаженный не от мира сего и т. п.»

Он с удовольствием закурил. Дядя поморщился.

— Нет денег на приличные?

— Истый иезуит презирает роскошь и всегда весел!

Джеймс Стрит исподволь взглянул на беспечного племянника.

— Ты хорошо взвесил все «за» и «против» своего решения?

— А, дядя, так ты затем и прилетел? Отговаривать меня?!

— Целибат навсегда оставит тебя без детей, а мою сестру — без внуков. Род

Стритов прекратит свое существование...

— Но Всевышний дал маме двух сыновей! Майкл помолвлен, вернется и...

— Всевышний не помешал нацистам торпедировать судно Майкла. Шесть часов назад. В трехсот милях от Архангельска...

Эдвард перекрестился, молвил едва слышно.

– Но, может быть, он..?

– По сводке ВМФ спасшихся нет.

Эдвард молчал, осмысливая случившееся. Дядя свободной рукой привлек его к себе...

Духовный наставник бесконечно долго вел Эдварда по базальтовым лестницам, аркадам из обомшелого гранита, гулким галереям. Психологический эффект архитектурных ритмов нарастал, вызывая в душе Эдварда благоговение перед тотальной мощью ордена и сладостное чувство причастности к его корпоративному духу. По мере приближения к залу рыцарей с лица наставника сползла немощная улыбка, шаг превратился в поступь кадрового офицера. Возникший из ниши телохранитель скользнул по сутане Эдварда, и вековые двери с гербом медлительно растворились перед ним, приглашая в лоно тайны...

Узкий луч из стрелчатого оконца под потолком рельефно высвечивал складки сутаны, волнующиеся руки Эдварда. Ему запрещалось видеть человека, который за его спиной отливал слова, как пули.

– Орден одобрил твою жажду лично помочь русским. Но Россия воюет, попасть невозможно. Устроить поездку по линии Красного Креста по силам твоего дяди. Ты – врач, специальной легенды не понадобится.

– Понимаю.

Эдвард улавливал все оттенки – намеки голоса за спиной и отнюдь не походил сейчас на блаженного.

– Не лести себя надеждой, что за куцую поездку обратишь русского в истинную веру. Твоя задача – сбор впечатлений о русской душе. Ты очень добр, вот и оставь после себя добрый след в России. Помнишь? «Кроткие наследуют землю...»

– Лучшая из заповедей, – твердо согласился Эдвард.

Перед ним тускло блистал доспехами средневековый рыцарь на коне, укрытом латами. В левой руке рыцаря – крест, в правой – меч.

– Любыми способами попытайся задержаться в России. Любыми. Разрешаю... Русская душа в кругу друзей и в одиночестве, днем, ночью, на свадьбе, на похоронах, у станка, в концлагере, отношение к детям – для ордена не существует бесполезной информации. Дав клятву целомудрия вопреки козням дьявола, искушавшего тебя гибелью брата, вопреки воле родителей, ты совершил духовный подвиг во имя Бога. Соверши теперь подвиг и во имя ордена...

– Что угодно ордену, то угодно Богу...

– И чтобы не случилось, помни: за твоей спиной – дядя, Америка, Орден, Бог...

Недвижимо сидевший на стуле Эдвард уменьшался и уменьшался в размерах, пока не превратился в шахматную фигурку на разлинованном паркете громадного зала. С темной клетки ему грозил уничтожением, согласно ходу коня, игрушечный рыцарь с мечом в руке.

Стены двухэтажного дома, как и просторную веранду из красного дерева обвивал плющ. За оградой желтели два больших фургона, шумела толпа – горожане сдавали вещи в помощь голодающей России. Гордые доверием подростки ловко связывали одежду в тюки. Старший из них крикнул.

– Самолет не резиновый: только одежду, лекарства, доллары и детские игрушки!

– Мамочка, ты выглядишь как Грета Гарбо, – Эдвард чмокнул мать в щеку. – Папа закончил главу про нападение медведей на шлюпку? Я уже придумал концовку: медведь становится членом экипажа и гребет без бензина до самого Архангельска.

– Зачем ты, папе очень плохо...

– Папе станет гораздо легче, если он прекратит торговлю памятью своего сына и моего брата Майкла!

Мать не успела ответить, ибо бродяга в мятой шляпе предложил ей в помощь русским початую бутылку виски. Эдвард отверг помощь. Мать смягчила его категоричность.

– Наша семья очень признательна вам.

Тогда бродяга тасанул веером колоду карт. Наконец он щелкнул кнопкой ножа – из рукоятки выскочило лезвие. Презрительно пожал плечами, мол, как хотите...

Толстуха с огромным бюстом предложила ворох лифчиков и пластмассовую шкатулку. Голос Эдварда стал ледяным.

– Белье принимается в упакованном виде. Что здесь?

– Пилюли. Мэм, объясните ему...

– Срок годности истек неделю назад, – резюмировал Эдвард.

– Но я сегодня... – растерялась толстуха.

– Иногда думай головой, – вмешался полицейский, демонстрируя осведомленность. – Русские наоборот борются за высокую рождаемость, у них потери личного состава под Сталинградом...

Эдвард был в ударе, ему явно нравилась маленькая власть над горожанами. Два агрессивных репортера взяли его в клещи:

– Что ты испытываешь, став знаменитым на весь штат?

– Гордость – худший из грехов... – назидательно ответил Эдвард.

– Записывай, Джек, дельная мысль. Надеюсь, ты задумал поездку в Россию не только ради рекламы дяди?

– Мой дядя Джеймс Стрит – не нуждается в рекламе, как и его самолеты!

– Ты не политик, обычный врач. Какие первые слова ты произнесешь, ступив на землю России?

– Я посоветую русским не читать ваших репортажей на голодный желудок.

– У, да ты бесстрашный парень! А как вы, Элен Стрит, относитесь к поступку сына?

Ближние к столам женщины умолкли, с любопытством ожидая ответа. Мать надменно улыбнулась. Сняла шляпу. Сняла с ушей серьги, с шеи ожерелье, с пальца перстень – изящно уронила драгоценности в шляпу. Женщины зааплодировали красивому спектаклю.

– Достойный ответ матери патриота! – изрек репортер. – А что думает дедушка о любимом внуке?

– Передай писакам, что будь мой внук мужчиной, а не импотентом, он отомстил бы нацистам за Майкла! – ответил матери кряжистый старик, стригший газон.

– Не капризничай, папа.

– Я потому и папа, что завалил твою мамашу прямо в лодке! Он оборвал мой род! Я вас предупреждал, чем кончится, когда он снюхался с францисканцами. Эти бездельники облапошили его ради денежек и связей Джеймса! Передай писакам, что мой внук – предатель, работает на Гитлера.

Участь единственной женщины в доме научила мать долготерпению – она сунула под язык таблетку валидола...

Подкатил яркий автобус, из которого высыпали школьники с музыкальными инструментами. Толпа почтительно расступилась перед импозантным мэром городка и седовласым учителем. Мэр энергично поздоровался с Эдвардом. Обратился к горожанам.

– Как и заведено в нашем городе, врач заботиться о других, но не о себе. Мэрия считает, что Эдвард Стрит не имеет права замерзнуть в снегах Сибири!

Мэр водрузил на плечи Эдварда шубу до пят, на голову шапку из такого же меха.

– Поклонись русским за Сталинград...

Эдвард переживал лучшие минуты жизни, а мать смотрела на него потухшими глазами. Мэра сменил старый учитель.

– Я учил тебя правильно понимать историю и, кажется, не зря. Сто лет назад твой предок – миссионер брал с собой на Камчатку это Евангелие. Возьми и ты, дарю от школьного музея. Не посрами честь нашей школы в Россию...

Под сокрушительные аплодисменты учитель обнял Эдварда.

От ликующих горожан отделился мужчина с неприметным лицом. Он сел в старенький «форд» и здесь обменялся впечатлениями с коллегой.

– Ты прав, люди Абакумова накинуться на него, как пираньи на молочного поросенка. И все же, все же, зачем он прется туда?

– Роль «мессии», мечта любого католика. В Штатах «мессий» пруд пруди, решил порхнуть к туземцам...

– Орден ведет через живца разведку боем: живца съели – соваться рано. Это я понимаю. Кому еще кроме ордена выгодна поездка? Как он добился разрешения, если дядя лепит новейшие истребители? Или выгодно самому Джеймсу Стриту – надеется на заказы русских после войны?

– Выгодно прежде всего Гуверу...

– Ты не перегрелся на солнце?

– Перед войной Гувер намекал Стриту пожертвовать пару долларов на пользу «конторы» – мы были нищими перед Канарисом и Абакумовым. Зато теперь такие, как Стрит, заделались крутыми патриотами и тычут нас мордой в дерьмо за Пирл-Харбор. Моли Бога, чтобы русские завербовали этого олуха, тогда Стрит в руках у Гувера. Стрит сам прибежит к нему, когда человек от Абакумова начнет его шантажировать – предложит досье племянника в обмен на чертежи двигателя...

Полицейский уводил бродягу в мятой шляпе. Экзальтация эмоций шла по нарастающей. В толпе прошелестело.

– Джеймс Стрит, Джеймс Стрит ...

Джеймс Стрит поцеловал мать. Тихо спросил Эдварда.

– Не передумал? И мать не жалко?

Эдвард упрямо промолчал. Джеймс Стрит залез на стол – заговорил в полной тишине неожиданно проникновенным голосом.

– Моя сестра Элен воспитала в сыновьях отзывчивость к чужому горю, и я не уверен, что она сейчас не жалеет об этом. Старший Майкл добровольцем уплыл с конвоем в Архангельск, прости, Элен. Видит Бог, как я не хочу, чтобы и младший Эдвард искушал судьбу – не осуждайте меня, роднее племянника у меня никого нет. Но раз он решил лететь по безумно трудному маршруту из Аляски в Красноярск, то полетит все шесть тысяч миль на серийной модели «Дугласа». Я наугад выбрал двигатель с конвейера, я не намерен отделять

безопасность моего племянника от безопасности американских и русских парней. И я очень прошу вашего согласия, чтобы Эдвард передал самолет детскому госпиталю в Красноярске, как подарок от вашего города!

Последние слова Джеймса Стрита утонули в Овациях. Внезапно показался и сделал круг над крышами домов «Дуглас» с эмблемой Красного Креста на фюзеляже. Из люка посыпались листовки. Кто-то крикнул.

– Голосуйте за Джеймса Стрита!

Школьный оркестр заиграл национальный гимн.

Под снегопадом листовок Эдвард в горячей шубе, дядя, мэр и учитель стояли с прямыми спинами лицом к поющим горожанам. Пели водители остановившихся машин, пела вся улица, весь город!

Лишь мать с безучастным лицом сидела на тюке с вещами. От образа гордой представительницы касты не осталось и следа – убитая горем провинциалка из простонародья...

В приоткрытую фрамугу окна доносился гул самолетов. В комнате следы ужасающей попойки. Эдвард с трудом разлепил тяжелые веки. Долго вспоминал подробности сладостно-кошмарного сна. Истово перекрестился. Потянулся за окурком и обнаружил, что ночевал в коттедже переводчицы Марины, будем откровенны до конца – в ее постели. Он вскочил, как ужаленный. Отыскав под подушкой свое бельишко, немного успокоился. Подергал запертую дверь. Брезгливо понюхал пустой стакан – от перепоя разламывалась голова.

Вошла Марина вся в снегу, как из новогодней сказки. Задорно рассмеялась, видя, как лихорадочно Эдвард натягивает майку. Протянула ему щетку.

– Будила на завтрак, будила – храпит без задних ног!

Эдвард покорно счистил щеткой снег с ее полушубка. Марина капризно вытянула ногу, предлагая снять валенок, второй – наслаждалась властью.

– Головушка бо-бо? И зачем же ты соревновался с летчиками, исследователь русских душ? У них души простые: поставь ведро – выпьют!

Раздался стук, дверь приоткрылась.

– Марина, можно?

– Попозже, – сконфузилась переводчица.

Однако глазастый воентехник Костя уже заметил гостя в кальсонах. Отшвырнув Марину дверью, он шагнул через порог – рука потянулась к кобуре пистолета.

– Кажется, союзники расширяют помощь?

Эдвард одевался с молниеносной быстротой. Марина заслоняла его от наседающего ревнивца.

– Костенька, не глупи, он вчера знакомился с экипажем!

– А потом? Учила русскому языку?

Марина молчала, Костя хлестнул её перчаткой по щеке.

– Шлюха с дипломом...

От расправы над гостем Костя удержался. Исчез, вложив всю силу гнева в хлопок дверью. Марина в отчаянии воскликнула на английском.

– Сделай что-нибудь, догони, помирись – он мой жених!

Эдвард схватил шапку, шубу – пулей вылетел из коттеджа.

У Марины подрагивали уголки губ. Она убрала в карман полшубка забытый гостем словарь. Вяло начала убирать смятую постель. Любопытство взяло верх, она оттянула занавеску окна...

...Метель утихла, сеял редкий снежок. Костя удалялся по тропинке между сугробов. Жестикующий Эдвард навязчиво следовал за ним...

Оранжевый тягач тянул за собой «Аэрокобру». Водителю тягача распахнулось залитое электрическим светом пространство ангара, где люди казались муравьями.

Здесь советская сторона принимала самолеты: воентехники производили тщательный осмотр, проверяли комплектность, испытывали работу двигателей и т. п. После подписания комиссией акта о приемке тягач утягивал самолет на советскую сторону взлетного поля. По сути ангар являл собой цех военного завода – каждый знает свою задачу, работает молча и быстро, на посторонних ноль внимания.

Механики отцепили трос, и тягач покатил к «Дугласу», басисто ревеющему винтами в противоположной стороне ангара. Обогнав Костю, водитель кинул ему в знак симпатии пачку сигарет. Костя зло обернулся к Эдварду.

– Всё, всё, всё – отцепись!

– Вы – куритель, я – куритель, мы – друзья!

– Да ты не бойся, не бойся, кому не положено знать, где лазишь по ночам, не узнают... – намекнул Костя.

– Я порядный человек, я не мог твою девушку, как по-русски ... Это невозможно в принципе!

– Да ладно, мужик ты или принцип? – Костя взял предложенную сигарету.

– Конечно, сучка не захочет, кобель не вскочит... Аллах с ней, едино скоро на фронт. В Красноярск не могу улететь, вот беда так беда!

– Это не есть проблема. Я возьму тебя в «Дуглас»!

– Что значит – возьму? Кто разрешит?

– Это есть мой самолет. Лично мой!

– Ну и трепло! Я трепло, каких свет не знавал, но мне до тебя...

Костя с восхищением пожал руку недоуменному Эдварду. К ним устремился командир экипажа Шаршин.

– О-о, как здоровье добровольца?

Эдвард заговорщицки отвел его в сторону.

– Я вчера много выпивал?

– При мне сущую грамульку. А что стряслось?

Костя в числе прочих подписал акт о приемке «Дугласа». Покосился на статного офицера американской спецслужбы...

Офицер не сводил глаз с фанфаронистого Эдварда, который пожинал урожай благодарности от летчиков американского и советского экипажей. В честь передачи самолета командир экипажа американцев доверил ему раскупорить бутылку «Шампанского». Согласно ритуалу Эдвард омочил пенистой струей фюзеляж, браво опрокинул бутылку в рот.

Офицер спецслужбы склонился к уху переводчицы.

– Не заметила, с кем пришла сюда эта гражданская ворона?

Переводчица Элизабет осторожно показала на Костю.

– Вон с тем воентехником.

Офицер с достоинством приблизился к Эдварду.

– Простите, как вы попали сюда?

– Я – владелец «Дугласа»! Оглянитесь...

– Ваш пропуск, пожалуйста, – бесстрастно повторил офицер.

– Не позорьте меня перед русскими, – понизил тон Эдвард. – Все эти самолеты изготовлены моим дядей Стритом...

– Пропуск.

Тут Эдварда весьма некстати стошнило. Офицер вежливо взял его под руку и повел, как школяра, мимо удивленных механиков к выходу. И тягач торжественно потянул «Дуглас» вслед за владельцем – на советскую сторону.

На улице офицер спросил более участливым голосом.

– Вы познакомились с воентехником? Или он с вами?

Эдвард утер рот, его снова сильно тошнило.

– Я подложил ему свинью, такое не прощают...

Костя вынул из фотобачка пленку – стал рассматривать ее через лупу, представляя кадры готовыми снимками. На снимках нагие Эдвард и Марина в постели – она ласкает его, сидит на нем верхом. Трудно разобрать, спит Эдвард или бодрствует, но на лице его экстаз...

В те годы крохотный поселок Ном на северной оконечности Аляски служил последней точкой опоры перед прыжком самолетов с континента на континент. В Номе советские летчики отдыхали перед труднейшим перелетом в Анадырь, американские набирались сил перед возвращением на заводы Канады. Но чаще отдых был вынужденным из-за непогоды. Бывало по весне в самом Номе светило солнце, окрашивая малиновой гуашью плато Осборн на фоне густо синего неба, а в полусотне миль ревел ураган на всех высотах, висел туман. И тогда полярные асы, привыкшие к действию и риску, как к наркотику, сходили с ума от вынужденного безделья. Комфортные, рассчитанные на двоих коттеджи превращались для них в золотые клетки...

Рядом с фамильным Евангелие, подаренным учителем, стоял миниатюрный образок. Эдвард усердным шепотом замаливал ночной грех.

– Пречистая мать Божия, пресвятая дева Мария, прости раба твоего грешного Эдварда. Упаси мя от блуда с дьяволицами во веки веков...

За спиной раздался угрюмый голос.

– Молись, молись. Мама уважала верующих...

Громыкнул выстрел. Эдвард сознавал, что попал в ловушку.

– Ты не боишься угодить в кого-нибудь на улице?

– Я могу угодить только в лоб Шмидту!

На двери висела мишень – фото девушки. Смуглый летчик Диего с печатью хронического недоверия на лице снова выстрелил. В голосе прозвучала агрессия.

– Врач должен бы знать, почему Бог сотворил их из ребра Адама.

Эдвард не ответил, продолжая молиться. Диего выстрелил.

– Ребро – единственная кость, в которой нет и капли мозга! Скажешь, не знал это?

Эдвард заговорил, поймав нужную ноту.

– Почему ты вспомнил о маме в прошедшем времени?

– А тебе не ясно?

– Как её звали? – Эдвард медлительно обернулся.

– Долорес, если тебе интересно.

Холодея от ужаса, Эдвард мягко отнял у Диего заряженный «кольт». Взамен вручил ему свечу.

– Зажги сам. Повторяй за мной. Господи Иисусе Христе, успокой душу рабыни твоей Долорес. Сын Диего любит её и вспоминает каждый день... Ну?

Диего с трудом освобождался от ненависти. Глаза повлажнели.

– Очень уж ты речистый.

– Я действительно восхищаюсь матерью, которая родила Америке такого пилота, как ты! Южанину в сто крат труднее на Севере, чем остальным, но ты – мужчина! Ты – гордость мексиканской нации!

– Я полукровка...

– Смешение кровей рождает гениев и генералов ВВС – Всевышний умеет благодарить за дружбу наций!

– Пожалуй, кое в чем ты и прав... – потеплел Диего.

– Покажи письмо, – приказал Эдвард.

Он с выражением прочитал концовку письма.

– «...Устала ждать, годы уходят. Выхожу замуж за Шмидта. Он эмигрант из Германии, много настрадался. Прощай. Жаклин». Подлая провокация против ВВС США! Во-первых, отпечатано на машинке и без подписи.

– Она работает машинисткой и адрес её.

– Тем более! Ты бы застрелил нашего Шмидта, сразу крик в прессе, а ВВС потеряли двух асов!

– Пожалуй, ты голова...

Теперь подозрительность Диего переключилась на таинственного провокатора. Эдвард поспешил отвлечь его.

– Ты унизил ее, растоптал подозрением. Бери ручку. Пиши!

«Милая, несравненная, моя единственная Жаклин. Не смейся над откровенностью глупого Диего, но я однолюб по характеру. Если бы не мечта стать твоим мужем, я бы давно принял целибат...»

– Выходит, делаю ей предложение? – задумался Диего.

– «...Сегодня ты снова приходила ко мне. Я так явственно целовал твои губы, плечи, испытал такое... И вот весь день меня мучает вопрос, а может, это было наяву? Так искушать умеет только дьявол!» Стоп, про дьявола вычеркни, – помрачнел Эдвард.

– Хорошо бы про денежки добавить, а?

Эдвард сухо кивнул. Диего строчил письмо, не замечая перемены в настроении утешителя. Эдвард неумело пытался разрядить «кольт». Объятый добрым чувством Диего протянул ему готовое письмо, сам разрядил «кольт».

– Хотел бы знать, зачем ты поселился с психопатом в одном номере? Ведь парни предупреждали тебя, что я дурной, предупреждали – скажи честно.

Ты ощущаешь сейчас божью благодать? Вот и ответ на вопрос...

– За всю жизнь меня никто ни разу не похвалил, ни разу! Вечером напишем еще одно?

Эдвард включил душ, но прежде утопил патроны из «Кольта». Он вышел из душа едва живой. Диего с преданностью слуги растер ему тело полотенцем.

– Ну-ка, ну-ка, баюшки-баю...

Эдвард спрятал под подушку фамильное Евангелие.

– Хуже всего, что я не знаю, был грех или нет. Но я наложил на себя епитимью – буду неделю голодать...

Диего накрыл засыпающего проповедника одеялом.

– Что ты бормочешь, никак не пойму?

– И никто не поймет, это я должен всех понимать!

Диего стоял навтыжку перед Стаутом, начальником отдела контрразведки ВВС. Стаут через лупу разглядывал почтовый штемпель на конверте. Убрал конверт в папку.

– Ты очень правильно поступил, что обратился ко мне. За Жаклин не беспокойся. Кстати, как тебе этот гуманист? Вроде он симпатяга, а?

– Пить не умеет совершенно. Намочил губы с русской переводчицей и сразу тарыхтит про дьявола, про грех какой-то...

– А кто ставил выпивку? Он или русские? Чья инициатива?

– Подробностей не знаю. Но могу узнать ...

Стаут торжественно поднялся из-за стола.

– Диего, я сожалею, что мы не познакомились раньше. Я сирота, как и ты. Давай помогать друг другу в жизни.

После смерти матери отец не помог мне и центом. Даже советом... – дрогнул голос Диего.

В горах Северного Урала. 1969 г.

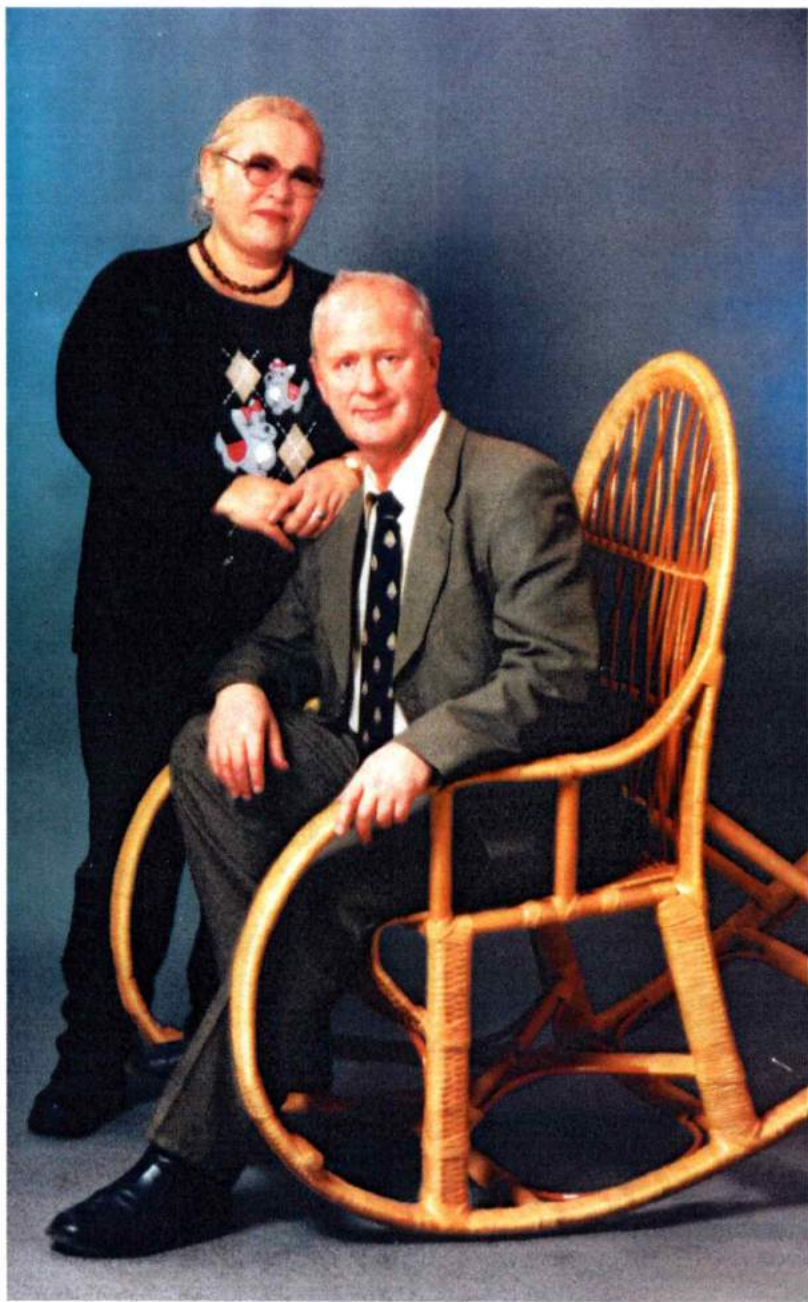
В. Д. Петров (второй слева), генерал А. И. Лебедь и другие участники подписания договора о сотрудничестве Челябинской области с Приднестровьем, г. Тирасполь. 1992 г.

С участницами студенческого кинофестиваля. 2007 г.

В колонии для несовершеннолетних преступников, п. Атлян.
Работа в комиссии по помилованию. 2006 г.

С народной артисткой России Ниной Усатовой. 2001 г.

Кадры из кинофильма «Человек со свалки» (1991 г.)

Кадры из кинофильма «Барак» (2000 г.)

С деканом режиссерского факультета ВГУКа
Олегом Борисовичем Шухером. 2005 г.

На празднике «День знаний» с ректором ЧГАКИ
В. Я. Рушаниным и спортсменом и актером
Э. Нигматулиным. 2008 г.

На съемках детского сериала «Приключения Даши».
Озеро Тургояк. 1999 г.

Награждение победителей I внутриакадемического
студенческого фестиваля «День студенческого кино». 2007 г.

Вручение В. Д. Петрову Государственной премии
в области кинематографии. 2001 г.

С участниками II международного студенческого кинофестиваля
им. С. А. Герасимова. 2005 г.

ВИКТОР ПЕТРОВ. ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ

Власть и СМИ. Травля чиновников – самый легкий путь к журналистской славе

В обществе идет информационное ускорение. Плюсы этого нового явления очевидны и бесспорны, а вот минусы еще придется пожинать – о них и поговорим.

Вдумайся, читатель: в области средних размеров более пятисот газет, десятки телеканалов, радиостанций, и число их прибывает и прибывает! Возможно ли даже теоретически удовлетворять прозорливость этакого колосса только доброкачественной информацией? В журналистику толпами приходят молодые люди без жизненного опыта. Из них многие, слишком многие, выбирают вместо каторжной лямки профессионализма легкий и более хлебный путь сенсаций, эпатажа, политических сплетен. Именно для этой шумливой публики персоны крупных чиновников служат даром, посланным с небес, иначе о чем и писать.

Ну, в самом деле, глубоко осмысленный очерк о положении дел в сельском хозяйстве края требует и встреч с жителями деревни, и посещения ферм, птицефабрик, хождения по инстанциям в поисках достоверной статистики – все ножками, ножками! А тут укусил за туфель куратора села Косилова, и поощрение тебе обеспечено, пусть всего лишь от работодателя, но обеспечено.

И вот здесь моя солидарность с одиозными коллегами по перу заканчивается. Прошу уважаемого читателя последовать за моей логикой.

Из трех веток власти лишь исполнительная каждый день сталкивается с насущными нуждами населения и худо-бедно заботится о нем (всюду по-разному). Неслучайно во время выборов губернатора голосуют даже самые аполитичные жители Южного Урала.

Итак, мы избрали губернатора большинством голосов и питаем иллюзию, что все четыре года сумеем максимально объективно оценивать работу его команды. Однако наша оценка – казалось бы, сугубо личная, родившаяся в собственной золотой голове! – зависит в огромной степени от информационного

посредника между нами и властью, то есть зависит от уровня культуры, гражданской зрелости, ума и совести журналистов, способов монтажа телепередач, частоты повторов материала и т. д. Даже впечатление от прямого выступления губернатора тотчас замутняется толкованиями десятков комментаторов, причем каждый из них «мнит себя стратегом, видя бой со стороны». Раньше газеты неукоснительно соблюдали принцип: 60 процентов материалов номера – читательские, 40 процентов – журналистские, а ныне, если газета отводит 10 процентов под материалы читателей, уже хорошо. Да и какой уважающий себя автор станет писать в газету, если «редакция не несет ответственности за публикуемые материалы».

Уже давно СМИ не отображают общественное мнение, а сами формируют его, да-да! Благо, если это делает перо Михаила Фомотова, который способен предугадать, «как наше слово отзовется» через годы. А если журналист менее умен или, простите за резкость, еще менее умен – каковы тогда отдаленные последствия его хлестких высказываний о власти?

Ведь общественное мнение не является простой суммой индивидуальных мнений, как принято считать. Оно имеет длительную инерцию во времени и представляет собой архисложный организм, живущий по собственным, малоизученным законам, и регулярно впрыскиваемый в его кровоток вирус насмешки над дельными чиновниками, полуправды-полулжи и прочей мелкотравчатой отсебятины способен вызвать мутацию – сначала равнодушие граждан к качеству власти, затем и вовсе отторжение сознанием большинства людей власти, даже самой справедливой. И тогда нет гарантий, что не сдетонируют одновременно все фугасы, спящие в глубинах народного сознания: и неизлечимая психотравма, оставшаяся от приватизации, и потеря миллионами надежд на будущее, и нарастающий страх перед заморским биороботом, рвущим на куски страну за страной, и прочие массовые страхи, обиды, несправедливости.

Я не сгущаю краски, дорогой читатель, я с удовольствием обменял бы свою писательскую интуицию на более оптимистичный прогноз. Но согласитесь с очевидным: в условиях зыбкой стабильности крайне безответственно

сознательно занижать авторитет исполнительной власти региона, как это делают СМИ, принадлежащие известному производителю муки и макарон.

Особому остракизму с его стороны подвергается деятельность вице-губернатора области Косилова. Подобно взмыленному тяжеловозу, этот чиновник медленно, но на подъем тянет упряжь из четырнадцати вверенных ему департаментов, среди которых умоляет о помощи и наш общий кормилец – сельское хозяйство края, и уже поэтому Косилов просто обречен быть мишенью для критики. И не было бы возражений, если бы критика по своему интеллектуальному уровню соответствовала масштабу мышления вице-губернатора, то есть учитывала множество факторов и прослеживала всю длинную цепочку причинно-следственных связей от принятия им решения до желудка избирателя. Нам же предлагают вместо анализа критику самого решения – в лучшем случае, а в худшем – подростковые эмоции, злые карикатуры и прочую немощь. И уже совсем обратный эффект вызывают случаи явной лжи...

Пример. В мае прошлого года я оказался свидетелем спора вице-губернатора с участниками демонстрации на площади Революции. Каково же было мое удивление, когда буквально через час я услышал по радио, что милиция едва спасла Косилова от разъяренной толпы. А вечером увидел по телевидению искусный монтаж на ту же тему: каменные лица офицеров милиции, жестикулирующий Косилов, возбужденные – выхваченные из другой части толпы! – лица горожан. И снова ни одного словечка о сути спора, а лишь саркастические комментарии диктора. Разве после этого случая я поверю в благие намерения владельца СМИ по отношению к потребителям информации? Разве стоит удивляться, что люди уже выходят на улицы с плакатами протеста против концентрации СМИ в руках олигархов?

Сразу уточню деликатный момент: концентрация СМИ в руках частных лиц не противоречит Конституции Российской Федерации и базовым законам о СМИ. Обладая информационной мощью, частное лицо может принести неоценимую пользу региону, консолидируя его население на решение приоритетных

задач, а может провоцировать раскол общества, отравлять сознание примитивизмом.

Близится время выборов. Снова будут использоваться, увы, приемы политтехнологий, необратимо калечащие сам менталитет народа, а именно:

1. Игнорирование позитивных результатов труда предыдущей власти и каждодневное облучение населения негативной информацией, что вызывает хронический стресс с его тягчайшими последствиями.

2. Ложь, опровержение которой требует большой трудоемкости. Тенденциозный подбор фактов, меняющий в восприятии картину происходящего. Полуправда, от которой сознание читателя-зрителя наименее защищено.

3. Использование ярлыков, позволяющих мгновенно включать враждебные ассоциации по отношению к объекту – «красно-коричневый», «фашист» и т. д. Ярлыки апеллируют к памяти народа о перенесенных страданиях, наиболее удачно они использовались в беспрецедентной атаке мировых СМИ на КГБ (без разгрома этой организации задача расчленения страны была бы неразрешимой).

4. Выдавание собственной логики атакующего за логику мышления чиновника. При грубом использовании прием вызывает отторжение, но при уважительном стиле оказывает должный эффект на интеллигенцию, которая полагает, что всегда мыслит самостоятельно.

5. Приемы, опирающиеся на сугубо отрицательные черты характера человека: лень, малодушие, безответственность, тягу к уравниловке. Самый незуитский из них, пожалуй, это преувеличение возможностей власти, что вроде бы и комплиментарно для нее, на деле же искушает многих из нас переложить ответственность на плечи власти в тех случаях, когда человек обязан отстаивать свои права сам и только сам.

Используемые вкупе, эти и другие приемы политтехнологий позволяют воздействовать на человека, минуя контроль его разума, к тому же их невозможно опротестовать юридическим путем, оттого они считаются инструментами разрушения личности. Аморально популизировать политтехнологии, как это происходит сейчас сплошь и рядом!

Предвижу вопрос скептического читателя: а есть ли вообще различие между политтехнологиями и современной журналистикой, если используются одни и те же средства – газеты, телеканалы, радиостанции? Различие есть, и кардинальное: политтехнологии призваны обслуживать интересы только частных лиц, а настоящая журналистика призвана обслуживать интересы населения, ей как раз незачем оглуплять южноуральцев.

Информационное ускорение общества отменить нельзя, и я думаю, что мы, налогоплательщики, должны поддержать усилия губернатора по созданию самостоятельного телеканала, который регулярно и без посредников освещал бы деятельность исполнительной власти региона.

Виктор Петров

Петров, В. Д. Власть и СМИ / Виктор Дмитриевич Петров // Челябин. рабочий. – 2003. – 17 апр. –

Режим доступа: <http://www.chrab.chel.su/archive/17-04-03/4/A192852.DOC>

Кино как фактор влияния на приоритетные ценности общества

Нет сомнений, в мире происходит информационное ускорение, а в России, по сути – информационный взрыв. Если двадцать лет назад в каждой области было 2-3 телеканала, то теперь их десятки, не считая кабельных сетей, а печатных изданий сотни и сотни.

Совсем недавно, в 90-е годы, российские кинотеатры пустовали, но вот появились компактные дешевые носители изображения и мировая кинопродукция, словно лавина в горах, буквально обрушилась на каждого россиянина. Отныне кинофильмы показывает любой телеканал, их без труда можно «скачивать» по Интернету, диски продаются даже в табачных ларьках. И это вселенское количество мелодрам, комедий, трагедий, фильмов ужасов и порнографической пошлости зажило подобно вирусу в коллективном бессознательном страны, и лишь вопрос времени, когда оно явит себя результатом через изменение мироощущения и мировоззрения каждого из нас.

В сложившейся ситуации затруднительно рассуждать объективно о том или ином влиянии кино на ценностные ориентиры общества уже потому, что невозможно отличить влияние отечественной кинопродукции от зарубежной – тут нужны самые серьезные исследования социологов, психологов. Тем не менее разговаривать нужно...

Что есть на сегодня ценностные ориентиры общества? Умение трудиться? Нравственность? Тяга нации к творчеству? Территориальная целостность страны? И кто определяет эти пресловутые ориентиры? Политические институты? Церковь? Травмированная семья? Министерство культуры? И в каком документе они прописаны в виде четких формул? Заостряю вопросы до математической однозначности, поскольку без ясно выраженных, приоритетных идей обществу бесполезно ждать поддержки от кинематографа.

Представим молодого кинематографиста, которому сейчас 30-35 лет, самый деятельный возраст. Он сформировался в информационном поле политических дрызг, непрерывной болтовни и рыночной экономике, коррупционных скандалов, откровенного холуйства перед богатыми и т. д. а на бытовом уровне где-то подрабатывал в ущерб самообразованию, чтобы «выжить», потом унижался перед спонсорами, выпрашивая деньги на дипломный фильм, при этом подмечал, что его отец, честнейший трудяга, уже и не интересуется обществом, что слово патриотизм – ругательное...

И вот мы удивляемся, отчего же не получили от такого кинематографиста добротного фильма о семье или фильма, воспевающего творчество конструктора, мастерство хирурга, подвиг пограничника.

В свете вышесказанного становится ясным, что одним из приоритетов нравственных ценностей является профессиональное кинотелеобразование. Нехватка специалистов этого профиля особенно остро ощутима в регионах к востоку от столицы. Есть гигантские регионы, где нет ни одного телеоператора со специальным образованием, сплошь самоучки!

Кафедра режиссуры кино и телевидения Челябинской государственной академии культуры и искусств (ЧГАКИ) была открыта пять лет назад. Сразу

после образования кафедры был заключен договор о регулярном обмене специалистами между ВГИКом и ЧГАКИ. Ныне состоялся первый выпуск дипломников, все защитились на «отлично». Председателем Государственной комиссии на защите был декан режиссерского факультета ВГИКа О. Б. Шухер.

За годы существования кафедры студенты неоднократно добивались успехов на федеральных конкурсах и фестивалях. Фильм Виталия Гишкина «Клип песни о семье» победил в IV Всероссийском кинофестивале короткометражных фильмов «Семья России». Ирина Рябинина и Вадим Усанин получили Гран-при за фильм об адмирале Ушакове на III Всероссийском литературно-художественном конкурсе «Гренадеры, вперед!».

На кафедре РКТ ЧГАКИ ведется большая научно-методическая работа. Старший преподаватель, оператор I категории, разработал УМК «Основы художественной фотографии». Старший преподаватель Т. Д. Цидина разработала УМК «История отечественного и зарубежного кинематографа». Зав. кафедрой Петров В. Д. разработал лекцию «Выразительные средства кино», которую читал в Израиле, Германии.

Кафедра РКТ ЧГАКИ успешно развивается. Ныне мы обучаем студентов не только Южного Урала, но и Якутии, Салехарда, Иркутска, Екатеринбурга, Казахстана, Германии.

Виктор Петров

Петров, В. Д. Кино как фактор влияния на приоритетные ценности общества / Виктор Дмитриевич Петров // Менеджер кино. – 2009. – № 7 (57). – С. 23–24.

ИНТЕРВЬЮ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

**Виктор Петров, кинодраматург, заведующий кафедрой
режиссуры кино и телевидения ЧГАКИ:
«Пафос убивает все настоящее»**

Этим человеком по праву может гордиться Челябинская область. В детстве он мечтал стать лесничим или природоведом. Вместо этого занялся искусством. Автор таких известных фильмов, как «Барак», «Человек со свалки», «Красное небо», писатель, лауреат премии «Ника» и Государственной премии, руководитель областного лагеря скаутов... Несколько лет назад мне посчастливилось присутствовать на лекциях Виктора Дмитриевича Петрова. Совершенно простой и открытый, и в то же время глубокий человек. При первой встрече в нем с трудом можно распознать обладателя стольких титулов и наград. Передать в одном материале всю душу драматурга невозможно, сегодня мы попытаемся приоткрыть лишь несколько граней.

Костер из дневников и тетрадей

— *Давайте вспомним ваше детство. О чем вы тогда мечтали, каким были ребенком?*

— Я родился в 1949 году в Челябинске. Какое-то время наша семья даже жила в землянках. Потом мы переехали на родину мамы, в Сатку. Наверное, главной моей чертой с детства было стремление к лидерству. Мне нравилось руководить, но не из тщеславия, а потому, что у меня всегда было много идей, для осуществления которых нужна компания. Например, в третьем классе я собрал 5-7 мальчишек, мы взяли наши опостылевшие тетрадки и дневники, погрузили на санки и пошли в поход на Первое озеро. Стоял январь. Мы зашли на середину озера и развели там большой костер. Каждый из нас при этом абсолютно не думал о последствиях. Естественно, потом меня коснулась тяжелая отцовская рука...

— *В тетрадках были плохие оценки?*

– Нет, но из чего еще детям разводить костер? Мы были маленькими и не могли нарубить дров. А тетрадки – это то, что лучше всего горит... Кстати, учился я хорошо. А еще меня всегда тянуло к лесу. Я его любил и люблю до сих пор. В детстве мечтал стать охотником, лесником или природоведом. Наверное, это стремление к неизведанному. В лесу раскрываются какие-то чакры, ловишь другое мироощущение.

– Не доводилось поработать в этой области?

– Я это компенсировал иначе – в старших классах постоянно ходил в походы. В восьмом организовал поход мальчишек на Увильды. Мы отправились туда на месяц. В девятом классе зимой пошел с одноклассниками на Таганай на десять дней. Естественно, заблудились. Вспоминается это с удовольствием. А уже начиная с десятого класса были регулярные летние и зимние походы на популярный Урал, Алтай, Байкал и в другие уголки.

В 1980 году я поставил Ельцину диагноз

– Виктор Дмитриевич, как вы пришли в драматургию?

– Почему я выбрал кино? Во-первых, я с пятого класса начал фотографировать. Желая приобщить меня к культурной жизни, родители купили фотоаппарат и отправили в кружок к Юрия Константиновичу Горохову. Фотография меня очень увлекла. Уже в восьмом классе я получил медаль из США за снимок «Непрощенная подсказка». Следом за фотографией начал снимать кино. Первые фильмы делались в лесу. Когда наступило время выбора профессии, пошел учиться на инженера-строителя, окончил ЧПИ, но душу это не грело. Работу в проектно-институте быстро оставил и стал заниматься с трудными подростками. Постоянно водил их в лес на 2-3 недели и там учил фотографировать. Многие из моих снимков того времени были опубликованы в журналах. Потом поступил на высшие курсы режиссуры художественного кино – в мастерскую Тарковского. Кстати, конкурс был достаточно большой – 400 человек на место. Со всего Советского Союза тогда отобрали 15 человек. И только, пожалуй, жизнь в Москве, когда я учился на киношника, ослабила тягу к лесу.

– Почему это случилось?

– Тягу ослабила не сама учеба, а увлечение политикой, которая с середины 80-х годов заняла мои мысли. До этого эта сфера общественной жизни меня не интересовала. Она существовала сама по себе, я – сам по себе. В конце 80-х я уже ясно осознавал, что будет меняться социальный строй. А при смене социального строя власть вначале всегда берут бандиты. Есть биологический закон, по которому организм повторяет жизнь отдельной клетки. А это значит, что развитие страны не могло проходить по сценарию, который предрекали газеты и депутаты вроде Явлинского: «Мы за 500 дней сделаем то-то и то-то». Я понимал, что сначала будет «пещерный», кровавый капитализм, потом Россия повторит всю эволюционную дугу капитализма и только потом в стране установится более-менее приличное положение. Я это понимал, и, будучи беспартийным, в 1987 году уже поддерживал партию: ходил на митинги, яростно спорил с Субботиной. «Царь Бориска» для меня не был авторитетом. Я видел его на слете писателей в 1980 году и по тому, как он держал стакан с водкой и пил, уже тогда поставил диагноз. Я же сам долгое время жил среди людей, которые страдали хроническим алкоголизмом.

– Что вас еще насторожило тогда?

– Слишком много было пафоса в его речи. А пафос – это всегда ложь. Он способен убить все настоящее. Если я вижу пафосного человека, сразу настораживаюсь и думаю: что ему от меня нужно? При этом я продолжал заниматься кино. Мы снимали большой сериал «Человек со свалки». В том фильме я постарался вывести идею социальной справедливости через характеры и производственные отношения на первый план. Это сейчас я понимаю, что зрителю нужны социальные сказки, а не социальная справедливость. Хотя за фильм я получил много всяких гран-при. Он вышел в 1991 году, на второй день после путча, и был показан практически на всех континентах. А премьера прошла здесь, в тогдашнем кинотеатре «Урал». Когда я работал над этим фильмом, видел нищих на свалке. Даже пожил с ними неделю. Вы знаете, что под нашей Челябинской свалкой есть ходы, тоннели и целая социальная иерархия? Также

прожил буквально целый месяц в литейном цехе, собирая по крупицам образ главного героя, литейщика, которого сыграл Александр Котенёв. Эпизоды с ним снимали в той же литейке, это был нонсенс. Но я сразу сказал: снимаем в цехе, а не в павильонах.

Студенты меня обогащают

– Сложно было получить разрешение на такие съемки?

– Получить любое разрешение – вопрос приложенных усилий. Положение осложнялось другим. В фильме есть кусок про Афганистан, который нужно было снимать в Таджикистане. Время было беспокойное, начались массовые беспорядки в Душанбе и других городах. Двух моих художниц взяли в заложники вместе с афганской съемочной группой. В то же время в Челябинске эмиссара моей съемочной группы избили и ограбили. Никто уже не хотел никуда ехать – по телевизору кровавые сюжеты сменяли друг друга. Тогда я впервые задумался, как, оказывается, можно через телеэкран перевернуть всю страну. Я оставил кино, засел за книжки, пытаюсь понять, что же все-таки такое информация, потому что чувствовал – приходит нечто новое в воздействии на людей. Тогда в стране было всего несколько каналов, а потом их число, как и газет, начало расти подобно снежному кому. Сейчас только в Челябинской области около полутора тысяч источников информации. И этого монстра невозможно накормить доброкачественной информацией. Получается, что СМИ не просто формируют, но и искажают картину общественной жизни. Этот вывод меня поразил. Слушая разных политиков, я понял, что они боятся прессы. Их принципиальность, возведенная в квадрат, может рассыпаться от того, что какой-то безымянный журналист вдруг запустит по телевидению сюжет, что, к примеру, такой-то депутат ходит в мятых брюках. От этого репутация политика может пошатнуться, независимо от вложенных в рекламную кампанию денег. Поэтому, продолжая писать киносценарии и телесериалы, я начитывал книги о телевидении. В конце концов, этот интерес сделал меня заведующим кафедрой режиссуры кино и телевидения ЧГАКИ, которая образовалась в сентябре 2006.

– Однако ваша преподавательская деятельность началась с работы на кафедре журналистики ЮУрГУ. Одно время вы ей даже заведовали. Почему ушли? Не понравилось работать с будущей «четвертой властью»?

– Нет, я просто был недостаточно компетентен в этой области и честно предложил Александру Васильевичу Драгунову заменить меня. На этом месте я оказался случайно и чувствовал, что занимаю его не по праву.

– Общение со студентами-журналистами открыло для вас что-то новое?

– Я вообще обожаю работать с молодежью. 19 лет руковожу скаутским лагерем. Студенты и студентки меня обогащают. Какие-то явления в обществе я не улавливаю, потому что по складу характера консерватор. А среди людей 18-20 лет частицы будущего, как вольтова дуга, искрят постоянно. Когда общаются два живых существа, обогащение обычно идет 50 на 50. Другое дело, что не каждый эти 50 процентов возьмет. Но если ты жизнелюб, тебе нравятся новые идеи, ты это усвоишь. Да и студенты очень благодарный народ. Они обязательно отвечают симпатией, даже если не умеют это выразить. Поэтому, когда мой бывший выпускник здороваается на улице, я чувствую, что работаю не зря.

– Что вы преподаете сейчас?

– В академии я преподаю выразительные средства киноэкрана и выразительные средства художественной фотографии. Вообще, в преподавании искусствоведческих дисциплин есть тонкости – нужно как можно меньше общих слов и эмоций. Допустим, есть две фотографии, мне важно объяснить студентам, почему один снимок художественный, а другой нет. Не эмоциями, а совершенно ясным и доступным языком. Мои уроки – всегда импровизация. Конечно, я готовлю конспект лекции, но мы всегда выходим за рамки обозначенного предмета. Иначе мне самому будет неинтересно. Для творческого человека из года в год долдонить одно и то же равносильно смерти. Я стараюсь проводить уроки так, чтобы ни одна лекция не походила на другую.

– Как вы считаете, есть среди ваших учеников будущие знаменитые деятели искусства?

– Безусловно. Законы искусства едины для живописи, кино, фотографии. Когда ты работаешь со студентами и видишь, что они поняли – появляется уверенность, что в головах этих мальчиков и девочек эти законы останутся навсегда. Так формируется мышление. А от него ребята уже не денутся никуда. Пусть не в кинематографе, но они проявят себя в телевидении или каких-то других сферах изобразительного искусства. Мои студенты уже выигрывают федеральные фотоконкурсы. Я считаю, это немало.

Боюсь постареть мышлением

– *Расскажите о своих скаутских лагерях.*

– Первый был организован в 1990 году на озере Тургояк. Сейчас лагеря на Тургояке проходят каждое лето в три смены. В августе ездим в Анапу. Затем зимний горнолыжный лагерь и весенний лагерь в Абзаково. Для меня эта деятельность очень важна. Знаете, я так боюсь постареть! Не внешне – лысый я уже давно – а мышлением. Когда ты общаешься с детьми, перенимаешь их образ мыслей, идет омоложение психики. Мне раньше страшно не нравилось слово «круто», просто колотило от него! Лет 5-6 сопротивлялся, а сейчас это мое любимое слово. «Ну что, друзья-скауты, круто дрова порубить?» А им лет по 8-9...

– *В этом случае больше подходит слово «слабо»!*

– Да (*смеется*)! «Слабо» – тоже превосходное слово. Они еще очень любят слово «ништяк» и выражение «сел на измену». Некоторые фразы студентов и моих скаутов записываю в дневник, а потом в словаре Даля смотрю, что они обозначают. Оказывается, чаще всего применяются многозначные выражения. А ведь раньше русский язык был однозначной системой информации. «Круто» применялось только по отношению к понятию крутой склон, слово из трех букв тоже означало одно единственное и ничего другого. Сейчас этими словами можно отразить около 50 состояний души. В лингвистике есть закон: сокращается территория страны – беднеет язык. Раньше русский язык, как главенствующий в СССР, постоянно получал живительные родники отовсюду. Сейчас осталась Россия, поэтому идет обеднение.

– Ну, какое же обеднение! Наверняка в словаре Даля нет слова «ништяк»!

– Это слово из жаргона уголовников, как, к примеру, «в натуре». Я пять лет был членом комиссии по помилованию Челябинской области. Приходилось ездить по зонам. Меня интересовала культура языка заключенных. Оказывается, выражение «в натуре» появилось на Соловках.атурой считалось сало, масло, мед. Их смешивали и хранили в бочках как натуральный пай для руководящего состава НКВД. Среди эков смесь называли «натура», она считалась питательной. Когда строили Беломорканал, с передовиками рассчитывались «натурой». Это был единственный способ выжить в тех условиях. Вообще, в языке зарыта целая история страны, государства. Вы никогда не думали, почему так много слов имеют корень, связанный с дыханием: вдохновение, отдушина, отдышаться?

– Дыхание – это жизнь.

– Не просто жизнь, а та естественная функция, которую мы осуществляем каждые несколько секунд. Без воды мы можем прожить три дня, без еды еще больше, а без воздуха – одну-две минуты. Важность какого-то жизненного явления, его ценность для человека всегда отражается в языке. Я никогда не захожу в Челябинске в «Венецианские дворики», хотя насчитал их три. Зачем называть кофейню «Моветон»? Почему бы не назвать ее «Таганай»? Всем хочется походить на Запад, но он же вырождается. Там гомосексуалистов больше, чем нормальных мужчин! В Париже половина населения негры. Через 20-30 лет бывшие колонии поглотят Европу. Так зачем нам ее копировать? Пока мы не научимся ценить свою культуру, свою историю, свой характер, мы во всем будем терпеть фиаско. Нас всегда можно будет искусить, как молоденькую девочку, сказками о красивой жизни, а потом бросить. Вы посмотрите: идея демократии пришла с Запада, как и идея большевизма. Та и другая раздели русский народ до трусов. Идеи должны рождаться в самом народе.

– То есть вы предлагаете придумать для России свою государственную систему?

– Зачем? Надо просто более тщательно преподавать в школе историю российских народов. Вы знаете, что в церковных школах, которые открывал Победоносцев, преподавалась история русской избы, где точно объяснялось, как какой угол назывался, как расходится тепло от печи, какая изба стоит дольше и прочее? Я же не призываю к национализму. Я призываю к изучению своей истории. И не надо это называть домостроем, как многие любят. Наш народ просто несчастен! У нас множество национальных праздников, а мы из подражания Западу отмечаем Хеллоуин. Разве будут уважать такой народ в той же Америке?

Мечты о книге и пингвинах

– *Ваша жизнь интересна и полна побед. Какими из них вы гордитесь?*

– Я не тщеславен. Регалии никогда не были главной мотивацией моих действий. Если я писал рассказ, мне важнее всего было поймать нужную стилистическую ноту. Когда это получалось, я радовался. То же самое со сценарием в драматургии. Потом уже приходили регалии. Конечно, я горжусь Государственной премией. Но самая моя большая гордость и скорбь – Приднестровье, когда Челябинская область помогла прекратить там войну. Мне посчастливилось участвовать в этом. Тогда были месяцы высшего душевного взлета. Мы все ждали объединения Советского Союза, чувствовали, что работаем, как сейчас принято говорить, не «на дядю», а на государство... Горжусь своим скаутским лагерем, потому что на ровном месте была создана целая система. Многие выпускники добились хорошего социального статуса. Игорь Ретнев сейчас главный дирижер швейцарского симфонического оркестра, Андрей Лозовик – советник в конгрессе США. Мой сын Миша – советник губернатора Ленинградской области Валентины Матвиенко. Много кандидатов наук. Это дает внутреннее удовлетворение. Я горжусь победами, которые принесли пользу не только мне, но и другим.

Еще одна значимая победа – после операции на сердце я поставил задачу пройти без остановки 10 километров и через несколько лет достиг ее. Победы над собой самые ценные. Хотя со стороны они могут казаться незначительными

и даже быть незаметными для окружающих. Я люблю гулять по парку. Осенью прошлого года видел картину: идет человек, одутловатое лицо, синие губы, передвигается медленно-медленно и удилишко держит в руках. Двигается по асфальтовой аллее в сторону Шершневого водохранилища – как маленькая черепашка. Видно, что каждый шаг человеку дается с огромным трудом. Мне стало любопытно, мы разговорились. Оказалось, у него сердечная недостаточность, возраст под 80 лет. Он пошел попробовать поймать окунька или чебачка. Я был поражен, какой это жизнелюб! И глаза у него блестели, как у молодого. Говорит: «Пока жив, я должен каждый день бороться. Когда-то я в Астрахани ловил рыбу тоннами, а сегодня поставил цель дойти до водохранилища, поймать маленькую рыбку и, если даст Бог, вернуться домой». Я не знаю, смог ли он осуществить задуманное, но это же потрясающая победа над собой! А любые регалии рано или поздно обесцениваются.

– Наверняка вас неоднократно приглашали переехать в Москву, Питер, где для творческого человека больше возможностей реализовать себя. Почему остались тут?

– Я люблю Челябинск. Это моя экологическая среда. Слева – Шершневское водохранилище, справа – выхлопные трубы автомобилей, впереди – туман от выбросов. И из этого всего надо сделать нечто художественное! (Улыбается). Мне комфортно здесь. У меня есть возможность поехать в Питер и несколько месяцев там пожить. Наверное, в столице больше возможностей для успеха. Но если человека привлекает само творчество... Я жил в Москве пять лет. Это суета сует, иллюзия художественной жизни. Настоящая художественная жизнь проходит наедине с собой.

– Есть в мире уголок, где бы вы мечтали побывать?

– Очень хочется побывать в Антарктиде. Сейчас уже сердце не то – там большая кислородная недостаточность. У меня есть друг-полярник, кинодраматург Вася Герасимов. Как-то приезжаю к нему в гости, сидим. Вдруг он открывает дверь кухни, а на пороге стоит пингвин! В домашних тапочках! Он в честь меня назвал его Витей. Когда их семья садилась ужинать, ему ставили огром-

ный таз с мойвой, и Витя начинал кушать. Вася так забавно писал морские рассказы про экспедиции в Антарктиду и на Северный полюс, что мне захотелось побывать там. А тут еще моя студентка со своим отцом на экскурсионном корабле на Северный полюс съездила. Привезла несколько очень выразительных фотографий.

– Напоследок поделитесь своими планами на будущее!

– 2 января на Ильменской базе откроется горнолыжный лагерь. Мы его давно готовим по поручению администрации области. 19 января в Академии праздник – день открытия кафедры. Планов очень много. Хотим сделать хорошую фотовыставку. А еще есть мечта. Очень хочется почитать – на пару дней забыть обо всем, отключить телефон и залечь с какой-нибудь хорошей книгой. Но пока не получается.

– При таком плотном графике время на то, чтобы писать, у вас остается?

– Когда есть что сказать, бросаешь все. Я чувствую, что мне сейчас сказать нечего. Поэтому не заработала внутренняя мотивация. Это как пар в котле – когда он дойдет до критического состояния, прорвется наружу.

Светлана Григорьева,
специально для сайта ChelDiplom.ru

*Григорьева, С. Виктор Петров: «Пафос убивает все настоящее» /
Светлана Григорьева // ChelDiplom.ru. – Режим доступа:
www.cheldiplom.ru/charisma/21*

Все мы родом из «Барака»

«Надо делать такое кино, чтобы люди, которые отдали свои деньги с жиделья на фильм, не жалели об этом» – критерий Виктора Петрова, одного из самых востребованных российских кинодраматургов.

В День независимости России в Кремле вручали Государственные премии. В области кино отмечен художественный фильм «Барак», поставленный по сценарию челябинского кинодраматурга Виктора Петрова петербургским режиссером Валерием Огородниковым (тоже уральцем, родом из Нижнего

Тагила). А конкуренция была сильнейшая: в числе представленных на соискание картин значились, например, последняя лента Алексея Германа «Хрусталёв, машину!» и фильм Александра Прошкина «Русский бунт».

«Барак» уже стал, пожалуй, самым титулованным отечественным фильмом последнего времени: в числе наград «Серебряный леопард» престижного кинофестиваля в швейцарском Локарно. Гран-при Выборгского фестиваля «Окно в Россию». Первая Госпремия России в новом веке – симптоматична. Барак как способ общего бытия россиян стал метафорой российского сознания ушедшего столетия. Кстати, съемки проходили в Сатке, небольшом городке на западе Челябинской области, в декорациях реальной жизни.

Виктор Петров, автор «Барака», человек неправильный. Закончил политехнический институт, работал в проектном, но вдруг ушел в детскую фотостудию. Писал прозу, но не стремился в Союз к писателям. Уехал в Москву, поступил на Высшие курсы сценаристов и режиссеров художественного кино при Госкино СССР. Но возился и до сих пор возится с трудными подростками. Прожив почти 50 лет «в тени», вдруг стал одним из самых востребованных российских кинодраматургов. Но живет в провинции.

– Виктор Дмитриевич, не секрет, что кино сегодня – не самый популярный жанр искусства. Каково, на ваш взгляд, нынешнее состояние кинематографа?

Кинематограф в конце 80-х отвернулся от базовых интересов народа. И был за это наказан. А возвращение обратно во сто крат труднее. Как новую любовь завоевывать там, где было охлаждение. Чтобы переломить тенденцию, фильмов должно быть много. Должен быть натиск – это закон больших чисел. Одиночные успехи ничего не решают. И не в раскрутке дело: вещь это пошлая, почти всегда связанная с обманом. Искусство делается ремесленниками. Я считаю себя таковым, и очень уважаю это слово. Ремесло – подножие искусства.

Валерий Фрид, руководитель творческой мастерской, где я учился, известный на весь Союз драматург, любил простые категории. Идем как-то по Москве, он спрашивает: «Виктор Дмитриевич, ты ведь по первому образованию

строитель, скажи, сколько стоит вон та пятиэтажка?» «Ну, тысяч 600 – 700», – отвечаю. «Это стоимость фильма. Представляешь, люди по 10–15 лет стоят в очереди на жилье, и жизнь у них одна-единственная, другой не будет. А государство берет деньги и отдает на постановку твоего фильма. Значит, такой пятиэтажки не будет. Так вот, больше мне о высоком искусстве не говори. Надо делать такое кино, чтобы люди, которые отдали свои деньги с жилья на фильм, не жалели об этом». Для меня это критерий.

– Действие «Барака» разворачивается в послевоенные годы, как и в фильме Германа. Почему сталинское время вновь в центре внимания?

– С годами начинаешь понимать: истина зыбка, сиюминутна. Поэтому берешь те временные обстоятельства, взгляд на которые устоялся. По сюжету киноповести «Барака» люди оттаивают после войны. Война – колоссальная нагрузка на душу, меняется тип психики. С войны приходили и с чувством собственной вины, и с яростью – разобраться с тыловиками, и с неукротимым желанием работать. Другая грань – барак заселен людьми разных национальностей и стоит на границе Европы и Азии. Это моя давнишняя мысль, она идет красной нитью через многие вещи: наша земля – большой плавильный котел, где перемешано множество этносов, идей, культур.

А еще речь идет о целом поколении, которое ушло, так и не получив должной, что ли, ласки от страны. Наверное, в том числе по этой причине мне хотелось о поколении моих родителей сделать добросовестный фильм, который бы вызывал теплые чувства к героям. Каждому из них я будто бы даю шанс на оправдание.

– А в вас, похоже, особо теплые чувства вызывают особо трудные дети...

– Тоска по детству – сильный мотив. Сейчас процветает благотворительность, все теоретически плачут от любви к детям, громко их любят. Только дети ходят полуоборванные. Это взрослому можно за взрослые цели идти против течения. А дети – товар штучный, им психическую травму заработать – дважды два. Вот смотрит какой-нибудь сопливый тебе в глаза... Знаю заранее, что совет, какую легенду сложит, но не могу остаться равнодушным...

– Виктор Дмитриевич, а вы считаете Госпремию жизненным успехом?

– Я бы слукавил, если бы сказал, что неприятно. Приятно, но не более. Мыслишь другими категориями. А самое большое удовольствие испытываешь в момент работы. Литература приучает к самодостаточности. Вот раньше я считал, что разбираюсь в людях, это вроде как писательское качество. На самом деле писатель конструирует свой мир. Вещь удается, когда герой логично действует по своим внутренним законам. Оказывается, это не имеет отношения к действительности. В реальной жизни настает момент, когда вдруг понимаешь, что весь твой предыдущий опыт не срабатывает...

Сотрудничество кинодраматурга Петрова и режиссера Огородникова продолжается: готовится к съемкам сериал «Красное небо». А в июле на озере Тургояк, где каждое лето Виктор Дмитриевич устраивает лагерь для трудных подростков, планируется начать съемки детского сериала «Приключения Даши». Роли сыграют воспитанники Петрова, взрослые актеры – Леонид Куравлёв и Алексей Булдаков. Кроме того, Петров заканчивает работу над киноповестью «Люди сумерек», за право поставить которую уже соперничают несколько режиссеров.

Айвар Валеев,
специально для журнала «Эксперт Урал» от 25 июня 2001 г.

*Валеев, А. Все мы родом из «Барака» /
Айвар Валеев // Эксперт Урал. – № 12 (25). – 2001. –
Режим доступа: <http://www.expert.ru/printissues/ural/2001/12/12ur-barak>*

КОЛЛЕГИ О ТВОРЧЕСТВЕ ВИКТОРА ПЕТРОВА

Место силы

Рецензия на художественный фильм «Барак»

День Победы – пожалуй, единственный российский праздник минувшего века, сохранивший для нас свою сакральность, смысл запредельно высокий, доступный не логическому пониманию, а практически необъяснимому сопереживанию, общему для поколения победителей и для нас, их потомков, опять оказавшихся на роковом рубеже разрушения культурной, экономической, государственной общности. Сегодня обращение к теме войны и Победы – это обращение к источнику потаенной силы, той самой, благодаря которой мы как народ должны выстоять и на этот раз.

Фильм режиссера Валерия Огородникова по сценарию Виктора Петрова «Красное небо, черный снег» показывает войну с точки зрения послевоенного поколения, для которого в первую очередь важен вопрос: благодаря чему выстояли? Можно много говорить о патриотизме, самоотверженности, стойкости, но как они рождаются? Ведь эти чувства нельзя привить бесконечным повторением, увещанием, призывами. Они или возрастают и набирают силу, или вырождаются, слабеют и разрушаются – вместе с душой, личностью человека.

Действие фильма происходит в 1943 году, в глубоком тылу, на одном из уральских заводов. Непрерывно идет работа в горячих металлургических цехах, прибывают эшелоны эвакуированных и толпы пленных немцев. Фильм, кстати, снимали в Сатке, маленьком уральском городке – да там и мало что изменилось с тех пор: те же избы, улицы, те же цеха... Съемки многих эпизодов проходили прямо на заводе – эта достоверность требовала особого искусства режиссера и оператора, одухотворения и поэтизации тесных, темных цехов, ржавого металла, крошащихся от вечного жара кирпичных стен. Да, поэтизации – ибо на бытовом уровне переживание происходящего на экране страшно, а сопереживание невозможно, невыносимо. Только возвышенное, поэтическое восприятие способно преодолеть хаос и ужас беспощадного быта.

Думаю, выбор места съемки был важен принципиально. Есть такое понятие – место силы: в трудные времена человек стремится хоть ненадолго вернуться туда, где он был юн, счастлив или силен, словно сама земля, сами стены помогают восстановить жизненно необходимое чувство. Урал был и остается для России таким местом силы, и не случайно режиссер использовал для своей картины этот скрытый психологический ресурс. В объектив не попадает прекрасная и щедрая природа Урала, нет ничего, что бы отвлекало от режиссерского замысла: только цепь драматических эпизодов, ситуаций на пределе человеческих сил, в которых и раскрываются характеры главных героев фильма.

Кинодраматург В. Петров написал сценарий по мотивам повести Конькова «Не прячьте скрипки в футляры». В киносюжет введены новые герои, созданы характеры военрука Шатрова (Алексей Девотченко), Симы (Елена Калинина), начальника лагеря для военнопленных. Всех героев объединяет война – беда общая. Но ведут они себя в этой беде по-разному. Контуженый в Испании Шатров ведет военные занятия с молодыми парнишками, опекает их, оставшись практически за отца. В финале фильма он гибнет от ножа преступника, а они уходят на фронт ~ тоже на верную смерть. Эвакуированная из Ленинграда скрипачка в первый же день привязывает своего крохотного ребенка за ножку к столу, а сама идет на завод, потому что без работы им обоим – голодная погибель.

Но есть и другие – такие, как начальник лагеря для военнопленных (Александр Панкратов-Черный). В фильме есть рискованный эпизод, повторяющий сюжет шолоховской «Судьбы человека» с точностью до наоборот: пленный немец выпивает стакан водки «с локтя», без отрыва, и с достоинством смотрит на начальника лагеря. У героя Панкратова-Черного только один действительно верный друг, близкое существо – собака, охраняющая его и его добро. Своим соотечественникам он давно стал врагом. Начальник лагеря и его жена в исполнении Галины Бокашевской – фигуры гротескные и в то же время вполне реальные, узнаваемые. «Кому война, а кому мать родна» – говорят в народе.

Им противопоставлен образ легендарного Зальцмана (Игорь Скляр), в реальности бывшего руководителем ЧТЗ. Для него война была звездным часом

полной реализации всех духовных и физических сил. Мы видим его хватким и решительным в диалогах с начальником лагеря, стремительным и воодушевляющим в заводских цехах, въедливым и жестким в коротком разговоре с личным шофером, «схоронившимся» от войны «под крылышко» директора завода. Ключевая для понимания характера этого героя сцена – его выступление перед военнопленными после ареста начальника лагеря. Он обещает немцам питание и нормальное обращение, если они будут честно работать у него на заводе. И немцы соглашаются. Повторим: это 1943 год, не оставивший иллюзий ни у той, ни у другой стороны. Пленные идут работать на завод, почувствовав силу за Россией, за евреем Зальцманом. Так от домен и станков отправляются в действующую армию, в Уральский Добровольческий танковый корпус тысячи человек, в основном молодые люди.

Молодым далеко не все равно, как уходить на фронт – в начале фильма есть эпизод, когда они попадают на рынке в облаву, и военрук спасает их от штрафбата. Не штрафниками – защитниками уходят мальчишки в финале фильма, уже зная, что танк в бою держится не более трех часов. Им уже пришлось разгружать вагон с мертвыми ленинградцами, спасенными из блокады, но погибшими от того, что сразу набросились на еду... Страшный бабий вой стоит на площади в финальной сцене фильма – матери, жены, сестры провожают в снежную пыль уходящих навсегда. Но плачут только женщины – мужчины уходят почти весело, в той последней решимости, которая определяет все.

Едва пережив похоронку на мужа, главврач госпиталя провожает сына. Прощание скомкано – ее вызывают к умирающему. Сын уходит один. Но прежде чем уйти, и Оська, и милиционер Коля, и другие герои устраивают свое, глубоко личное, чтобы здесь после их смерти жизнь продолжалась. Коля женится, Оська просит Симу записать на него ребенка... Их не станет – родятся другие, за это и на смерть. Народ жив, пока в нем есть такие люди, пока их достаточно много, чтобы закрыть собой брешь истории. «Помирать собрался, а рожь сей» – не в этом ли залог бессмертия? И если мы хотим остаться народом, мы по-прежнему нуждаемся в высокой силе самопожертвования.

А что же слабые духом? В фильме это Голембиевский (Петр Семак), он промышляет ворованными хлебными карточками, мелким сутенерством – и в то же время как все горит у печей в рабочие смены. Герой себе на уме, с вечной ухмылочкой – но именно ему, как раз во время жестокого выбора, посылает Бог любовь к эвакуированной скрипачке. Посылает как спасение, как золотую свечку: долгими вечерами глядит Голембиевский в окно ее барака, и сигарка освещает его лицо, непривычно задумчивое, без ухмылки. Однако слабость Голембиевского, неспособность его к самопожертвованию превращается в прямое предательство и преступление – убийство военрука. Пронзительна сцена разговора его с немymi побирушками, которым он в минуты страшного смятения отдает деньги и внушает: «Бога нет», а они качают головами и наивно, невнятно, печально мычат.

В одной из финальных сцен, когда Голембиевского настигает погоня, именно она – скрипачка, а теперь заводчанка, любовь его, раскинув руки, медленно идет навстречу, пытаясь то ли заморозить, то ли обнять и спасти от себя самого, но точный выстрел часового с вышки обрывает и эту последнюю ниточку любви и жизни Голембиевского.

И – Сима, ворующая в очередях и на рынке карточки, промышляющая проституцией, к финалу фильма беременная от Голембиевского, она тоже слабая, и ее жизнь тоже озаряется любовью – к сыну главврача, Оське. Симу любовь спасает. Это ей Оська, уходя на фронт, говорит: «Запиши ребенка на мое имя». Голембиевский, узнав о ребенке, уговаривает Симу уехать, денег хватит, и неожиданно получает отказ – с ним, живым, обеспеченным, будущего для себя и ребенка Сима не видит. Будущее с Оськой, который уходит на смерть.

Фильм показывает трагедию народа не на фронте, где очевидно: вот враги, а вот наши. В нескончаемой веренице огненных смен, в коридорах госпиталей, в бараках и очередях за хлебом подвиг был менее очевиден, но не менее велик. Здесь, на Урале, линия фронта в прямом смысле проходила через человеческие души.

Но и на этом страшном краю народ побеждает – потому, что в своем подавляющем большинстве он честен, трудолюбив и достаточно силен, чтобы встать на защиту своей земли, своих детей, женщин и стариков. Слабых гораздо меньше, а мерзавцев и мироедов, ставших врагами собственному народу, единицы, и земля наша стоит не на них. Пока это так, мы есть. И с полным правом можем говорить: да, победа ковалась в уральских горячих цехах. В первую очередь победа духа, и уже потом – победа оружия.

Сюжет фильма, выразительные средства делают главную мысль художественно убедительной, но нигде не подаются ее «в лоб» и не произносятся вслух. Такой способ реализации идеи, самый верный, – через сопереживание, – к сожалению, никогда не был актуальным: советская идеология требовала четкой словесной формулировки, не принимая во внимание, насколько при этом замысел художника упрощается, огрубляется и искажается. А теперь жизненно необходимые идеи попросту игнорируются: экшен, экшен и экшен. Думать, чувствовать? – Потом, если живы останемся. Но ведь экшен не только стрелки и перестрелки. Он возможен еще и в жестком, аскетическом духовно-чувственном переживании, как это показали нам создатели фильма. Психологическая плотность эпизодов колоссальна, время на короткий выдох зрителю дается только между перипетиями, но и здесь режиссер не отпускает наше внимание: в финале каждого эпизода мы уже слышим начало следующего – диалог, реплику, шум. Этот «наезд» звука создает еще и впечатление открытости пространства, его единства – вопреки тесноте цехов, бараков, улочек, судеб. «На миру и смерть красна» – говорят у нас. В фильме все происходит открыто, и особое звучание «на миру» получает тема национальная, сегодня снова больная, но в трагических коллизиях сюжета создатели фильма находят ответ и на этот роковой вопрос.

«Пленные идут работать на завод, почувствовав силу за Россией, за евреем Зальцманом», – написала я чуть выше. Евреи, главврач госпиталя и ее сын Оська. Создатели фильма выбрали героев не случайно. Национальный вопрос – тоже вопрос силы духа. Когда народ силен, он един, когда слаб – начинает

дробиться по племенному признаку, распадаться на роды и кланы, национальные, профессиональные, сословные, а за слабостью неизбежно следует гибель. В фильме показано: Россия побеждает, потому что едина, и такие мощные личности, как Зальцман, утверждают себя в России и во славу России.

Виктор Петров, лауреат Государственной премии РФ написавший сценарий фильма, известен российскому зрителю по фильмам «Рычаги», «Человек со свалки», «Барак». Главное правило Петрова в работе над сценарием – идти к драматургии через создание характеров, и этот профессиональный прием оправдывает себя в полной мере: события на наших глазах плавают в единой беде людей совершенно разных, и сплав получается броневым. По замыслу драматурга развязка сюжета происходит за кадром, рождается та отчетливая ясность сознания, с которой провожали – и уходили на смерть во имя жизни. И чтобы ощутить ее в полной мере, нужно пройти с героями все перипетии сюжета, ни на минуту не ослабляя внимания и душевной зоркости.

Валерий Огородников, также лауреат Государственной премии РФ, известный по фильмам «Барак», «Взломщик», «Бумажные глаза Пришвина», и другим, – режиссер, идущий своим путем, вопреки моде и конъюнктуре. Взять сегодня рабочую тему, снимать фильм на Урале (а это делает съемку в два раза дороже), – уже значит бросить вызов конъюнктуре. Стойкость и высокая одержимость режиссера становятся по сути художественной величиной, потому что от них зависит в конечном итоге качество фильма, глубина реализуемой идеи. Ни в одной сцене – ни малейшей уступки обстоятельствам. Диалоги выстроены глубоко достоверно, выдержан жесткий темпоритм событий. Актерская работа лаконична и эмоционально насыщена до предела.

Максимально точен фильм в мелочах, в костюмах и интерьерах (художники-постановщики Виктор Амельченко и Андрей Васин). Оператор-постановщик Дмитрий Долинин (лауреат Государственной премии РФ, его предыдущие работы – «Республика ШкиД», «В огне брода нет», «Начало») – мастер крупных планов, которые нужны прежде всего для исследования природы чувств. Ему удалось соблюсти достоверность и в то же время опозитизировать каждый кадр фильма.

Звукорежиссура Алиакпера Гасан-Заде, музыка Бизе в обработке Владимира Шуляковского – все работает на результат. И само привлечение к съемкам жителей Сатки в общей атмосфере фильма тоже приобретает особый смысл.

Отдельно нужно сказать о цветовом решении картины: краски ее пригашены, словно выцвели, или их скрадывает, как вода, толща времени. Этот эффект вызван специальной предварительной обработкой пленки – мелочь, играющая огромную роль в общем восприятии фильма, создающая поэтическое отстранение.

«Профессионализм есть способ реализации таланта», – сказал в беседе о создании фильма В. Петров. Его четкая формула многое ставит на свои места. Непопулярная нынче тема труда, съемки в маленьком городке на заводе, вечные проблемы с финансами, спонсоры с пустопорожними обещаниями – уже и по степени «сопротивления материала» можно понять высоту замысла, его сверхзадачу. Съемки проходили под патронажем Губернатора Челябинской области Петра Сумина. И это тоже патриотическая, жизнеутверждающая позиция: Урал остается опорой державы, проявляя себя в первую очередь в духовной сфере.

Крупных художников привлекают два глобальных явления, лежащих в основе жизни: возникновение упорядоченности из хаоса – и возвращение ее обратно в хаос. Каждый художник понимает, что, выбирая предмет исследования, он одновременно и влияет на него: усиливает или ослабляет. Этот выбор является нравственным и реализуется всеми доступными художественными средствами. В свою очередь и мы, сопереживая или противопоставляя себя художнику, также совершаем нравственный выбор и реально влияем на происходящее вокруг. А коллективное переживание зрительного зала во время просмотра фильма – мощное психическое явление, изменяющее нашу жизнь в ту или иную сторону.

Вот, казалось бы, прописные истины. К сожалению, их приходится проходить снова и снова буквально с азов, хотя бы для себя, потому что место нравственных ориентиров в кино уже прочно заняли ориентиры «на Запад», на

престижные тамошние кинофестивали, или на быстрый коммерческий успех, заказную голимую идеологию и пр. Нет независимых киноведческих журналов, катастрофически снижается уровень понимания. Журналистов кулуарные реплики и сплетни привлекают больше, чем идеи и образы фильмов, требующие размышления и осознания, а массовый зритель уже давно приучен к беспроблемному ширпотребу. И так происходит буквально во всем, жизнь меняется, угрожающе быстро подводя нас в очередной раз к роковому рубежу. Сегодня глубокий нравственный выбор – это выбор единиц: в искусстве, науке, обществе. Но только этот выбор дает нам возможность – и право! – выйти на мировой уровень со своей оценкой событий, происходящих в душе человека и в мире вокруг него.

Когда вслед за отцами ушли на верную смерть подростки, когда погасли на экране последние кадры челябинской премьеры фильма, в зале долго было тихо: даже те, кто плакал навзрыд, затаили дыхание. Потом, через долгую паузу, началось обсуждение. Первым встал пожилой ветеран и возмущенно назвал этот фильм клеветой на наш народ. По его мнению, великую Победу нужно изображать красиво, как на плакатах. Другие зрители вышли говорить позже и сказали мало – они плакали.

Нина Александровна Ягодинцева,
поэт, член Союза писателей России,
кандидат культурологических наук, преподаватель
Челябинской государственной академии культуры и искусств

Без шанса на вранье

Это редко случается, чтобы фильм был одновременно признан и на уровне мирового кинематографа, и у нас в стране. Валерий Огородников (он умер полтора года назад), Виктор Петров – саткинцы. И фильм они создавали о родном городе, где и снимали.

Перед тем как встретиться с писателем-сценаристом профессором ЧГАКИ, автором многих кинематографических премий, общественным деятелем

Виктором Петровым, захотелось вновь, через десять лет после премьеры, посмотреть «Барак».

Фильм поразил меня гораздо больше, чем при первом просмотре. Такой плотный пласт жизни, такая прописанность каждого действующего лица, тугая переплетенность судеб – тщательность, которая дается не только мастерством художников, но прежде всего их честностью.

Вместе с диском «Барака» директор Кинообразовательного центра имени Леонида Оболенского Тамара Мордасова дала мне запись телевизионного монолога Леонида Ярмольника, которым где-то с год назад он предварял демонстрацию четырехсерийной телеверсии «Барака» на НТВ+. Мне представляется, что комментарии известного артиста, исполнителя одной из главных ролей и к тому же одного из продюсеров фильма, будут не лишними.

С них и начнем.

Леонид ЯРМОЛЬНИК: «Петров написал щемящую, очень точную, неприукрашенную, почти документальную историю про этот город, про этих людей, про эти события и про эту ситуацию. Там же все невероятно завязано. Сегодня уже так писать не умеют: как у Шекспира, как у Достоевского. Там нет ни одной случайности, один персонаж цепляет другого, между ними есть жизнь, есть человеческие взаимоотношения».

– Действие фильма происходит в 1953 году. Вы, Виктор Дмитриевич, если судить по приближающемуся шестидесятилетию, вряд ли могли что-то понять, запомнить...

– Атмосфера в те годы, хоть в пятьдесят третьем, хоть пять, десять лет спустя, менялась мало. Менталитет оставался тот же. Что, например, питало преступность? Социальные причины: выпущенные из зон люди, которым негде жить, нет семьи, нет досуга, лишенцы, фронтовики, многие из которых вернулись в никуда... В пятьдесят третьем это было или в пятьдесят девятом – не суть важно, потому что определял образ жизни барак.

В бараке уникальное коллективное сообщество. Нечего было делить. Это автономный корабль, в котором, защищаясь от государства, люди помогали друг другу.

Прежде всего, мной двигало щемящее чувство вины перед родителями: прожили всю жизнь и ничего хорошего не видели. Пятьдесят восьмая статья (и там были), землянка, в которой прожили три года, барак – и все, жизнь прошла...

Я очень рано, где-то в середине восьмидесятых, поучившись на киношника (Высшие курсы сценаристов и режиссеров художественного кино при Госкино СССР, мастерские Валентина Дьяченко, Андрея Тарковского, Элеоноры Барабаш, Валерия Фрида), почувствовал нехорошие национальные сквозняки, когда говорят: «Абхазия только для абхазов», «Литва только для литовцев» и прочее.

Здесь, на Урале, мы с этим не сталкивались, да и в голову не приходило. Я стал задумываться об этом, и уже какой-то инстинкт начал подсказывать, что грядущий разлом страны будет вовсе не из-за экономики, а из-за роста национализма.

И в романе «Барак» захотелось показать модель дружного сообщества. В фильме это не проакцентировалось, но живут в экранном бараке, как и в том, в котором вырос я, люди самых разных национальностей.

Я хотел показать, как на границе Азии и Европы жили люди. И они любили друг друга, по-настоящему чувствовали себя родственно. Как писал Эрих Фром, у любви есть конкретные показатели, например чувство заботы друг о друге. И оно – было.

Как решались национальные проблемы, например, моим папой. Помню, идет он чуть навеселе, поддатый. А мы, мальчишки, лет по семи, выясняем свои отношения. На кого-то кричат: «Ты – немец». – «А ты – еврей». – «А ты – татарин»... Отец услышал: «Так, ко мне. В шеренгу становись! Штаны сняли! Посмотрели вниз, теперь голову налево, направо. У всех одинаково? Одинаково. А что делите? По одному ко мне. Петров первый». И – как следует, врезал своим

офицерским ремнем по голой заднице каждому. Отцу было лет тридцать, но опыт имелся: блокадник, воевал, побывал в лагере.

То же самое я пытался провести в фильме «Красное небо»: люди разных национальностей войну выиграли!

Национальный вопрос остается одним из самых главных. Я патриот, я хочу как можно больше территории для России, но я четко знаю: как только будет национализм, мы будем терять территории.

А вообще-то у меня был замысел создать что-то вроде истории Сатки двадцатого века: «Человек со свалки», «Барак», и о начале века замысел есть. Но вряд ли уже успею написать, вряд ли кто-то захочет снять. Условия создания фильма изменились...

Леонид ЯРМОЛЬНИК: «Валерий Огородников был ужасно тщательным, настоящим режиссером. Точное слово – старомодным в самом хорошем смысле. Мне было легко играть в этом фильме. Я ничего не изобретал. Спасибо Огородникову. И, опять же, Петрову. Он так написал, что другому не сыграешь, там почти не было шансов соврать. В кино или в литературе запах вранья или надуманности нас часто разочаровывает и предают. А в этой картине очень легко было быть правдивым».

– Когда я смотрела фильм второй раз, уже перед нашей беседой, нашла в нем много общего со стилистикой Юрия Германа: та же густонаселенность при подробной выписанности каждого персонажа, тесная переплетенность судеб, ни одна линия не случайна, все вместе они составляют плотно написанное полотно. Полифония звуков. И создается поле...

Я вспомнила «Мой друг Иван Латшин»...

– Конечно, мы, так или иначе связанные с «Ленфильмом», испытывали и испытываем на себе влияние Германа. Но – не сотвори себе кумира.

Создание именно такого плотно заселенного фильма, как «Барак», – сознательный ход, мы понимали, что он очень трудоемкий. Что такое вести огромное количество людей? Это значит каждому дать драматургическую задачу, характер действия, чтобы они все были связаны. То же самое у меня в «Человеке

со свалки». Поэтому я и пишу один сценарий годами. По сути это кинороман. Поскольку я человек социальный, меня интересует социальный срез общества, а потому должно быть много героев.

Я далеко не сразу понял, что кино – это и умение работать в жестко предлагаемых обстоятельствах, накладываемых продюсером или государством. Я в свое время не понял слов Френсиса Коппола (он читал лекции у нас на Высших кинематографических курсах): «У вас, ребята, для кино свободная страна». Мы захохотали: это был 85-й год, какая уж там свобода? А он в ответ: «Вы не представляете, в каких жесточайших условиях, ставимых продюсерами, работают кинематографисты в Штатах. Вот у вас за год состоялось тридцать шесть режиссерских дебютов. В США если два-три – уже хорошо. И это при огромном количестве снимаемых фильмов! Так жестки продюсеры, не желающие рисковать».

Некоторые вальяжные москвичи опаздывали на его лекции. Коппола говорил им: «Вы после такого уже не работали бы в Голливуде». Они с усмешкой: «А мы и не будем!»

И вот начало перестройки. Все там чувствовали себя гениям! Меня спасало то, что я из провинции, гением себя не чувствовал. Кто-то оказался готов к тому, чтобы вписаться в мировой кинематограф. Главное – не поддаваться обстоятельствам, не уступать нашему вечному бардаку. Хотя в том же «Бараке» приходилось чем-то поступаться, и ребенок получился генетически не совсем тот, что задумывался. Например, финал планировался светлым, весенним, а снимался осенью под проливным дождем.

Леонид ЯРМОЛЬНИК: «Что касается прокатной судьбы, то есть количества людей, что посмотрели «Барака», думаю, оно очень незначительно. Мы испорчены сегодняшним телевидением, количеством информации, которое обрушивается на наши головы. А эта картина – как предложение поговорить по душам. Не суетливая, она снята классическим языком, который сегодня не очень моден с точки зрения захвата зрительского внимания. Я не могу выразить зрителям претензии, что они не отличают плохое

кино от хорошего, заставить их больше уважать себя. Но фильмы, подобные «Барак», смотрят люди, которые уважают себя».

– Сколько всего у вас фильмов?

– Четыре. Первый – «Рычаги», второй – «Человек со свалки», он четырехсерийный, потом «Барак» с четырехсерийным телевариантом и «Красное небо», его телевариант так и не доделали: Валерий Огородников умер.

Я работаю медленно. Мне надо знать все досконально о моих героях. Как живут, что ими движет. Если в «Человеке со свалки» речь идет об очистных сооружениях, мне мало того, что у меня инженерное образование, и я в свое время проектировал очистные сооружения на УралАЗе. Я консультировался с рабочими, инженерами, партийными и советскими работниками... У каждого свой взгляд на конфликт, своя правда. Я не хочу позволять себе неправды даже в мелочах. Например, в «Человеке со свалки» у героини прободение язвы. Я поехал к однокласснику хирургу Саше Панову: «Прочти. Это правда?» Он: «Наврал». А эпизод был уже снят. Саша: «Она у вас сидит прямо. Так нельзя». Я добился, чтобы сцену пересняли.

В этом фильме я раз пять добивался пересъемок, сорвал все сроки. Со мной ни одно творческое объединение иметь дело не хотело...

Сейчас работаю над заказом Патриархии – пишу сценарий о митрополите Илии. Это православный араб, который в Ливане в сорок первом году предсказал победу Советскому Союзу, если будет выполнено то, что сказала ему Богоматерь, было видение.

А дальше он сделал поразительную вещь: в Ливане объединил мулл, евреев-ортодоксов... Всего двадцать шесть конфессий, не говоря уж о десятках национальностей. Собрал экспедицию, которая через Турцию добиралась до границы Армении и сумела передать эту весть.

Когда Илия умер в 1963 году, его хоронили послы сорока трех стран, наградивших митрополита своими орденами за его миротворческую деятельность. Он был самым популярным человеком Ближнего Востока.

Естественно, я копаюсь в этом материале уже который год. Если действуют армяне, я должен знать быт. Если едет молодой ортодокс, доброволец, его послала община Палестины, я должен знать, как он в экспедиции решал проблемы с субботой. По складу характера я не могу двигаться вперед, если не побываю там, где происходит действие будущего фильма, не буду сам чувствовать, что я не вру.

Поэтому в этом смысле я драматург не плодовитый и не совсем удачный, потому что мне не хватает виртуозности и игры. Оно и в жизни мне вредило: там, где нужно бы на что-то закрыть глаза, потому что жизнь гибче и сложнее моих представлений о справедливости, я начинал куда-то влезать, что-то выискивать... И становился скучен самому себе.

Несколько раз я пытался писать только ради денег. Ни один из этих сценариев не был поставлен, хотя их принимали студии, какие-то деньги платили. Но, как рок какой-то, ни один не поставлен!

Леонид ЯРМОЛЬНИК: «Я думаю, это одна из лучших картин в моей творческой судьбе. Я не знаю, что будет дальше, но она самая серьезная, самая значительная, самая настоящая. Бывают фильмы как карандашные эскизики, небрежные быстрые акварельные наброски, а это кино – масляная картина того времени. Она не претендует на то, чтобы визуально или шумово вас поразить. Эту картину надо уметь смотреть, ее надо смотреть внимательно. Тогда ты поймешь биение человеческого сердца, смысл жизни и страстей. Мы всегда друг друга спасаем. Врач – на операционном столе или выписывая лекарства, поэт спасает нас стихами, мы – кино, мы хотим друг друга сделать лучше. И в зависимости от того, насколько человек профессионален и талантлив, он с большей точностью добивается своей цели. Поэтому кино, подобное «Бараку», оно во спасение, оно для того, чтобы сохранить душу и сердце. Чего сегодня явно не хватает».

Похоже, мы не очень-то хотим спастись. Наша область не избалована вниманием кинематографа. Кроме четырех фильмов, снятых по сценариям Виктора Петрова, у которых столько отечественных и международных

призов, что перечислять замаеться, есть ряд очень сильных фильмов, где снимались наши народные артисты России Леонард Варфоломеев («Воздухоплаватель» и др.), Юрий Цапник («Бумажные глаза Пришивина», «Взломщик» – премия кинопрессы и критики Венецианского фестиваля и др.). А «Журналист» Сергея Герасимова, снимавшийся в Миассе?

У нас есть ряд местных телеканалов. Ну почему бы не показать эти фильмы? Они же просто несравнимы с теми стрелялками-догонялками, слезливыми мелодрамными сериалами, которыми заполнено почти все экранное время.

Ирина Моргулес,
заместитель главного редактора
газеты «Южноуральская панорама»,
член жюри городского фестиваля «Город в кадре»

Моргулес, И. Без шанса на вранье / Ирина Моргулес // Южноуральская панорама. – 2009. – 22 окт. – С. 10.

Рисунок дыхания
*(о киносценарии «А тебе повезет завтра...»
и творчестве его автора, В. Д. Петрова)*

...Еще несколько минут назад перед тобой лежала всего лишь стопка распечатанных страниц. И вот уже открылись чужие жизни, характеры, судьбы. Настоящий сценарий, «накрывающий» тебя, завораживающий своей многомерностью. Истории жителей России, да и сама История: новейшая и уходящая десятилетиями в прошлое. Художественная вселенная, которую мы именуем «кинодраматургией Петрова».

Виктор Дмитриевич – прежде всего мастер реалистического повествования. Его взгляд на последние полвека нашей страны крайне далек от идеализации. Подтверждение тому – фильмы по его сценариям, такие как «Человек со свалки», «Барак», «Красное небо, черный снег». В последнем рассказывается о событиях времен Великой Отечественной. Причем действие, как это часто мы видим в сценариях автора, развернуто «далеко от Москвы», в глубоком тылу, где пересекаются судьбы совершенно несхожих людей. Эту же тему (назовем ее

«социально-исторической») продолжает картина «Барак». В ней представлена своеобразная метафора советского общества первых послевоенных лет – в виде огромной многонациональной «коммуналки» – барачных обитателей уральского городка («Барак»). Взгляд на данную эпоху дополняет еще один сценарий: «Миссионер», своеобразно раскрывающий тему Второй мировой войны через драматические взаимоотношения американских и русских союзников.

Наиболее эпической экранизацией В. Петрова по сей день является «Человек со свалки» – многосерийный телевизионный фильм о судьбе советского выходца из пригородных низов. Центральный герой постепенно взбирается по общественной лестнице на протяжении 1960–1970-х годов, делает головокружительную карьеру «демократического лидера» в угарную пору перестройки – и теряет всё в одночасье, скатываясь на край смердящей социальной помойки. Данная тема – «неприкаянность индивида в обществе победившего социализма» – тревожила многих кинематографистов задолго до того, как начались кардинальные внутривластные изменения 80-х. И раскрывалась эта тема в таких несхожих лентах, как «Романс о влюбленных» А. Кончаловского, «Прощание» Э. Климова, «Ошибки юности» Б. Фрумина. Но если в перечисленных картинах всё же присутствовали хотя бы элементы «социального оптимизма», то в «Человеке со свалки» полностью воплотился образ героя «проклятого и забытого», изначально отмеченного своим происхождением и роковым образом идущего через мнимый жизненный успех к сокрушительному краху.

Умение находить «вечные сюжеты» в повседневности, а остроту конфликтов – на заурядном житейском материале – то, что сближает В. Д. Петрова с такими выдающимися отечественными сценаристами, как Анатолий Гребнев, Наталия Рязанцева, Юрий Клепиков. При всей лаконичности, местами даже скуповатости, киноязык Виктора Петрова очень выразителен, щедр на выявление образных деталей, важных «мелочей». Может быть, поэтому автору порой достаточно одной фразы в тех описаниях, которым, казалось бы, можно посвятить целый абзац. В нужный момент взгляд сценариста обретает объемность, напоминающую о «сферической перспективе» Петрова-Водкина: «...С высоты

птичьего полета машина казалась упрямой черепашкой, ползущей по изумрудным склонам холмов» – это говорится о машине, мчашей по загородной дороге, и только с огромного расстояния до земли автомобиль, действительно, представляется медлительным существом (сценарий «А тебе повезет завтра...»). Центральная фигура «Миссионера» – Эдвард Стрит – молодой католический священник из США. Во времена Второй мировой войны он наивно пытается совместить союзническую и христианскую миссию в заснеженной России. Героя напутствует наставник; эта сцена отсылает нас к эпизоду из хрестоматийного фильма Гриффита «Сломанные побеги» (история китайского проповедника, вознамерившегося нести «благую весть» буддизма в страну тотального «Дикого Запада», Америку). Вот как завершается эпизод прощания с наставником в сценарии «Миссионер»: «...Недвижимо сидевший на стуле Эдвард уменьшался и уменьшался в размерах, пока не превратился в шахматную фигурку на разлинованном паркете громадного зала. С темной клетки ему грозил уничтожением, согласно ходу коня, игрушечный рыцарь с мечом в руке». Этот кадр, казалось бы, придуманный лишь для кинематографического эффекта, на самом деле – одно из визуальных пророчеств судьбы Эдварда Стрита.

И все же традиционный герой кинопрозы Виктора Петрова – обычный российский житель. Социальный тип, который американцы когда-то обозначали как «человек в сером фланелевом костюме» (с той лишь поправкой, что «наши люди» одеваются проще, нередко предпочитая костюму свитер и т. п.). Такого персонажа нетрудно понять, простить его слабости, потому что читатель без труда увидит в этих слабостях «себя самого в предполагаемых обстоятельствах». Эти герои просты – но без простоватости, даже в эпизодических персонажах автор рельефно угадывает их личностные качества, превращающие статиста в живого человека. Ключевые же сцены действия филигранно открывают не только основные мотивации, но и едва уловимые оттенки зарождающихся или уходящих чувств.

После целой галереи реалистических характеров из недавнего прошлого и дня нынешнего, в творчестве Виктора Петрова появляется новый, на мой взгляд, персонаж. Точнее, новый характер. Благородный «бизнесмен из народа», Игорь Рокотов, протагонист сценария «А тебе повезет завтра...» Эта история погружает нас в мир российской глубинки – если под «глубинкой» понимать город, в котором «нет тяжелой индустрии, зато много институтов и много симпатичных студенток, порхающих, как стаи ярких бабочек, с набережной реки – в парки, из парков – в кафе, бары, кинотеатры...» Именно здесь, в кафе у реки, мы встречаемся с главным героем. И происходит это, как принято в драматургии, накануне важных изменений в жизни персонажа. Рокотов, владелец мощного предприятия, скромно именуемого «Хлеб», известная личность в городе. Известная в том числе через благотворительную деятельность. Следствием одного из подобных «благотельств» (оплаты главного приза на местном конкурсе красоты) становится знакомство Игоря с Ларисой, одной из претенденток на корону «королевы». И хотя корона Ларисе не достается (происки циничной соперницы), Игорь понимает, что его «королева», кажется, найдена. От простой взаимовыгодной «связи» отношения Игоря и Ларисы стремительно выходят на гораздо более серьезный уровень. Но если «хлебный король», человек зрелый, готов всерьез направить жизнь на создание семьи, то его «королеве» предстоит гораздо более длительная и драматичная эволюция «взросления». И тут не обойтись без обязательного молодого конкурента – порочного, но обаятельного представителя «местной богемы». Конечно, героиня прозреет, и будет страдать. И на этом фоне зритель с удовольствием будет наблюдать за тайным покровительством Игоря в отношении к потерянной, казалось бы, для него женщине («тот, кто меня бережет»). Но будет ли готова Лариса к семейной жизни так же, как Игорь – остается вопросом даже в финале.

Основная проблема, которую рассматривает Виктор Петров, на первый взгляд не так заметна. Вопрос не в банальном «выйдет ли в конце она за него замуж», а в том, способна ли Лариса (а если посмотреть шире – современная девушка из «малообеспеченных слоев населения») к настоящей, выстраданной

любви? Ведь уровень жизни последних двух десятилетий неимоверно обрушился. И вместо того, чтобы «как-то жить» (в советские времена) большинству приходится элементарно «как-то выживать» в наши дни. Перед российской женщиной, природной хранительницей очага, усиливаются искушения потребительского, гедонистического подхода к жизни. Проблема, по замечанию самого сценариста, получившая гигантские, если не катастрофические масштабы в нашей стране.

В Игоре Рокотове найден важный для современного отечественного кино образ героя, содержащего признаки «нового отцовства» (ответственность за себя, и, особенно, за других). Черты, по которым страшно истосковалось зрительское подсознание. Неслучайно «отца» видит в Игоре не только главная героиня, Лариса, но и, казалось бы, случайный, эпизодический персонаж: парень, «катающийся» по городу Рокотова («Мне бы отца, крутого, как ты. Да от любого отца не отказался бы...»).

«Коллективное родительство» под которым тридцать-сорок лет назад понималась опека государства, было дискредитировано. Новоявленные же модели «взрослого беспризорничества», предлагаемые героями от криминала или героинями от продажной любви, заменить этот «родительский» миф не просто не способны, а наоборот, продолжают его распатывать («как со мной, так и я»). То, что в сценарии переплетаются традиционно мелодраматические американские мифы и далекий от сентиментальности материал российских 90-х, не вызывает отторжения. Несмотря на жанр социальной мелодрамы (а может, и благодаря ему), в такого персонажа, как Игорь Рокотов, веришь. Так же, как американцы времен «великой депрессии» верили в персонажей, «бросающих вызов общественному несовершенству». Как советские зрители 50-х верили в Павла Губанова, идеального партийца из фильма «Коммунист», или в интеллигентного пролетария Гошу («Москва слезам не верит»). Верили и восхищались. И вот теперь – «идеальный капиталист»... Конечно же, новизна этого персонажа не в том, что постсоветское кино до сих пор лишено подобных фигур. Наоборот, настоящим поветрием стало наделение экранных бизнесменов чертами

великодушия, щедрости, «собственного кодекса чести». Речь, скорее, о том, что в сценарии В. Петрова подобный герой появляется перед зрителем в момент обострения внутреннего конфликта (хотя и подобные ситуации нам знакомы: вспомним «шуточную» песню Тимура Шаова об олигархе, конвульсивно решившем покинуть опустылевшую столицу и едущем в метро куда глаза глядят; его порыва, к удовлетворению телохранителей, хватает лишь на несколько станций). Рокотов и мысли не допускает о том, чтобы расстаться с бизнесом, вращаемым полтора десятилетия. Но подкатывают воспоминания о том, каких человеческих (вернее сказать – бесчеловечных) усилий стоило его «дело», именуемое теперь коротко и банально – «Хлеб». Потребность во внутренней реабилитации у Рокотова выражается не по примеру купцов Островского, вкладывавших средства в строительство храмов. Рокотов тоскует по настоящему делу, причем интуитивно чувствует, что это дело как-то связано с его родословной. И не случайно, а закономерно, что наш герой – воспитанник детского дома. Чудесное выяснение этой родословной – Рокотов продолжатель крепкого предпринимательского рода и наследник старинного дома в этом городе – одна из закономерных составляющих социальной мелодрамы. Формируется образ сильного мужчины, интуитивно ищущего «дорогу отцовства»: через преодоление собственной вины за времена «волчьего капитализма 90-х», через поиск «корней», к обретению гармонии благодаря «возвращенной памяти» и решению внести серьезный материальный вклад в оздоровление социального климата своего города.

Окончательное же равновесие Рокотов способен обрести через любовь. Читатель-зритель едва верит в возможность этого ускользнувшего «счастья в личной жизни». Но все же, как важен этот финальный звук раскрываемого зонтика над головой промокнушей и несчастной Ларисы – образ голливудовской сказки, о которой наши зрители (особенно зрительницы!) уже не смеют и мечтать... Рокотов чем-то напоминает «великодушных отцов» мирового кино, образы которых в разные эпохи воплотили Джон Уэйн и Борис Андреев, Роберт Митчум и Николай Крючков, Аль Пачино и Александр Михайлов... Кто может высту-

пить в роли Игоря Рокотова? Я почему-то сразу представил еще одного Игоря: Бочкина... Или Романа Мадянова? А возможно, мы познакомимся с «новым» замечательным актером средних лет. Шанс, полученный в свое время Михаилом Глузским, Петром Вельяминовым, Леонидом Броневым. Оставим фантазии. Время покажет.

Почему у сценария такое странное, казалось бы, название? Ей, Ларисе, да и ему, Игорю, повезло сегодня. А нам, зрителям, повезет завтра... Тем из нас, кому очень этого хочется.

Евгений Дмитриевич Еременко,
кандидат культурологических наук, доцент,
преподаватель кафедры искусствознания СПбГУКиТ
(г. Санкт-Петербург)

ТВОРЧЕСТВО В. Д. ПЕТРОВА: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ

«Человек со свалки» – киноман эпохи крушения надежд

Исторический фон фильма – время разочарований в социалистических идеалах. В стране разруха, по целому году не платятся заработные платы, это время бесконечных очередей... У населения возникает впечатление искусственного создания трудностей по чьей-то воле, чтобы вызвать волнение народных масс. Партия старается контролировать ситуацию, но ее попытки бессильны. Народ не знает, кому верить. Никто не ждал этого капитализма, его преоднесла власть для народа. Это время краха духовности.

Время ожесточило людей и сделало их беспощадными, не оставляя пространства для человеческих отношений и любви. Пытаясь выжить в этом жестоком мире, люди всюду и во всем ищут выгоду.

Детство главного героя киномана Геры прошло в бедном квартале под названием «Шанхай». Единственным развлечением тамошних мальчишек было лазанье по помойке, находившейся неподалеку. А чем еще могли занять себя дети? Родившиеся «на помойке», проводящие там свободное время, они автоматически выкинуты из общества. И никакие победы и открытия в будущей судьбе не способны залечить рану детских унижений.

Если рассматривать семью Геры, то зритель невольно заметит, что в его семье нет той теплоты, тех теплых взаимоотношений, которые так необходимы каждому, он обделен родительской любовью и лаской с детства.

Привыкший вечно сдерживать свои эмоции, Герасим умен, но в нем нет, ни капельки душевной теплоты, которой он недополучил в детстве, поэтому в нем растет эгоизм. «Эго» Герасима проявляется во многих эпизодах фильма (он выпивает молоко, предназначенное для маленького племянника; он перебирается жить в дом к матери и сестре, отлично зная, что станет обузой для семьи, не имея на данный момент никакой работы). Быть может, именно из-за этого распадается его семья: от него уходит жена и сын. В этой ситуации Герасим жалеет только самого себя, не пытаясь идти на контакт, на какое-либо переми-

рие с женой, замыкаясь на своих личных переживаниях по этому поводу. Он редко встречается с сыном, тем самым лишая его отцовской любви и внимания.

Единственным светлым лучиком в жизни Герасима с самого детства является девочка Лена. Образ Лены в фильме – это символ любви, света, тепла, и домашнего очага. Она полная противоположность Геры. В ее семье идеальные отношения: любящие родители, материально обеспеченные, готовые пойти на многое, ради счастья собственной дочери. Огромную роль во взаимоотношении детей играет социальное неравенство, которое является преградой для их дружбы и общения. Отсюда желание Геры вырваться со свалки: он пытается самоутвердиться в спорте, желая показать, что «человек со свалки» может быть достойным человеком. Он усердно работает на заводе, становится передовиком и даже лицом всего предприятия.

Жизнь улыбнулась Герасиму, он вновь встретил Лену, но его эгоизм не приводит к полному счастью. Желание самоутвердиться приводит его в ряды неформальной организации, в результате деятельности которой все его достижения кончаются печально. Совершение неблагоприятного поступка (сцена в подвале с девушкой Женей), приводят его и тюрьму, разрушая все его надежды. Он вновь теряет семью и всё в его судьбе приходит к полному краху.

Одним из самых важных жизненных потребностей человека является дружба. Человек по своей натуре биосоциальное существо и выжить одному в каменных джунглях ему совсем не просто. На мой взгляд, введение в сценарий персонажей Константина и Тимофея, друзей Герасима, является очень важным драматургическим приемом. Через образ Кости, зритель глубже распознает характер главного героя Герасима. Этого героя мы встречаем во второй серии киноромана. Конфликт между Герасимом и Костей не делает их врагами. Переживание за товарища, помощь в любой сложной ситуации – это бесспорно положительные качества, которых не лишен Костя, и они во многом помогают ему в отношениях с Герасимом. Именно Константин помогает Герасиму выйти из-под следствия и приезжает к нему домой в финале фильма. Одним из интереснейших героев киноромана является Тимофей. Это трагикомический

персонаж истории. «Маленький человек», пытающийся любыми средствами выбраться из нищеты. Несмотря на свои трудности, он помогает Герасиму с жильем, помогает ему в поисках работы. В финале фильма Тимофей, обеспеченный бизнесмен, который при помощи своей фантазии добился многого, а Герасим морально находится на самом дне.

В фильме содержится много символов: баня, которая строится из шпал на протяжении многих лет, этакий символ жизненного тупика. Собака, которую Герасим нечаянно покупает у Лены. Собака – это символ дружбы, но в данном контексте – это образ новой жизни, любви и доброты.

Еще один символ – это гроб, в который ложится Герасим в финале фильма. Безобидная шутка превращается в жизненную правду. Образ могилы – это, то дно, на которое опустился Герасим.

Основными средствами выразительности драматургии фильма являются перипетии, использованные автором. Они делают сюжет гораздо интереснее, создавая некий баланс между счастьем и несчастьями главного героя.

И невольно возникает вопрос: как быть обычному человеку, которому трудно объявить протест обществу. Здесь все зависит от жизненной позиции самого индивида. Главное опасение, которое звучит с экрана: «Страна не должна превратиться в свалку человеческих судеб»!

Ю. С. Горбунова, студентка кафедры РКТ

Горбунова, Ю. С. «Человек со свалки» – киноroman эпохи крушения надежд / Ю. С. Горбунова // Студенческая наука: поиски и открытия: материалы межвуз. студенч. конф. / ЧГАКИ. – 2008. – С. 235–237.

Особенности кинодраматургии Виктора Петрова на примере киноповести «Красное небо»

В творчестве Виктора Петрова присутствует единый стиль, не похожий на других авторов.

Событийный ряд киноповести «Красное небо» наполнен необычайной динамикой, которая не дает читателю отвлечься от сюжета, так как драматургическое действие является основой движения. Герои в киноповести никогда не пускаются в долгие думы или рассуждения, они всегда действуют. В киноповести «Красное небо» любое описание одежды или погоды дано очень коротко и ясно. Главным персонажем повести является не отдельный человек, а история нескольких людей.

Исторический фон «Красного неба» – Вторая мировая война. Место действия – Южный Урал. В этом месте не было грандиозных стычек с врагом, но от работы Уральских заводов зависел весь фронт. На этих заводах трудились жены, дочери и матери тех, кто сражался на фронте. Там работали мальчишки и девчонки, оставшиеся сиротами и старики. Все они должны были работать, ради общей победы. Миллионы разрушенных судеб, многочисленное количество павших людей, которым сложно было остаться человеком в этой безбожной для всех трагедии.

Кровь и смерть стали обычным «природным» явлением, к которым вынуждены были привыкнуть все. Кто не смог, тот стал частью красного неба – символа души, утонувшей в крови.

Время разговаривает с нами через каждый персонаж киноповести. Благодаря этому мы можем воссоздать абсолютно четкую картину того времени. И при этом, не отдаляясь от героев мыслями и чувствами, потому что, несмотря на временной разрыв, каждый герой является близким нам и сейчас.

Сопереживание человеческому горю, беде по-прежнему в цене у людей. Этой тональностью пронизаны многие эпизоды повести.

«У паровоза, сидя на нижней ступеньке, торопливо ел машинист. Его чумазый шестилетний сын по-хозяйски отбирал ветошью поручни и косился на мальчишек, подбирающих у путей осколки угля.

– Дядь, ну сыпни уголька.

– Мужик, в натуре, мать при заводе, батяня клокву из Гитлера давит... Пропадаем мы без угля.

– Ни поесть толком, ни умыться!!! – вскрикнул сын машиниста, – хватит душу рвать!

Отец заткнул ему рот картофелиной».

У каждого героя свой характер, с определенной задачей действий: детдомовец колокольчик, милиционер Коля, скрипачка Лида – неординарные личности. Герои приближены к народу, просты и незатейливы. Они доступны пониманию каждого: это ребята-босьяки, заводские рабочие, воры в законе, служители правопорядка, матери-одиночки. Отсюда и близость к читателю. В этих простых людях сосредоточено столько эмоций, столько исторической памяти, которая необходима нам сегодня.

Киноповесть по своей сути состоит из многочисленных диалогов, которые преподнесены нам через сверхнапряжение: каждый герой говорит все четко и только по делу, несмотря на то что они находятся под страхом и боятся сказать лишнее. Все они существуют на тонкой границе между жизнью и смертью. Потеряешь равновесие и неизвестно куда именно попадешь:

«– Серега, а верно, что вашей бригаде прислали с фронта рекламу на два танка: пушки разлетелись от первого выстрела?

Повисла мертвая тишина. Шипела игла патефона.

– Серега, вмазать ему? – с лентой замахнулся Колокольчик на Оську.

Тот рывком нахлобучил ему кепку до самых губ.

– Отбой!! Ося пошутил».

Герои Виктора Петрова все как один, мечтают о Любви. И если герой добр и человечен, любовь будет для него наградой. Может и не как идеал и безграничное счастье, но как спасение... Любовь – нравственный остров, если

человек не может до него доплыть, то и другие благородные понятия ему вряд ли доступны. Этот герой пуст. Мы все пусты, если в нас нет любви.

Все что написано, взято из жизни. Автор хочет сказать: «Смотрите, вот как было! И запоминайте!» Однако Виктор Петров оставляет надежду на счастье: красное небо войны должно уступить место голубому небосводу. Отрицательный герой будет наказан, а тот, кто не потерял себя и не сдался, будет вознагражден.

Это произведение говорит нам о простой истине: выбирайте жизнь, друга. Всего 100 страниц, просто киноповесть, просто сценарий. И несметное количество простых истин.

А. Д. Агафонова, студентка кафедры РКТ

Агафонова, А. Д. Особенности кинодраматургии Виктора Петрова на примере киноповести «Красное небо» / А. Д. Агафонова // Студенческая наука: поиски и открытия: материалы межвуз. студенч. конф. / ЧГАКИ. – 2008. – С. 233–234.

Смысловая композиция персонажей в фильме «Барак»

В фильме «Барак» показано послевоенное время и люди, живущие в этом времени под одной крышей, объединяющие свои усилия, чтобы победить ужас воспоминаний о войне. Они успели научиться терпеть и скрывать боль, но они разучились по-настоящему чувствовать, любить, радоваться жизни. Сам барак - это маленький мир, в котором живут совершенно разные люди, каждый из которых играет свою небольшую, но важную роль, как в развитии сюжета, так и в осуществлении общей идеи фильма. В этом мире свои законы и свои правила. Место каждого героя определено для нас четко: заступник жителей барака Алексей Болотин, за которого каждый сам встанет горой – пример тому эпизод, когда все в едином порыве кинулись искать его пистолет. Фогельман – летописец барака, он является той изюминкой в сюжете, которая не дает нам заскучать и как будто добавляет картине каплю яркой краски, к тому же, там, где есть служители закона, должны быть и свои жулики. Фридрих – олицетворение

чужеродного, напоминание о войне, поэтому барак не может его ни отвергнуть, ни принять: некое проявление внешнего мира, такого пугающего для людей, которые совсем недавно видели там ужасы. Фаина важна нам как символ примирения и объединения народов: война закончилась. Немой Карим – олицетворение беспомощности, его жена Полина, имеющая пристрастие к алкоголю появляется в сюжете как знак порока, который побежден общим духом жителей барака, двигателем которого является Ольга Воронцова, не способная помочь себе, но пытающаяся помочь другим. Клава – третий элемент, который образует любовный треугольник, Герка – отвергнутый жителями барака предатель, является той деталью, которая создает накал чувств в финальном эпизоде.

Разнообразие характеров героев играет на главную идею фильма, но каждый из них носит свою маску. Ольга, которой не хочется, а скорее даже приходится быть жесткой и холодной: в это верится, потому что она занимает невысокий, но пост. Однако мы видим ее внутреннюю светлость и доброту в сценах, где она играет с детьми. Болотин – офицер с добрым лицом и сильным нравом, который позволяет ему стойко двигаться к своей цели. Профессия требует от него мгновенного переключения, и мы видим: как он бросает танцы и помогает девушке, у которой украли сумку. Фогельман – хитрец со своим особым внутренним миром, этакий подлец, притворяющийся интеллигентом. Фридрих, сохраняющий всегда бесстрастное лицо, внешне не реагирующий на острые провокации Герки, дома вечерами учит названия русских рек, одевается в национальную одежду, поет русские песни. В каждом герое есть своя небольшая особенность, и этот пучок индивидуальностей становится единым целым в сюжете.

Посмотрев фильм, можно убедиться, что все детали работают на его атмосферу – все они вместе составляют особую правду, которая и создает ощущение некоего отдельного мира. Спонтанное слово или треснувшее зеркало на заднем плане – кажется, что это невозможно просчитать: все происходящее органично и непредсказуемо, как сама жизнь. Картина включает в себя несколько цепких мотивов – личных историй каждого героя.

Проводником сюжета является Жора Фогельман, фотографирующий яркие моменты из жизни барака, чтобы оставить их для истории. Неподвижные черно-белые кадры, время от времени возникающие в фильме, помогают нам проникнуть в атмосферу послевоенного времени. «Барак» воспринимается не как обычный фильм, а как рассказ человека, который там был, и он помогает нам поверить в происходящее еще больше. Фильм выполнен в приглушенной цветовой гамме. Фотографии Фогельмана, лишённые цвета, вызывают у нас совершенно особые чувства: ощущение, что мы там были и возможность раскрасить эту картинку в нашем воображении.

Эмоциональная гамма «Барака» необычайно широка. В один момент хочется улыбнуться, в другой – нас охватывает злость или негодование, в третий – удивление и шок, а иногда даже хочется заплакать от той несправедливости, которая порой выпадает на долю героев.

Ни один человек, ни одно действие в этой композиции не является лишним – все согласовано и логично. Все события следуют одно за другим неразрывно: действия идут параллельно, начинаются одновременно или врозь, но, в конце концов, они сходятся в единую сложно, но четко скрученную нить, состоящую из множества других – тонких и извилистых, как судьбы каждого человека. Все сводится в конце к одному событию: весь барак гуляет за одним столом одновременно на трех свадьбах, но есть два персонажа, которые не вписываются в это общество: они не находят себе места в этом собранном пазле картины маленького мира под названием «Барак». Герку-предателя не приемлет общество – он чужой среди своих. Фридрих же изо всех сил старается, но не может стать своим обществу, которое могло бы его принять. Он чужой, как не крути. И эта тема одиночества звучит в фильме очень явно, особенно в эпизоде, когда немец сидит один на лавочке и поет вполголоса свои песни на родном языке.

Несмотря на печальные события, тяжелые воспоминания героев и представление зрителя о войне как страшном факте истории, картина от начала и до конца пронизана оптимизмом. Финальный эпизод фильма насыщен событиями:

три свадьбы, одна смерть и одна новая жизнь, как символ нового поколения, которое не будет знать войны. Пусть арест немца и смерть Герки омрачает финал, но автор не заканчивает фильм на этом: звучит песня – она не веселая и не грустная: она как освобождение всего русского народа, как новый вздох перед рывком вперед, как символ того, что жизнь продолжается несмотря ни на что. «Барак» утвердил эту идею, доказал нам, что время войны прошло, настало время жить.

Т. О. Шилова, студентка кафедры РКТ

*Шилова, Т. О. Смысловая композиция персонажей в фильме «Барак» /
Т. О. Шилова // Студенческая наука: поиски и открытия:
материалы межвуз. студенч. конф. / ЧГАКИ. – 2008. – С. 237–239.*

Биофильмографический очерк

Прозаик, кинодраматург, член Союза кинематографистов РФ (с 1994), фотохудожник, общественный деятель, номинант высшей кинематографической награды РФ «Ника» (2000), лауреат Государственной премии РФ в области литературы и искусства (2001) *Виктор Дмитриевич Петров* родился 17 ноября 1949 года в Челябинске. В 1972 году окончил инженерно-строительный факультет Челябинского политехнического института (ЧПИ) и затем работал инженером-проектировщиком в «Гипроавтопроме». В 1984 году окончил Высшие курсы сценаристов и режиссеров художественного кино при Госкино СССР. Учился в мастерских В. М. Дьяченко, А. А. Тарковского, Э. П. Барабаша, В. С. Фрида.

В. Д. Петров с детства увлекся фотографией, еще в школьные годы стал участником международной фотовыставки в США, дипломом был отмечен снимок «Неудачная подсказка». Фотоработы мастера публиковались во многих газетах и журналах, таких как «Советское фото», «Журналист», «Уральский следопыт» и др., а также в альбоме «Фотостудия “Каменный пояс”». В 1979 году на Международной выставке «Бифото» (ГДР) за снимок «Вратарь» Виктор Петров получает золотую медаль. В период с 1976 по 1982 год увлечение становится профессией: Виктор Дмитриевич ведет курсы основ художественной фотографии в Доме юных техников ЧТЗ.

Первой из литературных публикаций В. Д. Петрова стал очерк *«Качканарские встречи»*, который был выпущен издательством «Молодая гвардия» в 1981 году. Затем в альманахе «Каменный пояс», в журналах «Уральский следопыт», «Уральская новь», в «Роман-газете» были напечатаны рассказы Виктора Петрова *«Рысь»* (1981), *«Запись для деда»* (1984), *«Ежли по совести»*, *«Прощай, мой милый мент»*, *«Генеральный прокурор»* (все три рассказа датируются 1998 годом). В 1987 году Южноуральское книжное издательство (ЮУКИ) в серии первая книга прозаика выпустило сборник литературных творений В. Д. Петрова *«Рекламный ролик»*, в который, помимо одноименной повести,

вошли и рассказы. В 1995 году в журнале «Уральская новь» был напечатан роман «Барак». В 2008 году в газете «Южноуральская панорама» был опубликован рассказ «Звезды не лгут». Для Петрова-прозаика характерны приверженность правде жизни, глубокая психологическая проработка характеров, образность языка.

Не менее успешным оказался дебют Виктора Петрова как киносценариста. Первый его фильм «*Рычаги*» (по мотивам рассказа А. Яшина, реж. В. Наумов; 1988) получил большой приз на Международном фестивале в Германии. Также был отмечен четырехсерийный кинороман «*Человек со свалки*» (1991, киностудия «Петрополь», ассоциация «Ленфильм», реж. Б. Горлов), который демонстрировался по многим отечественным и зарубежным телеканалам. Киноверсия романа «*Барак*» (2000, кинокомпания «Дар», ассоциация «Ленфильм», реж. В. Огородников) собрала 16 высших кинематографических призов на самых престижных фестивалях мира, демонстрировалась по телеканалам всех континентов. В ноябре 2000 года состоялся премьерный показ фильма в «Киномаксе-Урал». Участие в мероприятии приняли режиссер фильма В. Огородников, исполнители главных ролей Л. Ярмольник, Е. Сидихин, Н. Егорова, Э. Дильшнайдер (Германия). Виктор Петров является автором сценариев к многосерийным фильмам «*Приключения Даши*», «*Люди сумерек*», «*Красное небо. Черный снег*» (2005).

Виктор Петров является участником кинофестивалей в Выборге (1999), Гатчине (2000), Швеции (2000), Швейцарии (2000). Ведет активную общественную работу, являясь советником по культуре, членом Комиссии по помилованию при губернаторе Челябинской области. С 1990 года является бессменным организатором областного скаутского лагеря на озере Тургояк, цель и смысл создания которого – повышение у детей уровня жизненных притязаний и воспитание патриотизма. В 1993 году за организацию скаутских лагерей в России Виктор Дмитриевич награжден «ОРИОР» (штаб-квартира русских эмигрантов в США) знаком «Серебряная лилия». В 1994 году за организацию поддерж-

ки челябинцами русского населения Приднестровья В. Д. Петров был награжден Всероссийским советом казаков крестом «За Приднестровье».

Также Виктор Дмитриевич является автором представительских фотоальбомов «Ландшафты Южного Урала» и «Челябинская область».

Ныне заведует кафедрой режиссуры кино и телевидения Челябинской государственной академии культуры и искусств.

По материалам энциклопедии «Челябинск»:

Черноземцев, В. А. Петров Виктор Дмитриевич / В. А. Черноземцев // Челябинск: Энциклопедия / сост. В. С. Божье, В. А. Черноземцев. – Режим доступа: <http://www.book-chel.ru/ind.php>

Более подробную информацию о киноверсии романа В. Д. Петрова «Барак» можно получить по следующим ссылкам:

Барак / [б. авт.] // Кино-Театр. Ру. – Режим доступа: <http://www.kino-teatr.ru/kino/movie/ros/hud/384/annot>;

Ностальгия по «баракам» / [б. авт.] // Официальный сайт Евгения Сидихина. Информация о фильме «Барак» (информация об актерах и премьере фильма);

Валеев, А. «Барак» – лауреат / Айвар Валеев // Челяб. рабочий. – 2001. – 7 июня. – Режим доступа: <http://www.chrab.chel.su/archive/07-06-01/1/A121496> (о вручении Госпремии РФ создателям фильма)

Биобиблиографическое издание

Составитель

Цидина Татьяна Давыдовна

Петров Виктор Дмитриевич

Творческий портрет

В редакции составителя

Технический редактор,
дизайнер М. В. Лукина

Сдано в РИО 23.10.09
Формат 60х84 1/16
Заказ № 1030

Подписано к печати
Объем 10,4 п. л.
Тираж 100 экз.

Челябинская государственная академия культуры и искусств
454091, Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а

Отпечатано в типографии ЧГАКИ. Ризограф

ISBN 978-5-94839-156-4

9 785948 391564